
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОИСК

**Том 1 № 2
2020**

Научный журнал

Основан в марте 2020 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Заместитель главного редактора

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

Н.М. Арсентьев, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Саранск)

И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук, профессор (Россия, Казань)

А.Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

Г.А. Куршева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Саранск)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Ю.Н. Смирнов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Самара)

В.И. Соколова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

С.В. Стариков, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

О.А. Сухова, доктор исторических наук, профессор (Россия, Пенза)

А.А. Халин, доктор исторических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

А.А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Л.А. Шайпак, доктор исторических наук, профессор (Россия, Ульяновск)

А.А. Шевцова, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
http://www.chuvsu.ru/ist_poisk.htm

HISTORICAL SEARCH

**Vol. 1 № 2
2020**

Scientific Journal

Since March, 2020

Founder:
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«I.N. Ulianov Chuvash State University»

Editor-in-Chief

E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

N.M. Arsentiev, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Saransk, Russia)

I.I. Boyko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

I.K. Zagidullin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

A.G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

G.A. Kursheva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Saransk, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Yu.N. Смирнов, Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara, Russia)

V.I. Sokolova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

S.V. Starikov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

O.A. Sukhova, Doctor of Historical Sciences, Professor (Penza, Russia)

A.A. Khalin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

A.A. Chernobaev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

L.A. Shaupak, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

A.A. Shevtsova, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia
Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)
E-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
http://www.chuvsu.ru/ist_poisk.htm

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

УДК 323.329(470.344)«1946/1991»
ББК 63.3(2Рос.Чув)61

В.А. ГВОЗДЕВ

ПРАВОВОЙ СТАТУС СОВЕТА МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (середина 1940-х – начало 1990-х годов)

***Ключевые слова:** Чувашская Республика, Совет Министров Чувашской АССР, правовой статус, Конституция Чувашской АССР, органы государственной власти.*

В статье рассматривается установленное нормами права положение Совета Министров Чувашской АССР в структуре государственного управления Чувашии с момента его образования в 1946 г. до реорганизации в начале 1990-х годов. Анализируются статьи Конституций Чувашской АССР 1937 г. и 1978 г., характеризующие правовой статус Совета Министров Чувашской АССР как высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти автономии. Наибольшее внимание автором уделено рассмотрению содержания закона «О Совете Министров Чувашской АССР» от 18 декабря 1979 г., в котором в наиболее полном виде были прописаны полномочия правительства республики и порядок формирования его личного состава, указывались подведомственные Совету Министров органы и их функции в системе государственного управления, регулировались отношения с иными государственными учреждениями РСФСР и Чувашской АССР. По итогам проведенного исследования был сформулирован вывод, что правовой статус Совета Министров Чувашской АССР определялся не Верховным Советом Чувашской АССР, а общесоюзным и общероссийским законодательством, воспроизводившимся затем в Конституциях и законах автономных республик. Поэтому Совет Министров Чувашской АССР, как и правительства других автономий РСФСР, выступал звеном единой системы органов власти, которому предписывалось претворять в жизнь решения, принятые партийными и государственными органами центрального уровня.

Совет Министров Чувашской АССР наряду с Верховным Советом Чувашской АССР относился к высшим органам государственной власти Чувашии второй половины XX в. Однако до настоящего времени история его деятельности совершенно не изучена: в научных трудах исследователи касались ее лишь в свете тех или иных принятых Советом Министров постановлений, в учебной литературе по истории государственного управления в Чувашии давалась краткая характеристика конституционно-правового статуса правительства республики на основе статей Конституций Чувашской АССР 1937 года и 1978 года [2].

Более того, похожая историографическая ситуация сложилась и в других субъектах Российской Федерации. Несмотря на то, что во всех современных республиках в годы советской власти действовали Советы Министров, предметом самостоятельного анализа они стали лишь в Мордовии, где несколько лет назад П.С. Учватовым было подготовлено диссертационное исследование и издан ряд научных статей, отражающих различные аспекты деятельности Совета Министров Мордовской АССР [14]. Правовой статус республиканских правительств был кратко рассмотрен также в работах, посвященных высшим органам власти и управления отдельных субъектов Российской Федерации [1, 15].

Настоящая статья носит историко-правовой характер и имеет целью установление правового статуса Совета Министров Чувашской АССР в структуре государственных органов республики с момента его образования в 1946 г. и до реорганизации в начале 1990-х гг.

Согласно Конституции Чувашской АССР 1937 г. «высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти» республики являлся Совет Народных Комиссаров Чувашской АССР (или Правительство Чувашской АССР). 15 марта 1946 г. Верховный Совет СССР принял закон «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик – в Советы Министров союзных и автономных республик» [5]. На его основе 26 марта того же года Президиум Верховного Совета Чувашской АССР де-юре осуществил преобразование Совет Народных Комиссаров Чувашской АССР в Совет Министров Чувашской АССР, а народных комиссариатов – в министерства.

Несмотря на переименование, полномочия правительства и в дальнейшем по-прежнему регулировались четвертой главой (ст. 38–48) Конституции Чувашской АССР 1937 года, которая практически дословно дублировала аналогичную главу Конституции РСФСР 1937 года (с заменой РСФСР на Чувашскую АССР). Конституцией Чувашской АССР устанавливались подотчетность и ответственность Совета Министров перед Верховным Советом Чувашской АССР (высший орган государственной власти автономии и единственный законодательный орган), которому и принадлежало право формирования правительства. В период между сессиями Верховного Совета Чувашской АССР Совет Министров нес ответственность перед Президиумом Верховного Совета (ст. 37, 39). В частности, согласно Конституции Чувашской АССР, правительство после поступления запроса со стороны депутата Верховного Совета Чувашской АССР обязано было в трехдневный срок представить устный или письменный ответ (ст. 45) [11. С. 19–24].

Правительство Чувашской АССР имело право во исполнение действующих законов СССР, РСФСР и Чувашской АССР издавать постановления и распоряжения, обязательные к исполнению на всей территории автономии; последние могли быть отменены Президиумом Верховного Совета Чувашской АССР (ст. 30, 41). Также Совет Министров наделялся правом отменять приказы и инструкции министерств Чувашской АССР, приостанавливать и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов районных и городских Советов депутатов трудящихся (ст. 43) [11. С. 16, 20–21].

Основные функции правительства в схематичной форме перечислялись в ст. 42 Конституции Чувашской АССР: объединяет и направляет работу министерств и других подведомственных ему хозяйственных и культурных уч-

реждений, объединяет и проверяет работу уполномоченных общесоюзных и союзно-республиканских министерств; принимает меры по осуществлению народнохозяйственного плана, республиканского и местного бюджетов Чувашской АССР, по обеспечению общественного порядка и защите интересов государства и охране прав граждан; руководит и проверяет работу исполнительных комитетов районных и городских Советов депутатов трудящихся. Одной из важнейших функций Совета Министров было составление республиканского бюджета, который в дальнейшем утверждался Верховным Советом (ст. 69) [11. С. 20–21, 32].

Согласно исходной редакции ст. 44 Конституции Чувашской АССР 1937 года в состав правительства республики входили 19 человек: председатель Совнаркома, два его заместителя, 12 народных комиссаров, Председатель Государственной плановой комиссии Чувашской АССР, начальники Управления по делам искусств и дорожного управления, Уполномоченный Комитета заготовок СССР [11. С. 21–22]. В дальнейшем в связи с изменением структуры органов государственного управления в ст. 44 неоднократно вносились поправки, вследствие чего менялся и состав Совета Министров. Так, согласно закону Чувашской АССР от 27 декабря 1968 г. состав правительства автономии увеличился до двух с половиной десятков человек, в него входили: председатель, его заместители (без указания количества), 13 министров (причем состав министерств изменился по сравнению с наркоматами конца 1930-х гг. – только 8 из них сохранили свои названия и не были переименованы или реорганизованы), 6 начальников управлений, а также председатели Государственной плановой комиссии Чувашской АССР, Комитета народного контроля Чувашской АССР и Комитета государственной безопасности при Совете Министров Чувашской АССР [7]. Законом Чувашской АССР от 23 декабря 1971 г. Совет Министров образовывался Верховным Советом в составе: председатель, его заместитель, 15 министров, 5 председателей различных комитетов и комиссий, 6 начальников управлений, плюс начальник отдела цен [8].

Председатель Совета Министров вносил на рассмотрение Президиума Верховного Совета кандидатуры на должность руководителей республиканских министерств. Решения Президиума о назначении министров или их освобождении от должности подлежали последующему утверждению Верховным Советом (ст. 30) [11. С. 16].

31 мая 1978 г. была принята новая Конституция Чувашской АССР, сохранившая за Советом Министров статус высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти республики. В отличие от прежней Конституции состав Совета Министров не конкретизировался: лишь отмечалось, что Совет Министров образовывался Верховным Советом «в составе Председателя Совета Министров Чувашской АССР, первого заместителя и заместителей Председателя, министров, председателей государственных комитетов и руководителей других органов государственного управления, образуемых Верховным Советом республики» (ст. 111) [12. С. 43]. Кроме того, по представлению Председателя Совета Министров Верховный Совет Чувашской АССР мог включить в состав правительства руководителей других органов и организаций республики. Данная формулировка оказалась более удобной, поскольку в предшествующие годы, как отмечалось выше, при любом более менее значительном изменении в структуре органов власти (появление новых и ликвидация прежних государственных учреждений, их пере-

именование) приходилось вносить изменения в соответствующие статьи Конституций РСФСР и СССР.

При этом необходимо учитывать немаловажный факт: несмотря на то, что в законодательстве прямо нигде не прописывалось участие партийных органов в формировании состава Совета Министров, в реальности назначения происходили только после рассмотрения личных анкет и собеседования в ЦК КПСС и Чувашском обкоме партии. При назначении республиканских министров и руководителей государственных комитетов требовалось также первоначальное согласование кандидатур в соответствующих центральных министерствах и государственных комитетах. То есть, Верховный Совет Чувашской АССР де-юре оформлял решение, ранее принятое партийным руководством, он не был самостоятелен в принятии решений по столь важным кадровым вопросам. Это логично вытекало из положения о «руководящей и направляющей силе советского общества» в лице Коммунистической партии Советского Союза, которое было зафиксировано в конституциях всех уровней, в том числе и в Конституции Чувашской АССР (ст. 6) [12. С. 8].

Более развернуто были прописаны в новом Основном законе функции Совета Министров, что в целом объясняется большей детализацией статей в Конституции 1978 года и, соответственно, существенным увеличением ее объема. В частности, появились прежде отсутствовавшие положения о принятии мер «по обеспечению государственной безопасности и обороноспособности страны» и образовании при Совете Министров, в случае необходимости, различного рода комитетов, управлений и других ведомств (ст. 113). Также Совет Министров мог обратиться в Президиум Верховного Совета с предложением создать или упразднить то или иное министерство, государственный комитет и т.п. (ст. 104) [12. С. 41, 45].

В Конституции 1978 г. можно выделить несколько важнейших новелл, касающихся компетенции правительства Чувашии. Так, следует отметить зафиксированный в Основном законе (ст. 113) принцип, что Совет Министров «правомочен решать все вопросы государственного управления, отнесенные к ведению Чувашской АССР, поскольку они не входят, согласно Конституции, в компетенцию Верховного Совета Чувашской АССР и Президиума Верховного Совета Чувашской АССР» [12. С. 44]. Тогда как в Конституции 1937 г. похожим образом определялась правомочность Верховного Совета Чувашской АССР, который осуществлял все права, присвоенные Чувашской АССР, за исключением входивших в компетенцию Президиума Верховного Совета, Совета Народных Комиссаров и наркоматов (ст. 20) [11. С. 13]. Вместе с тем нельзя сказать, что появление в тексте Конституции вышеназванной формулировки повысило статус правительства республики, так как Верховный Совет был правомочен решать абсолютно все вопросы, отнесенные Конституциями СССР, РСФСР и Чувашской АССР к ведению республики (ст. 92) [12. С. 37].

Кроме того, в Основном законе закреплялось право законодательной инициативы Совета Министров (ст. 96) и указывалось на то, что различные аспекты деятельности правительства республики регулируются особым Законом о Совете Министров Чувашской АССР (ст. 118) [12. С. 38, 47].

В целом большинство положений Конституции Чувашской АССР о правительстве республики практически дословно дублировали соответствующие статьи Конституции РСФСР: в шести из девяти статей гл. 12 «Совет Министров Чувашской АССР» (ст. 110, 112, 115–118) приводился текст, аналогичный

статьям из гл. 14 «Совет Министров РСФСР» Конституции РСФСР (ст. 122, 124, 127–130), где различие проявлялось исключительно в замене РСФСР на Чувашскую АССР. В определении состава правительства и его президиума единственное различие заключалось в том, что в Чувашии мог быть лишь один первый заместитель Председателя Совета Министров (ст. 111, 114 Конституции Чувашской АССР), а в РСФСР таких должностей было несколько (ст. 123, 126 Конституции РСФСР). Статьи Основных законов о полномочиях Совета Министров Чувашской АССР (ст. 113) и Совета Министров РСФСР (ст. 125) тоже различались слабо: общероссийское законодательство предусматривало, что Совет Министров РСФСР «направляет и проверяет работу Советов Министров автономных республик», «осуществляет руководство в области отношений РСФСР с иностранными государствами и международными организациями в порядке, установленном Союзом ССР» [10; 12. С. 43–47]. В остальном положения названных статей совпадали.

Избыточное дублирование нормативных предписаний, являвшееся одной из наиболее характерных черт советской правовой системы, ярко проявилось в принятии в 1979 г. законов-близнецов о Советах Министров РСФСР и автономных республик. 3 августа 1979 г. вступил в силу закон «О Совете Министров РСФСР». В этом же месяце аналогичные законы были приняты в Башкирской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР (10 августа), Якутской АССР (14 августа), Калмыцкой АССР (16 августа), Мордовской АССР (17 августа), Татарской и Марийской АССР (23 августа), позже – в Бурятской и Удмуртской АССР (6 сентября), Коми АССР (18 декабря) и др. Спустя некоторое время после принятия данные законы публиковались отдельной брошюрой. Закон «О Совете Министров Чувашской АССР» появился на свет позже, чем в других автономных республиках: это произошло 18 декабря 1979 г. в ходе двенадцатой сессии Верховного Совета Чувашской АССР. Как и в остальных автономных республиках, закон состоял из пяти глав и 30 статей [6].

Для сравнения, аналогичный по содержанию закон «О Совете Министров РСФСР» включал 34 статьи. В нем, в отличие от регионального законодательства, имелись статьи о полномочиях «в области внешнеполитической деятельности» (ст. 15), об отношениях с государственными органами Советского Союза, союзных республик и Советами Министров автономных республик (ст. 18–19). Плюс различались перечни министерств и государственных комитетов, подведомственных Совету Министров РСФСР (ст. 25–27) и правительствам автономных республик [4]. В остальном содержание текста статей полностью совпадало (естественно, с заменой РСФСР на Чувашскую АССР).

Как уже справедливо отмечалось в историографии, «формальное право на принятие законов, регулирующих их жизнедеятельность, было, но фактически воспользоваться предоставленным правом было нельзя... В итоге получалось воспроизведение в законодательных актах Чувашии лишь текста законов РСФСР с указанием наименования республики» [13. С. 185].

Закон «О Совете Министров Чувашской АССР» от 18 декабря 1979 г. являлся основным нормативно-правовым актом, в наиболее развернутом виде определявшим правовой статус Совета Министров в системе органов государственной власти автономии вплоть до начала 1990-х гг., действуя некоторое время и после распада Советского Союза, в условиях формирования новой политической реальности в лице независимой Российской Федерации.

Прекращение его действия связано с принятием Верховным Советом Чувашской Республики 31 июля 1992 г. постановления «О порядке введения в действие Закона Чувашской Республики "О Совете Министров Чувашской Республики"» [9].

Остановимся подробнее на основных положениях закона от 18 декабря 1979 г. [6]. Его первая глава («Основные положения», ст. 1–5) во многом дублировала гл. 12 Конституции Чувашской АССР. Более подробно описывалась процедура внесения изменений в персональный состав Совета Министров Чувашской АССР – освобождение от должности и назначение отдельных лиц осуществлялось Верховным Советом Чувашской АССР, а в период между его сессиями – Президиумом Верховного Совета (по представлению Председателя Совета Министров) с последующим представлением на утверждение Верховного Совета Чувашской АССР на его очередной сессии.

Вторая глава («Компетенция Совета Министров Чувашской АССР», ст. 6–16) была самой большой в законе и по объему, и по количеству статей, составляя более трети всего закона по обоим параметрам. В ней очерчивались общие вопросы компетенции Совета Министров (ст. 6), детализировались его основные полномочия в области развития экономики (ст. 7), социального развития и культуры (ст. 8), планирования экономического и социального развития (ст. 9), финансов, кредита и цен (ст. 10), труда и заработной платы (ст. 11), науки и техники (ст. 12), обеспечения социалистической законности (ст. 13), обеспечения безопасности и обороноспособности страны (ст. 14). Каждая из перечисленных статей раскрывала от четырех до шести полномочий правительства в определенной сфере. Полномочия в силу их большого количества и разнообразия раскрывались в самых общих словах: «принимает меры», «осуществляет меры», «разрабатывает меры», «способствует осуществлению мер», «участвует в осуществлении мер», «решает вопросы», «обеспечивает», «содействует», «организует работу».

Ст. 15 и 16 разграничили вопросы, решаемые на заседании Совета Министров («наиболее важные вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства») и на заседаниях его Президиума. Кроме того, в ст. 16 определялся состав Президиума Совета Министров, дублируя в этом плане ст. 114 Конституции Чувашской АССР.

Большое значение для определения места Совета Министров в структуре органов государственной власти имела третья глава («Отношения Совета Министров Чувашской АССР с другими государственными органами», ст. 17–22). В ней прописывалась возможность взаимодействия правительства республики с министерствами и государственными комитетами РСФСР, государственными органами других автономных республик, исполкомами краевых и областных Советов народных депутатов РСФСР, предоставлялось право внесения на рассмотрение Совета Министров РСФСР предложений «по вопросам республиканского (РСФСР) и общесоюзного значения» (ст. 17). Наиболее тщательно определялись отношения Совета Министров Чувашской АССР с исполкомами местных Советов народных депутатов (ст. 18), министерствами и государственными комитетами республики (ст. 19), так как именно Совет Министров осуществлял руководство их деятельностью, повседневно направлял и контролировал их работу. В этой связи особо прописывались контролирующие функции Совета Министров, который в том числе наделялся правом отменять акты всех подведомственных ему органов, налагать дисципли-

плинарные взыскания на их руководителей (ст. 20). При этом предполагалось тесное сотрудничество правительства с Комитетом народного контроля Чувашской АССР, образуемым Верховным Советом Чувашской АССР (ст. 20).

Кроме того, в третьей главе закона определялся правовой статус министерств (ст. 21) и государственных комитетов (ст. 22) как центральных органов государственного управления Чувашской АССР. Поскольку в Советском Союзе еще с 1920-х гг. утвердился принцип двойного подчинения подобных органов власти, в законе прописывалось их подчинение и Совету Министров Чувашской АССР, и соответствующему министерству или государственному комитету РСФСР.

В четвертой главе («Перечень министерств и государственных комитетов Чувашской АССР. Другие подведомственные Совету Министров Чувашской АССР органы», ст. 23–25) перечислялись 15 министерств (ст. 23), 10 государственных комитетов (ст. 24). В 1980-е гг. в связи с изменением структуры органов государственной власти в эти статьи закона вносились поправки, как ранее происходило с соответствующими статьями Конституции Чувашской АССР 1937 г. Среди подведомственных Совету Министров учрежденных отдельно были упомянуты в законе Управление топливной промышленности, Управление кинофикации и Комитет по физической культуре и спорту (ст. 25), остальные существующие управления, отделы и иные ведомства не назывались по причине их большого количества и вероятности частой трансформации (ликвидация, переименование, образование новых учреждений).

Пятая глава («Организация работы Совета Министров Чувашской АССР», ст. 26–30) касалась вопросов организации повседневной деятельности правительства республики. Согласно ст. 26, заседания Совета Министров должны были проводиться не реже одного раза в квартал, а заседания Президиума – «регулярно (по мере необходимости)»; решения принимались большинством членов. Ст. 27 определяла полномочия председателя Совета Министров и его заместителей, ст. 28 предоставляла правительству республики право создавать постоянные и временные комиссии и иные рабочие органы для решения вопросов государственного управления.

В ст. 29 конкретизировались правовые различия между постановлениями и распоряжениями Совета Министров: в форме постановлений должны были издаваться решения правительства, носившие нормативный характер (т.е. содержали правовые нормы и имели направленность на неоднократное применение) или имевшие «важное народнохозяйственное и общее значение», тогда как решения по оперативным и другим текущим вопросам издавались в форме распоряжений. Статьей предусматривалось, что постановления Совета Министров «публикуются в Сборнике постановлений Правительства Чувашской АССР, а при необходимости широкого и немедленного их обнародования доводятся до всеобщего сведения средствами массовой информации» [6. С. 22]. Однако в действительности подобного сборника постановлений в республике в 1980-е гг. не издавалось; не печатались постановления, за очень редким исключением, и в республиканской печати.

В последней статье закона определялись функции аппарата правительства, который должен был осуществлять «подготовку вопросов для рассмотрения в Совете Министров Чувашской АССР» и обеспечивать «систематическую проверку исполнения решений партии и правительства» [6. С. 23]. Возглавлял аппарат управляющий делами Совета Министров, который в обяза-

тельном порядке включался в состав правительства. В целом об аппарате Совета Министров в законе сказано очень кратко, поскольку предусматривалось специальное Положение, регулирующее его деятельность. Отметим, что Постановление Совета Министров Чувашской АССР «Об утверждении Положения об Управлении Делами Совета Министров Чувашской АССР» было принято 18 августа 1983 г. [3].

Таким образом, правовой статус правительства Чувашской АССР как высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти республики во второй половине XX в. определялся главным образом Конституцией Чувашской АССР и законом «О Совете Министров Чувашской АССР» от 18 декабря 1979 г. Они, в свою очередь, дублировали положения Конституции РСФСР и закона «О Совете Министров РСФСР» от 3 августа 1979 г. Тем самым Совет Министров Чувашской АССР, как и правительства других автономных республик, выступали звеньями единой системы органов власти, которым предписывалось претворять в жизнь решения, принятые партийными и государственными органами центрального уровня. И Президиум Верховного Совета РСФСР, и Совет Министров РСФСР обладали правом отменять любые постановления и распоряжения Совета Министров Чувашской АССР. Органы автономии не могли осуществлять на своей территории всю полноту государственной власти, которая принадлежала союзной республике и СССР в целом.

Литература

1. Бибина Н.М. Законодательство Мордовии о высших органах государственной власти и управления в конце 1970-х – середине 1990-х гг. // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 255–257.

2. Гвоздев В.А. Совет министров Чувашской АССР (1946–1991 гг.) «в зеркале» отечественной историографии // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 4. С. 329–337.

3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-203. Оп. 21. Д. 2233.

4. Закон РСФСР от 3 августа 1979 г. «О Совете Министров РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1979. № 32, 9 авг. Ст. 783.

5. Закон СССР от 15 марта 1946 г. «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик – в Советы Министров союзных и автономных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 10, 28 марта.

6. Закон Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики о Совете Министров Чувашской АССР: Принят на двенадцатой сессии Верховного Совета Чувашской АССР девятого созыва 18 декабря 1979 г. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 24 с.

7. Закон Чувашской АССР от 27 декабря 1968 г. «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета Чувашской АССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 44, 63 и 66 Конституции (Основного Закона) Чувашской АССР» [Электронный ресурс]. URL: http://elbib.Neбchr.ru/lib_files/0/kofd_0_0002226.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

8. Закон Чувашской АССР от 23 декабря 1971 г. «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета Чувашской АССР «О преобразовании Министерства коммунального хозяйства Чувашской АССР в Министерство жилищно-коммунального хозяйства Чувашской АССР» и внесении дополнений в статью 44 Конституции (Основного Закона) Чувашской АССР». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garaNet.ru/17620-081> (дата обращения: 03.08.2020).

9. Закон Чувашской Республики от 31 июля 1992 г. «О Совете Министров Чувашской Республики» // Советская Чувашия. 1992. № 159, 11 авг.

10. Конституция (Основной Закон) РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15, 13 апр. Ст. 407.

11. Конституция (Основной Закон) Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Чебоксары: Чувашиздат, 1937. 51 с.

12. Конституция (Основной Закон) Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Принята на внеочередной восьмой сессии Верховного Совета ЧАССР девятого созыва 31 мая 1978 года. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1978. 125 с.

13. Ухтияров А.И. Вопросы национально-государственного строительства в основных законах Российской Федерации и Чувашии // Чувашская Республика: проблемы национально-государственного строительства (история и современность) / ЧГИГН. Чебоксары, 2005. С. 178–191.

14. Учватов П.С. Совет Министров Мордовской АССР в 1934–1991 гг.: Формирование, состав, деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2016. 16 с.

15. Шорваева Н.В. Развитие высших органов государственной власти и управления Калмыкии во второй половине XX века: автореф. дис.... канд. ист. наук. Астрахань, 2006. 19 с.

ГВОЗДЕВ ВАСИЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – аспирант кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Ульяновск (v.gvozdev@bk.ru).

Vasily A. GVOZDEV

**THE LEGAL STATUS OF THE CHUVASH ASSR COUNCIL OF MINISTERS
IN THE SYSTEM OF STATE GOVERNMENT BODIES
(mid 1940s – early 1990s)**

Key words: *the Chuvash Republic, Council of Ministers of the Chuvash ASSR, legal status, the Constitution of the Chuvash ASSR, state government bodies.*

The article considers the position of the Council of Ministers of the Chuvash ASSR in conformity with the statutory standard in the structure of state administration of Chuvashia from the moment of its formation in 1946 until reorganization at the beginning of the 1990s. The author analyzes the articles of the Constitution of the Chuvash ASSR dated 1937 and 1978 characterizing the legal status of the Chuvash ASSR Council of Ministers as the highest executive and administrative body of the state authority of the autonomy. The author pays the most attention to examining the content of the law “On the Council of Ministers of the Chuvash ASSR” dated December 18, 1979, which in the most complete form describes the powers of the Government of the Republic and the procedure for the formation of its personnel, specifies the bodies under the Council of Ministers and their functions in the system of public administration, regulates relations with other state institutions of the RSFSR and the Chuvash ASSR. Following the results of the study, the conclusion was formulated that the legal status of the Council of Ministers of the Chuvash ASSR was determined not by the Supreme Council of the Chuvash ASSR, but by the All-Union and All-Russian legislation, which was then reproduced in the Constitutions and laws of the autonomous republics. That is why the Council of Ministers of the Chuvash ASSR, as well as the governments of other autonomies of the RSFSR, acted as a part of the unified system of authorities, which was ordered to implement decisions taken by party and state authorities of the central level.

References

1. Bibina N.M. *Zakonodatel'stvo Mordovii o vysshikh organakh gosudarstvennoi vlasti i upravleniya v kontse 1970-kh – seredine 1990-kh gg.* [The legislation of Mordovia on the highest bodies of state power and government in the late 1970s – mid-1990s.]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2011, no. 2, pp. 255–257.
2. Gvozdev V.A. *Sovet ministrov Chuvashskoi ASSR (1946–1991 gg.) «V zerkale» otechestvennoi istoriografii* [Council of Ministers of the Chuvash ASSR (1946–1991) "in the mirror" of national historiography]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*, 2019, vol. 5, no. 4, pp. 329–337.
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki*. F. R-203. Op. 21. D. 2233 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-203. Anagraph 21. Document 2233].
4. *Zakon RSFSR ot 3 avgusta 1979 g. «O Sovete Ministrov RSFSR»* [Law of the RSFSR of August 3, 1979 «On the Council of Ministers of the RSFSR»]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*, 1979, Aug. 9, no. 32, Art. 783.
5. *Zakon SSSR ot 15 marta 1946 g. «O preobrazovanii Soveta Narodnykh Komissarov SSSR v Sovet Ministrov SSSR i Sovetov Narodnykh Komissarov soyuznykh i avtonomnykh respublik – v Sovety Ministrov soyuznykh i avtonomnykh respublik»* [Law of the USSR of March 15, 1946 «On the Transformation of the Council of People's Commissars of the USSR into the Council of Ministers of the USSR and the Soviets of People's Commissars of Union and Autonomous Republics – into the Soviets of Ministers of Union and Autonomous Republics»]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, 1946, March 28, no. 10.
6. *Zakon Chuvashskoi Avtonomnoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki o Sovete Ministrov Chuvashskoi ASSR: Prinyat na dvenadtsatoi sessii Verkhovnogo Soveta Chuvashskoi ASSR devyatogo sozyva 18 dekabrya 1979 g.* [Law of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic on the Council of Ministers of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic: Adopted at the twelfth session of the Supreme Council of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic of the ninth convocation on December 18, 1979]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1980, 24 p.
7. *Zakon Chuvashskoi ASSR ot 27 dekabrya 1968 g. «Ob utverzhdenii Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta Chuvashskoi ASSR i o vnesenii izmenenii i dopolnenii v stat'i 44, 63 i 66 Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) Chuvashskoi ASSR»* [Law of the Chuvash ASSR of December 27, 1968 «On the Approval of Decrees of the Presidium of the Supreme Council of the Chuvash ASSR and on Amendments and Additions to Articles 44, 63 and 66 of the Constitution (Basic Law) of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic»]. Available at: http://elbib.Nebchr.ru/lib_files/0/kofd_0_0002226.pdf (Accessed 3 August 2020).
8. *Zakon Chuvashskoi ASSR ot 23 dekabrya 1971 g. «Ob utverzhdenii Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta Chuvashskoi ASSR «O preobrazovanii Ministerstva kommunalnogo khozyaistva Chuvashskoi ASSR v Ministerstvo zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva Chuvashskoi ASSR» i vnesenii dopolnenii v stat'yu 44 Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) Chuvashskoi ASSR»* [Law of the Chuvash ASSR of December 23, 1971 «On the Approval of the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the Chuvash ASSR «On the Transformation of the Ministry of Public Utilities of the Chuvash ASSR into the Ministry of Housing and Communal Services of the Chuvash ASSR» and supplementing article 44 of the Constitution»]. Available at: <https://base.garaNet.ru/17620081/> (Accessed 3 August 2020).
9. *Zakon Chuvashskoi Respubliki ot 31 iyulya 1992 g. «O Sovete Ministrov Chuvashskoi Respubliki»* [Law of the Chuvash Republic of July 31, 1992 «On the Council of Ministers of the Chuvash Republic»]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1992, Aug. 11, no. 159.
10. *Konstitutsiya (Osnovnoi Zakon) RSFSR* [Constitution (Basic Law) of the RSFSR]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR], 1978, Apr. 13, no. 15, Art. 407.
11. *Konstitutsiya (Osnovnoi Zakon) Chuvashskoi Avtonomnoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki* [Constitution (Basic Law) of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1937, 51 p.

12. *Konstitutsiya (Osnovnoi Zakon) Chuvashskoi Avtonomnoi Sovetskoj Sotsialisticheskoi Respubliki. Prinyata na vneocherednoi vos'moi sessii Verkhovnogo Soveta ChASSR devyatogo sozyva 31 maya 1978 goda* [Constitution (Basic Law) of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. Adopted at the extraordinary eighth session of the Supreme Council of the Chuvash ASSR of the ninth convocation on May 31, 1978]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1978, 125 p.

13. Ukhtiyarov A.I. *Voprosy natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Osnovnykh zakonakh Rossiiskoi Federatsii i Chuvashii* [Issues of national-state construction in the Basic Laws of the Russian Federation and Chuvashia]. In: *Chuvashskaya Respublika: problemy natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva (istoriya i sovremennost')* [Chuvash Republic: problems of national-state construction (history and modernity)]. Cheboksary, CHGIGN, 2005, pp. 178–191.

14. Uchvatov P.S. *Sovet Ministrov Mordovskoi ASSR v 1934–1991 gg.: Formirovanie, sostav, deyatel'nost': avtoref. dis.... kand. ist. nauk* [Council of Ministers of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1934–1991: Formation, composition, activities: Abstract of Cand. Diss.]. Saransk, 2016, 16 p.

15. Shorvaeva N.V. *Razvitie vysshikh organov gosudarstvennoi vlasti i upravleniya Kalmykii vo vtoroi polovine XX veka: avtoref. dis.... kand. ist. nauk* [Development of the highest state authorities and administration of Kalmykia in the second half of the 20th century: Abstract of Cand. Diss.]. Astrakhan, 2006, 19 p.

VASILY A. GVOZDEV – Post-Graduate Student, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk (v.gvozdev@bk.ru).

Формат цитирования: Гвоздев В.А. Правовой статус Совета Министров Чувашской АССР в системе органов государственной власти (середина 1940-х – начало 1990-х годов) // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 5–15.

УДК 93/94
ББК 63.3 (2)

И.Н. КАМАРДИН

**РАБОЧИЙ ПРОТЕСТ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД К НЭПУ**

Ключевые слова: забастовка, рабочий протест, НЭП, материальное вознаграждение, продовольственный паек, голод, рабочие, предприятие.

Актуальность темы рабочего протеста связана с широким распространением протестного настроения в ряде европейских стран. Изучение рабочего активизма в начале 1920-х гг. поможет более детально понять причины, ход и сценарии развития борьбы рабочих за свои экономические, политические и социальные интересы. Выводы основаны на данных архивов, периодики и новейших исторических исследований. Низкий уровень благосостояния пролетариата и систематические задержки материального вознаграждения привели к обнищанию рабочих, что послужило питательной почвой для возникновения конфликтов в регионе. Рабочие на забастовках требовали ликвидации задолженности заработной платы и выдачи продовольственных пайков в полном объеме. Партийные и профсоюзные руководители, как правило, стремились перевести конфликт из области общих недостатков системы в плоскость ошибок отдельных руководителей, переключить недовольство рабочих на конкретных руководителей предприятий, тем самым направляя недовольство системой на протест против начальства. Рабочим в конфликтах были присущи конформизм, стремление договориться с властью на производственном уровне. Они легко шли на встречу обещаниям и, будучи в очередной раз обмануты, снова и снова возвращались к своим требованиям.

К лету 1921 г. экономика Советской России практически полностью была уничтожена первой мировой и гражданской войнами. Из-за недостатка сырья и топлива почти треть заводов и фабрик бездействовала, остальные работали с неполной загрузкой. Тысячи рабочих оказались без средств к существованию. Из региона поступали тревожные сигналы. В информационных сводках за июнь в Нижегородской губернии отмечалось: «Настроение рабочих и служащих натянутое ввиду того, что рабочие и служащие находятся в безвыходном положении в отношении продовольствия, ибо за май получена лишь половина пайка, а за первую половину июня выдавали по 200 г муки на каждого рабочего, а также членам их семей. Купить по вольным ценам рабочим не могут, а обменять не на что, так как в течение трех лет все отнесено в деревню, настроение с каждым днем понижается и становится подавленным» [9. С. 196]. Особенно тяжелым положением было в Саратовской губернии. Из 2,9 млн человек здесь в середине 1921 г. голодало 40% населения. В июле в Астрахани губком пошел на сокращение продовольственных пайков, что повлекло неминуемый рост цен на рынках города. Так, цены с 1 июля по 15 сентября на лецца соленого выросли с 35 000 до 180 000 руб., т.е. в 5 раз. В этих условиях рабочий протест становится составной частью повседневной жизни рабочих. Наибольшее число забастовок как по стране, так и в Поволжье прошло именно в этот период. По данным профсоюзов в них принимали участие 197 тыс. человек, в том числе

65,6 тыс. в Москве и Петрограде. Только в Москве за 1922 г. ГПУ зарегистрировало 114 забастовок. В исследуемом регионе было выявлено с июня по декабрь 1921 г. – 49, 1922 г. – 114 забастовки [7. С. 55].

Отличительной особенностью от предыдущего периода становится отсутствие политических требований и объединительных тенденций среди трудящихся. Рабочие волнения, как правило, возникали в ответ на систематические задержки материального вознаграждения, доходящие порой до нескольких месяцев.

Тяжёлое материальное положение населения после революции и гражданской войны усугубил голод 1921 г. Во всех губерниях исследуемого региона начались сокращение продовольственных пайков для всех категорий населения и закрытие нерентабельных предприятий. Так, в Саратовской губернии большинство промышленных предприятий бездействовало. К середине 1921 г. не работали почти 2/3 предприятий, находившихся в ведении губсовнархоза [23. Л. 5]. Аналогичное положение сложилось и в других районах Поволжья. В Царицынской губернии из 523 национализированных заводов и фабрик более половины были разграблены или уничтожены [27. С. 17]. На Пензенском трубочном заводе в 1921 г. уволили 500 рабочих. В Симбирске встал вопрос о закрытии патронного завода [18. Л. 14]. В июне 1921 г. Пензенский губисполком послал В.И. Ленину телеграмму, в которой сообщалось: «Положение в губернии катастрофическое, хлеба нет. Железнодорожники и рабочие фабрик накануне полного прекращения работ, учитывая сложившееся положение, просим Вас о принятии действенных мер» [14. Л. 140]. Выступая на IX съезде Советов, представитель от Самары В.А. Антонов-Овсенко констатировал: «Миллионы людей голодают, и это не простые слова о недоедании, это значит, что людям уже нечего жевать, что они грызут мёрзлую землю, что они сходят с ума от постигшего их бедствия» [8. Л. 4].

Число выявленных забастовок на протяжении всего периода оставалось достаточно устойчивым. После разгрома рабочего движения в Поволжье в апреле–июне 1921 г. наступает затишье, что связано с арестами лидеров рабочего движения и частичным закрытием предприятий Поволжья.

В феврале–марте 1922 г. происходит увеличения числа забастовок, причиной послужило ухудшение продовольственного положения регионов и, как следствие, уменьшение размеров и массовые задержки в выдаче продовольственных пайков. В регионах происходит повсеместная задержка выплаты рабочим жалования, что вызывает стремительный рост рыночных цен [24. С. 368]. В марте 5 из 16 выявленных забастовок прошли на территории Саратовской губернии. Как отмечала госинформсводка за март 1922 г. снабжение рабочих Аткарского, Сердобского, Петровского, Камышинского и Еланского уездов было крайне слабым. Продовольствием рабочие не обеспечиваются. Настроение рабочих в остальных уездах подавленное вследствие тяжёлого материального положения [11. Л. 112].

Как отмечали госинформсводки ГПУ, во второй половине 1922 г. в настроении рабочих произошёл перелом в лучшую сторону, что было связано с прогнозами на хороший урожай и приостановившимся в связи с этим ростом цен на продукты питания [17. Л. 125]. В августе–сентябре 1922 г. в Поволжье было зафиксировано всего лишь по пять забастовок в месяц. В эти два месяца озабоченность местных властей вызывали только грузчики Самарского и Симбирского участков, а также водники Астраханской, Саратовской губерний,

среди которых систематически отмечался уход с работ вследствие невыдачи продовольственных пайков и заработной платы [21. Л. 262]. Из-за несвоевременной выдачи продовольственных пайков вспыхнули две забастовки в июне 1922 г. среди транспортников Царицына. По сути, голодные бунты прошли среди форпостинских бондарей, рабочих Бассоли.

В октябре в настроениях рабочих стали появляться негативные тенденции, которые были вызваны отставанием тарифных ставок от постоянного роста рыночных цен. Недостаточность тарифных ставок усугубляется задержкой выплаты жалования, достигающей несколько месяцев. В Мелекесе, Бузулуке и Пугачеве задолженность составляла от одного до трёх месяцев [19. Л. 57]. В Нижегородской губернии задержка зарплаты и продовольствия отмечалась среди сормовских рабочих и среди учителей [24. С. 56]. В то же время рыночные цены стали расти. Следует отметить, что повышение цен на продукты питания заставило крестьян сократить продажу продуктов сельского хозяйства в ожидание лучшей цены. В условиях гиперинфляции задержки заработной платы сильно били по бюджету рабочих. Так, в октябре 1922 г. вследствие задержки выдачи заработной платы на руднике в Выксунском уезде произошла забастовка рабочих (500 человек) [15. Л. 17].

В ноябре задолженность по зарплате отмечалась среди рабочих завода имени Карла Маркса (Астраханской губернии), Сормовского завода (Нижегородской губернии).

В декабре 1922 г. на территории РСФСР органами ГПУ было зафиксировано 40 забастовок, из которых пять прошли на территории исследуемого региона. В Астраханской губернии в декабре органами ОГПУ было зафиксировано по экономическим причинам три забастовки. На заводе «Нобель» Царицынской губернии из-за невыдачи жалования за декабрь рабочие прекратили работу [1. Л. 33].

Основная масса забастовок второй половины 1921–1922 гг. возникла в результате задолженности в выдаче продовольственных пайков и материального вознаграждения рабочим (62% выявленных причин забастовок), эта причина доминировала вплоть до 1924 г. Как правило, в регионах задолженность доходила до нескольких месяцев. Следует учитывать, что основная доля (в некоторых отраслях до 90%) материального вознаграждения рабочих состояла прежде всего из натуральных продовольственных пайков, 18% забастовщиков предъявлялось требование выдать задерживаемый продпайек. Задержка в выдаче заработной платы фигурировала в 23% конфликтов. В 21% рабочих волнений звучало совместное требование о выдаче продпайка и зарплаты. Основная масса рабочих, задействованных в конфликтах, все ещё продолжала находиться на натуральном снабжении и в условиях разразившегося кризиса власти не могли обеспечить рабочих продовольствием. Реакция голодных рабочих не заставила себя долго ждать.

Так, 26 августа 1921 г. в полдень рабочие главных самарских мастерских потребовали немедленно устроить собрание по поводу невыдачи продовольственных пайков. Товарищи Переверзев (помощник комиссара администрации Самаро-Златоустовской ж/д), Сидякин (председатель Допрофсоюза), Дмитриев (председатель ЧК профсоюза) уговорили рабочих провести собрание после окончания работ. На открывшемся собрании рабочие начали кричать: «Давайте хлеба, а то бросим работу немедленно!». В выступлениях коммунистов «красной нитью» проходила мысль, что администрация пред-

приятия сделает все возможное для ослабления продовольственного кризиса. На следующий день работа на предприятии возобновилась [20. Л. 74]. Во второй половине 1921 г. в связи с задолженностью выдачи продовольственных пайков произошли волнения среди железнодорожников станций Пенза, Симбирск, Саратов, Окуловка (Нижегородской губернии), Троицкая (Самарской губернии) и т.д. [2. Л. 54]. Большой активностью в этот период отличались служащие телеграфных контор. Так, 14 ноября 1921 г. прекратили работу 150 служащих центральной телеграфной конторы г. Пенза. Волнение возникло после объявления об уменьшении продовольственного пайка, который и так выдавался нерегулярно. После частичной выдачи продуктов служащие приступили к работе [4. Л. 145].

19 октября 1921 г. крупное волнение прошло на Трескинской суконной фабрике Пензенской губернии. Поводом к волнению послужил отказ работать в церковный праздник, истинные причины скрывались в требованиях, выдвинутых рабочими на митинге: «По пуду хлеба на каждого, за улучшение условий труда». В ходе расследования было установлено, что к забастовке призывали восемь рабочих (Забродин Николай, Рожков Алексей, Перкин Андрей, Китошкин Ефим, Ямшинов Михаил, Родионов Василий, Ламенков Василий, Гвоздков Сергей) и три члена администрации (Азанов Алексей, Косолапов Фёдор, Висков Кузьма) [10. С. 3].

Пик забастовочного движения в Поволжье, как и по всей России, пришёлся на 1922 год, без сомнения один из самых тяжёлых периодов истории нашей страны. Архивные документы позволили выявить 116 волнений среди рабочих исследуемого региона. На подъем забастовок без сомнения повлияли переход экономики на хоздоговорные отношения и разразившийся голод. Во втором полугодии 1921 г. в связи с отсутствием продовольствия было принято решение о сокращении предприятий, находившихся на госснабжении [3. Л. 1].

В январе – марте произошло резкое ухудшение настроений рабочих, причиной послужил усилившийся продовольственный кризис в стране, что, естественно, влекло уменьшение норм пайков, перебой их выдачи, стремительный рост рыночных цен и продолжающий усиливаться на местах денежный кризис, влекущий за собой почти повсеместную задержку выплаты рабочим жалования.

Задержка продовольственных пайков как основная причина забастовок в регионе существовала до середины 1922 г. и фигурировала, как правило, среди железнодорожников, привлечённых к очистке железнодорожных путей, металлистов, работников телеграфных контор. Так, 2 февраля 1922 г. на станции Кинель (Самарской губернии) рабочие материального склада и брезентовой мастерской прекратили работу вследствие невыдачи продовольствия [20. Л. 263об.]. 14 февраля 1922 г. рабочие Абдулинского депо (Самарской губернии) бросили работу и предъявили требование о выдаче продовольственного пайка два раза в месяц [21. Л. 262].

В условиях, когда в деревне разразился голод, участились случаи смертности, людоедства, похищения трупов [24. С. 453]. Крестьяне и малоквалифицированные рабочие, привлечённые к очистке железнодорожных путей, рассматривали эту работу как единственный способ добыть себе пропитание.

В феврале – марте 1922 г. в связи с невыдачей продовольственных пайков прошли волнения среди рабочих по очистке от снежных заносов на станциях Самара, Нижний Новгород, Пенза, Пачелма (Пензенской губернии), Ки-

нель, Батраки, Обшаровка, Абдулино, Кравченко, Верхняя Часовня, Иващенко, Чембаркуль (Самарской губернии), Морозовской (Царицынской губернии), Актарск (Саратовской губернии), 55-56-м околотках Сызрано-Вяземской железной дороги [5. С. 65]. В информационных отчётах ГПУ по Самарской губернии за февраль 1922 г. отмечалось, что наблюдается недовольство рабочих, привлекаемых на очистку железнодорожного пути от снежных заносов вследствие несвоевременной выплаты жалования. В марте протесты железнодорожников и привлечённых крестьян к очистке железнодорожных путей начинают уменьшаться в связи с выдачей продовольственных пайков. Последний выявленный факт забастовки, вызванный задержкой продовольственных пайков в исследуемом регионе, датируется ноябрём 1922 г. На Сормовском заводе рабочие погрузочного, фасонно-литейного, вальцевого и части судокотельного цехов прекратили работу вследствие несвоевременной выдачи жалования и продпайка [6. Л. 62].

Задолженность по заработной плате как причина массовых конфликтов фигурировала в 23% конфликтов. Так, наиболее крупными были следующие: 22 января 1922 г. на Пензенском свечном заводе рабочие самовольно прекратили работу на две недели в связи с отказом выдачи денег [25. С. 3]. 7 марта 1922 г. на станции Самара рабочие не вышли на работу из-за низких расценок на сдельные работы, на которых они зарабатывали в день не менее 100 тыс., после переговоров с администрацией МЧ 1 о повышении расценки, последний заявил, что если кто не хочет работать по существующим расценкам, то пусть уходит. Такое отношение возмутило рабочих, и они бросили работу [20. Л. 37].

Требования увеличения заработной платы как причина забастовок стала фигурировать с 1922 г. В декабре 1921 г. ВЦСПС вместо 35-разрядной тарифной сетки, действовавшей в годы Гражданской войны, утвердил 17-разрядную сетку. Политика в области заработной платы в 1922–1923 гг. выражалась в приближении рабочего заработка к прожиточному минимуму. Заработная плата рабочих, занятых в машиностроительной отрасли, за 1922–1923 гг. выросла в 186 раз [25. С. 308]! Несмотря на номинальное увеличение зарплаты рабочих, реальная стоимость продолжала оставаться низкой. Наглядный пример этому – случай, произошедший на Румянцевской фабрике в Симбирской губернии: «Пришла в фабком работница, имеющая кучу детей, ей необходимо за 15 фунтов муки уплатить в рабком 14 руб., а она по третьему разряду получает всего 8 руб.» [26. Л. 28]. Из-за низкой заработной платы 10 мая 1922 г. на заводе «Красное Сормово» забастовали рабочие паровозно-котельного цеха (60 человек) с требованием повышения тарифных ставок и выдачи пайка за апрель [5. Л. 44].

О результатах забастовок судить сложно, в информационных отчётах фиксировался лишь факт приостановки работ, в связи с этим фигурировали условные фразы, говорящие об окончании конфликта: «забастовка закончилась разъяснением», «конфликт улажен», «после переговоров с администрацией возобновили работу», «вопрос урегулирован» и т.д. Естественно, все это не позволяет говорить об объективной картине результатов забастовочного движения трудящихся первого года введения нэпа в регионе. В более чем половине случаев сведения об окончании забастовок отсутствуют (52%). В 25% случаев в документах лишь упоминается, что забастовка улажена, в чью пользу закончился конфликт судить практически невозможно. Так, в «Информационных сводках о состоянии Симбирской губернии за март

1922 г.» упоминается, что 23 марта 1922 г.: «Среди симбирских печатников произошла частичная забастовка, вследствие чего газета не выходила несколько дней. Рабочие предъявили требование выдачи вперёд за месяц жалования и пайка. В настоящее время конфликт улажен» [13. Л. 63]. 16% забастовок закончились поражением трудящихся. Во второй половине 1921 г. при подавлении забастовок продолжали действовать методы «военного коммунизма», зачинщиков выявляли, арестовывали и сажали в концентрационные лагеря. В информационном отчёте за июль 1921 г. по Царицынской губернии упоминаются сведения о забастовке в Райкомнефти, где двух рабочих зачинщиков посадили на шесть месяцев в концентрационный лагерь [12. Л. 113]. 19 октября 1921 г. на Трескинской суконной фабрике Пензенской губернии восьмерых зачинщиков приговорили к заключению в Пензенский концлагерь [2. Л. 71]. В более поздний период в документах исчезают подобные формулировки завершения конфликтов, в документах начинают применяться фразы – конфликт закончился поражением рабочих, рабочих распустили и т.п. Только 7% забастовок закончились победой рабочих. Основная масса забастовок, закончившихся положительным результатом, прошла в Пензенской, Астраханской и Нижегородской губерниях. Этим губерний голод не коснулся и, соответственно, в вышеперечисленных губерниях больше оставалось продовольственных запасов. В связи с чем у местных властей было больше средств, чтобы пойти на частичные уступки бастующим.

Таким образом, более 200 забастовок этого периода были вызваны резким ухудшением материального благосостояния жителей региона в условиях голода в Поволжье в 1921–1922 гг. В то же время партийное руководство продолжало любой конфликт связывать с деятельностью оппозиционных партий. Партийные и профсоюзные функционеры всегда стремились перевести конфликт из области общих недостатков системы в плоскость ошибок отдельных руководителей, переключить недовольство рабочих на конкретных руководителей предприятий, тем самым перенаправляя недовольство системой на конкретного руководителя. Все забастовки этого периода носили массовый, но краткосрочный характер. Массовость участников была вызвана прежде всего задолженностью материального вознаграждения. Из тяжелого материального положения рабочих вытекали и все другие причины конфликтов. При этом рабочие жили сегодняшнем днем, не заглядывая вперед. Не случайно, что враждебное отношение к мерам администрации по повышению производительности труда сочеталось с критикой руководства за бесхозяйственность и неумение наладить прибыльное производство. Забастовки данного периода, вызванные голодным существованием, возникали стихийно, без участия профсоюзов. В конфликтах на государственных предприятиях профсоюзы занимали сторону государства, главную задачу они видели в том, чтобы не останавливать работу предприятия. Рабочим в конфликтах были присущи конформизм, стремление договориться с властью на производственном уровне. Они добровольно шли навстречу обещаниям и, будучи в очередной раз обмануты, снова и снова возвращались к своим требованиям.

Литература

1. Государственный архив Волгоградской области. Ф.Р. 274. Оп. 1. Д. 304.
2. Государственный архив Пензенской области. Ф.Р. 2. Оп. 4. Д. 167.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р. 5451. Оп. 5. Д. 670.

4. ГАРФ. Ф.Р. 5451. Оп. 5. Д. 721.
5. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2369.
6. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2371.
7. Камардин И.Н. Забастовки рабочих на предприятиях Поволжья в период становления НЭПа // Актуальные проблемы науки: сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Кузнецк: Изд-во ПГУ, 2018. С. 54–62.
8. Коммуна. 1921. № 167, 10 авг.
9. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы. Н. Новгород, 2002. Т. 3.
10. Призыв к труду. 1921. 19 окт.
11. Российский государственный архив социально политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2626. Л. 112.
12. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2628.
13. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2630.
14. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2632.
15. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2648.
16. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2649.
17. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2855.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 848.
19. Самарский областной государственный архив социально политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 515.
20. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 758.
21. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 759.
22. Сборник статистических сведений Пензенской губернии 1920–1926 гг. Пенза, 1927.
23. Семенов Н., Семенов В. НЭП – это когда было // Деловая газета. 2001. № 45.
24. «Совершенно. Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док.: в 10 т. Т. 1 1922–1923 г. М., 2001. Ч. 1.
25. Трудовая правда. 1922. 22 янв.
26. Центр хранения документации новейшей истории Ульяновской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 605.
27. Шарошкин Н.А. Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е годы. Пенза, 1998.

КАМАРДИН ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, директор центра организации приема и довузовской подготовки, Пензенский государственный университет, Россия, Пенза (sehd@mail.ru).

Igor N. KAMARDIN

**WORKERS' PROTEST IN THE ENTERPRISES OF THE VOLGA REGION
IN THE PERIOD OF TRANSITION TO NEW ECONOMIC POLICY (NEP)**

Key words: *strike, workers' protest, NEP, material remuneration, food ration, famine, workers, enterprise.*

The relevance of the topic of workers' protest is connected with the wide spread of protest mood in several European countries. The study of workers' activism in the early 20s will help to understand in more detail the causes, the course and the scenarios for the development of workers' struggle for their economic, political and social interests. The findings are based on archives, periodicals and the latest historical research. In the study, the author concludes that the low level of the proletariat's welfare and a systematic delay in material remuneration resulted in im-

poverishment of workers, which served as a breeding ground for conflicts in the region. During strikes workers demanded to eliminate wage arrears and to issue food rations in full. Party and trade union leaders as a rule sought to switch the conflict from the area of the system's overall flaws to the plane of individual executives' mistakes, to switch workers' discontent to specific business managers, thus redirecting dissatisfaction with the system to a particular manager. Workers in conflicts were inherent in conformism, the desire to come to terms with the power at the factory level. They easily made concessions to promises and, being once again deceived, returned again and again to their demands.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti. F.R. 274. Op. 1. D. 304 [State Archives of the Volgograd Region. Archives R-274. Anagraph 1. Document 304].
2. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti. F.R. 2. Op. 4. D. 167 [State Archives of the Penza Region, Archives R-2. Anagraph 1. Document 167].
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F.R. 5451. Op. 5. D. 670 [State Archives of the Russian Federation. Archives R-5451. Anagraph 5. Document 670].
4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F.R. 5451. Op. 5. D. 721 [State Archives of the Russian Federation. Archives R-5451. Anagraph 5. Document 721].
5. Gosudarstvennyi obshchestvenno-politicheskii arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 1. Op. 1. D. 2369 [State Socio-Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. Archives 1. Anagraph 1. Document 2369].
6. Gosudarstvennyi obshchestvenno-politicheskii arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 1. Op. 1. D. 2371 [State Socio-Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. Archives 1. Anagraph 1. Document 2371].
7. Kamardin I.N. Zabastovki rabochikh na predpriyatiyakh Povolzh'ya v period stanovleniya NEPa [Workers' strikes at Volga region enterprises during the formation of the NEP]. In: *Aktual'nye problemy nauki: sb. st. XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of 8th Int. Sci. Conf. «Actual problems of science»]. Kuznetsk, 2018, p. 54–62.
8. *Kommuna*, 1921, no. 167, Aug. 10.
9. *Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. 1917–1980-e gody.* [Society and power. Russian province. 1917–1980 years]. N. Novgorod, 2002, vol. 3.
10. *Prizyv k trudu*, 1921, Oct. 19.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 5. Op. 1. D. 2626 [Russian State Archives of Socio Political History. Archives 5. Anagraph 1. Document 2626].
12. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 5. Op. 1. D. 2628 [Russian State Archives of Socio Political History. Archives 5. Anagraph 1. Document 2628].
13. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 5. Op. 1. D. 2630 [Russian State Archives of Socio Political History. Archives 5. Anagraph 1. Document 2630].
14. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 5. Op. 1. D. 2632 [Russian State Archives of Socio Political History. Archives 5. Anagraph 1. Document 2632].
15. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 5. Op. 1. D. 2648 [Russian State Archives of Socio Political History. Archives 5. Anagraph 1. Document 2648].
16. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 5. Op. 1. D. 2649 [Russian State Archives of Socio Political History. Archives 5. Anagraph 1. Document 2649].
17. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 5. Op. 1. D. 2855 [Russian State Archives of Socio Political History. Archives 5. Anagraph 1. Document 2855].
18. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 17. Op. 12. D. 848 [Russian State Archives of Socio Political History. Archives 17. Anagraph 12. Document 848].
19. Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 1. Op. 1. D. 515 [Samara Regional State Archive of SOCIO political History. Archives 1. Anagraph 1. Document 515].
20. Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 1. Op. 1. D. 758 [Samara Regional State Archives of Socio Political History. Archives R-1. Anagraph 1. Document 758].

21. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no politicheskoi istorii. F. 1. Op. 1. D. 759* [Samara Regional State Archives of Socio Political History. Archives R-1. Anagraph 1. Document 759].

22. *Sbornik statisticheskikh svedenii Penzenskoi gubernii 1920–1926 gg.* [Collection of statistical data of the Penza province 1920–1926]. Penza, 1927, 628 p.

23. Semenov N., Semenov V. *NEP – eto kogda bylo* [NEP-this is when it was]. *Delovaya gazeta*, 2001, no. 45.

24. «*Sovershenno. Sekretno*»: *Lubyanka Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg): sb. dok.: v 10 t. T. 1 1922–1923 g.* ["Absolutely. Secret": Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934). 10 vols. Vol. 1: 1922–1923]. Moscow, 2001, part 1, 767 p.

25. *Trudovaya Pravda*, 1922, Jan. 22.

26. *Tsentr khraneniya dokumentatsii noveishei istorii Ul'yanovskoi oblasti. F. 1. Op. 1. D. 605* [Center for Storing Documents of the New History of the Ulyanovsk Region. Archives 1. Anagraph 1. Document 605].

28. Sharoshkin N.A. *Promyshlennost' i rabochie Povolzh'ya v 1920-e gody* [Industry and workers of the Volga region in the 1920s]. Penza, 1998, p. 326.

IGOR N. KAMARDIN – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Center for Admission and Pre-University Training, Penza State University, Russia, Penza (sehd@mail.ru).

Формат цитирования: Камардин И.Н. Рабочий протест на предприятиях Поволжья в переходный период к НЭПу // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 16–24.

УДК 94(73)
ББК 63.3(2)612-2

А.Н. МОИСЕЕВ, Т.А. МОИСЕЕВА

**СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-СОЦИАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОЕННЫХ КОМИССАРИАТОВ В ПОВОЛЖЬЕ**

Ключевые слова: Военные комиссариаты, Губвенкомат, военрук, военком, отделы социального обеспечения, паек, трудовая повинность, циркуляр, межведомственная комиссия.

В условиях бурного изменения и развития социумов в различных государствах мира, в том числе и в современной России, как никогда становится актуальным и значимым исследование социальной политики государственной власти во всех секторах и направлениях, в том числе и в сфере силовых институтов. Целью научного исследования являются усовершенствование системы местных органов военного управления современной России и повышение уровня эффективности их работы с населением.

Основу материалов исследования составляют фонды Государственного архива Ульяновской области и статьи ведущих ученых историков.

В статье применены основные методы научного исследования: общенаучные – анализ, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование, конкретизация; специальные – историко-системный и историко-сравнительный.

Научная составляющая статьи подчеркивает значимость военно-социальной государственной политики, проводимой Советским правительством в ходе построения новой армии, указывает на невозможность проведения призывной и мобилизационной работы органов местного военного управления без наличия развитой и продуманной системы в военно-социальном секторе с приходом к власти большевиков.

Содержание статьи рассматривает процесс становления системы социальной помощи и поддержки мобилизуемому населению со стороны местных органов военного управления в Среднем Поволжье. Уделяется внимание процессу формирования военно-социальной политики по отношению к членам семей красноармейцев, демобилизуемым и инвалидам. Показано ее влияние на морально-психологическое состояние, боеспособность, устойчивость армии в чрезвычайных условиях военного и послевоенного времени на заре строительства молодого Советского государства.

Созданный в начале становления Советской власти институт местных органов военного управления, включающий в себя военно-социальные отделы, позволил советскому правительству подготовить людские, транспортные и другие ресурсы к отражению вероломного нападения на СССР фашистской Германии и выстоять советскому народу во время Великой Отечественной войны.

Ценность исследования состоит в подчеркивании важности системного построения органов местного военного управления и власти на местах, их взаимодействия и совместного проведения военно-социальной политики с населением и военнослужащими.

Материалы статьи могут быть использованы в преподавании дисциплин “История” и “Военная история” в силовых и гражданских образовательных организациях, имеющих в своем составе военные циклы и кафедры, а также в историко-патриотической работе различных общественных организаций. В перспективе наработанные материалы по представленному направлению могут быть использованы молодыми учеными (адъюнктами и аспирантами) как отдельная тема диссертационного исследования.

Военные комиссариаты являлись центрами мобилизации и концентрации сил для борьбы с контрреволюцией в годы Гражданской войны. Призыв в Красную армию в этот период осуществлялся не всегда на добровольной основе, зачастую жесткими мерами, и тому были причины. Расширение гражданского конфликта, сопровождавшегося интервенцией, требовало вовлечения в борьбу как можно большего числа рабочих и крестьян через обязательное привлечение их к военной службе. Переживание властей за дисциплину в частях как в тылу, так и на фронте были небезосновательны. Из-за низкой политической сознательности и культуры поведения многие красногвардейцы становились расхитителями вверенных им материальных ценностей [7], дезертирами. Ответственность за ликвидацию укрывательства и дезертирства возлагалась прежде всего на военные комиссариаты, а также на исполкомы, сельские и волостные комбеды [6. С. 177]. Повсеместно применялись различные суровые способы борьбы с подобными явлениями. Искоренить их только лишением свободы, конфискацией имущества, взятием заложников и расстрелами не удавалось. Зачастую сотрудники «подстегивались» вышестоящими органами приказами, подобными этому: «Всем Волостным Комиссариатам, Мелекесского уезда. Волостным Военным Комиссариатам слабо ведется борьба с дезертирством, а потому приказываю под личную ответственность волостных комиссаров и военруков вести беспощадную борьбу, не останавливаясь ни перед какими мерами борьбы вплоть до ареста глав тех семейств, которые будут укрывать дезертиров. В противном случае всю ответственность за бездействие понесут волостные военные комиссары и военруки. Уездный военный комиссар. 10.05.1919 г.» [5. Л. 16].

Параллельно с жесткими методами Советской властью была запущена программа социальной помощи семьям красноармейцев, ведь одной из причин оставления части военнослужащими являлось нежелание «бросать семью на произвол судьбы» [4. Л. 15]. Работа в этом направлении велась комиссиями по борьбе с дезертирством на всех уровнях при тесном сотрудничестве с военными комиссариатами. Из протокола съезда волостных военкомов и военруков Мелекесского уезда от 14 июля 1919 г. «Тов. Выборнов (председатель комиссии по борьбе с дезертирством) ... указал военкомам на всю необходимость проведения в жизнь декретов об обеспечении семей красноармейцев» и подчеркнул «что, главная борьба с дезертирством не винтовка» [5. Л. 47]. Вот какие разъяснения гражданам давались Самарской Губернской Комиссией по борьбе с дезертирством 2 июля 1919 г.:

«Получить паек имеют право.

1) Жена красноармейца, если у нея есть ребенок не старше 12 лет; одна жена может заработать сама нужное ей для пропитания и потому пайка ей не полагается.

2) Дети красноармейца до 16-летнего возраста.

3) Братья и сестры, если они жили на средства призванного красноармейца.

4) Отец, достигший 55 лет.

5) Мать, достигшая 50 лет.

6) Кроме того жена, дети, братья, сестры и родители независимо от возраста, если являются неспособными к труду. Для этого нужно подвергнуться врачебному осмотру-комиссии при городском отделе социального обеспечения или получить удостоверение от врача.

Сколько должна получать семья красноармейца.

Если получает только один член семьи, напр. отец или мать, ему полагается 200 рублей в месяц.

Если получают двое, напр. жена с ребенком, им полагается 240 рублей в месяц.

Если трое 360 рублей.

Если четверо 480 рублей.

Если пятеро 600 рублей.

Больше 600 рублей в месяц семья одного красноармейца получать не может» [4. Л. 50].

Подробные пояснения давались о том, как получить паек: «Выдачей красноармейского пайка в Советской Республике ведают уездные отделы социального обеспечения. Они получают списки мобилизованных от военных комиссаров. Чтобы знать, кому из семьи мобилизованного полагается получать паек, отдел социального обеспечения наводит справки через милицию и волость и посылает списки деньги по месту жительства семейства для раздачи. В селе – паек семья получает через волостной совет, в городе через городской отдел социального обеспечения» [4. Л. 50]. В случае невыдачи пайка по истечении двух недель рекомендовалось подавать жалобу «военному комиссару – в селах, в уездную комиссию по борьбе с дезертирством в городах» [4. Л. 50]. И здесь тоже четко прослеживается связь гражданских органов власти с военными комиссариатами.

Эффективность от положительной мотивации граждан закрепила позже Декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) от 2 марта 1920 г. «Об оказании хозяйственной помощи семьям красноармейцев». Данным решением на Губернские, Уездные и Волостные Исполнительные Комитеты и Сельские Советы возлагалась обязанность организовать хозяйственную помощь семьям красноармейцев. На основании этого акта Главный Комитет по всеобщей трудовой повинности и Народный Комиссариат Земледелия выпустили 20 апреля 1920 г. Постановление и инструкции к нему. Закон распространялся на семьи призванных в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) лиц, получивших увечье или убитых [8].

На местном уровне, например, в Самарской губернии были созданы «Волостные комиссии по оказанию помощи семьям красноармейцев», которые работали в соответствии с регламентом. В их состав входили, как правило: председатель Волысполкома, заведующий Волземотделом и представители от семей красноармейцев, выбранных общим собранием. Составлялись списки нуждающихся в получение денежных ссуд, инвентаря, семян, в ремонте сельскохозяйственного инвентаря, в лошадиной силе и вообще во всем самом насущном. Волостная комиссия обязывалась «с наступлением весны знать, кто не в силах сам пахать поле, то принимать меры к запашке таковой», а также сообщать о ходе выполненных работ в Уездную комиссию. В обязанности комиссии входило оповещение семей красноармейцев своей волости о порядке обращения за помощью. Имеющие нужду в чем-либо, должны были сначала обратиться в Сельскую комиссию, и если та не в силах помочь передавала дело в Волостную комиссию, тут же Волостная комиссия по инструкции: «усматривает требование и немедленно приводит в исполнение, а если Волостная комиссия не в силах помочь на месте, то немедленно передает в Уездную комиссию, но как Волостная, так и Сельская комиссия

обязаны немедленно принимать меры по возможности помочь на месте, какое бы то ни было требование семье красноармейцев, если это комиссия признает необходимым» [5. Л. 7]. В соответствии с п. 23 Постановления Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности и Народного Комиссариата Земледелия «Об оказании хозяйственной помощи семьям красноармейцев» Исполнительные Комитеты всех уровней обязаны были выделить из состава Военных Комиссариатов сотрудников в распоряжение комиссий по оказанию помощи для срочных работ по учету [8]. Стоит отметить, что к данной работе привлекались и Отделы Социального Обеспечения, и Земельные Отделы. Зарождающееся взаимодействие между местными органами гражданского и военного управления положительно сказалось на доверии граждан к власти в целом и стало одним из факторов, повлиявшим на победу большевиков в Гражданскую войну.

В дальнейшем, в межвоенный период, приобретенный опыт широко использовался военными комиссариатами различных уровней в регионах. Так, во время голода в Поволжье (1921–1922 гг.) военкоматы, организуя прием записи на командные курсы, в циркулярах Волисполкомам указывали: «Провести самую широкую агитацию о цели и значении военной школы Красных командиров, для чего необходимо провести собрания во всех селах Вашей волости, указать, что сами курсанты будут обеспечены пайком и обмундированием, также нетрудоспособные члены их семей получают паек, при взимании продналога семьи курсантов пользуются льготой» [3. Л. 76]. О принятых мерах и результатах должны были сообщить протокольно.

Военкоматы в тесном сотрудничестве с местными органами власти реализовывали программу поддержки инвалидам и демобилизованным красноармейцам, контролируя весь процесс. Вот что предписывал военком Городищенской межведомственной комиссии и всем волисполкомам Симбирской губернии: «Дорогие товарищи: Красная армия всегда чутко откликалась на зов помощи в тяжелые для трудящихся Республики дни и своим трудом и жертвованиями и любовным отношением к обездоленным она поддерживала их в дни страданий. Одна из главных ее забот, является забота о помощи тем, кто кровью своей отстаивал интересы трудящихся, потерял здоровье и трудоспособность и ныне является инвалидом. Дело помощи инвалидам войны достигло ныне значительных размеров. Многие инвалиды удовлетворены обмундированием, из них организованы трудовые производственные артели, кооперативные объединения и т.п., несмотря на это, далеко еще до детальных результатов, ликвидации нужды инвалидов. Далеко еще до представления им вполне сносного условия существования, на что они, безусловно, имеют неотъемлемые права. Республика выделяет из своего бюджета средства на обеспечение инвалидов, но эти средства пока еще не могут быть значительны.

Ныне распоряжением Р.Ф.С.Р. по всей территории Республики объявлена «Неделя помощи инвалидам». В эту неделю все чуткие сердцем, все, кто знакомы с нуждой и лишениями, все, кому близки страдания обездоленных, откликнуться, и окажут материальную поддержку инвалидам, пожертвовавшим собою за общее дело. Пусть не окажется ни одного, чей ум не понял бы страданий ближнего, славного защитника завоеваний революции» [2. Л. 1]. Разъяснительную работу проводили на митингах и собраниях представители местных органов управления, которым предписывалось «все собранные пожертвования с докладом о проделанной работе» присылать «в комиссии при

Уездвоенкомате» к определенному сроку, в данном случае он устанавливался «не позднее 5 января 1924 г.» [2. Л. 1].

Статистические данные по лицам, нуждающимся в помощи и поддержке, подготавливались Военными комиссариатами во взаимодействии с волисполкомами по срочным указаниям Губвоенкомата. Из выдержки такого предписания председателю Больше-Сызганского (Большой Сызган) волисполкома: «Вследствие предписания Губвоенкомата за № 087 и в дополнение отношения Уездвоенкомата от 27 марта сего года за № 1136 ввиду расформирования частей следует вновь произвести именной переучет инвалидов и других категорий, указанных в отношении за № 1136». При этом выяснялось: по какой «группе произошла утрата трудоспособности, количество нетрудоспособных членов семьи, имущественное положение проживающих в особо стесненных домах, имеющих свое хозяйство, или при содействии родных и на какое средство, получают или нет пенсию, имеют ли запашку земли и кем обрабатывается» [1. Л. 79]. Выявлялись желающие организовываться в сельскохозяйственные артели или артели инвалидов или желающие обучаться на тех или иных государственных, торговых и промысловых предприятиях. Им обязаны были оказывать содействие местные исполнительные органы власти, весь процесс контролировался Губвоенкоматом через Уездный Военный Комиссариат. В конкретном случае речь идет о Карсунском уезде Симбирской губернии, датируется 27 мая 1924 г., предписание № 2235, ответственными за рассылку являлись начальник моботделения и делопроизводитель военноминистративного учреждения [1. Л. 79].

И хотя, конечно же, основная деятельность Военных комиссариатов была направлена на мобилизацию и учет годного к военной службе населения, такое направление, как социальное, не являлось приоритетным, можно отметить следующее: успех комплектования частей Красной Армии во многом зависел от психологического настроения призываемых. Ведь только тогда гражданин в полной мере чувствует себя защитником Отечества, когда оно заботится о нем и его близких. Применение только репрессивных мер приводит к противостоянию общества власти. Комбинированный подход, используемый большевиками, дал свои результаты, а победа в Гражданской войне показала общую стратегическую верность их политики.

Литература

1. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 2195. Оп. 1. Д. 51.
2. ГАУО. Ф. 2212. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАУО. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАУО. Ф. 2735. Оп. 1. Д. 10.
5. ГАУО. Ф. 2736. Оп. 1. Д. 15.
6. *Молодцыгин М.А.* Красная армия: рождение и становление. 1917–1920 гг. М.: ИРИ РАН, 1997. 231 с.
7. *Поляков Р.Ю.* Добровольцы в Красной Армии во время Гражданской войны (по материалам Пензенской губернии) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 910–916.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР М., 1943. С. 184–185.

МОИСЕЕВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат военных наук, заместитель начальника филиала по учебной и научной работе, Военный учебно-научный

центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академия» в г. Сызрань, Россия, Сызрань (vertolet_k27tb@mail.ru);

МОИСЕЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин, Сызранский филиал Самарского государственного экономического университета, Россия, Сызрань (t-nekst@mail.ru).

Andrey N. MOISEEV, Tatyana A. MOISEEVA

FORMATION OF THE MILITARY-SOCIAL DIRECTION IN THE ACTIVITIES OF MILITARY COMMISSARIATS IN THE VOLGA REGION

Key words: *Military commissariats, Gubvoenkomat, military instructor, military commissar, social security departments, ration, labor service, circular, interdepartmental commission.*

In the conditions of rapid change and development of societies in various states of the world, including in modern Russia, the study of social policies of public authority in all sectors and directions, including in the field of power institutions becomes more than ever relevant and significant. The purpose of the scientific research is to improve the system of local military authorities in modern Russia and to increase the efficiency level of their work with the population.

The basis of the research materials are the funds of the State Archive of Ulyanovsk region and articles of leading historians.

The article uses the basic methods of a research: general scientific methods – analysis, induction, deduction, analogy, abstraction, concretization; special ones – historical-systemic and historical-comparative.

The scientific component of the article emphasizes the importance of the military-social state policy carried out by the Soviet government during the formation of a new army. The article points out the impossibility of conducting conscription and mobilization activities by local military administration bodies without the existence of a developed and well thought out system in the military-social sector with the Bolsheviks' coming to power.

The content of the article examines the evolution process of the system for social assistance and support to the mobilized population by the local bodies of military administration in the Middle Volga region. Attention is paid to the process of military-social policy formation towards members of families of the Red Army soldiers, the demobilized and disabled people. It shows its influence on the moral and psychological state, combat capability, stability of the army in emergency conditions of the war and post-war times at the dawn of the young Soviet state formation.

Established at the beginning of the Soviet power evolution, the institute of local military administration, which included military and social departments, enabled the Soviet Government to prepare human, transport and other resources to counter the treacherous attack of the fascist Germany on the USSR and for the Soviet people to survive during the Great Patriotic War.

The value of the research is to emphasize the importance of systematic construction of local military administration and local authorities, their interaction and joint carrying out the military-social policy with the population and the military personnel.

Materials of the article can be used in teaching the subjects "History" and "Military History" in power and civil educational organizations, which have military cycles and departments, as well as in the historical and patriotic work of various public organizations. In the future, the developed materials in the presented direction can be used by young scientists (adjuncts and postgraduate students) as a separate topic for a thesis research.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 2195. Opis' 1. Dokument 51* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Foundation 2195. Inventory 1. Case 51].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 2212. Opis' 1. Dokument 11* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Foundation 2212. Inventory 1. Case 11].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 2733. Opis' 1. Dokument 7* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Foundation 2733. Inventory 1. Case 7].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 2735. Opis' 1. Dokument 10* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Foundation 2735. Inventory 1. Case 10].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 2736. Opis' 1. Dokument 15* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Foundation 2736. Inventory 1. Case 15].
6. Molodtsgin M.A. *Krasnaya armiya: rozhdenie i stanovlenie. 1917–1920 gg.* [The red army's birth. and the formation of 1917–1920]. Moscow, Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 231 p.
7. Polyakov R.Yu. *Dobrovol'tsy v Krasnoi Armii vo vremya Grazhdanskoi voiny (po materialam Penzenskoi gubernii)* [Volunteers in the red Army during the Civil war (based on the materials of the Penza province)], *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 910–916.
8. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Collection of laws and orders of the government for 1920 Department of Affairs of the Council of people's Commissars of the Union of Soviet Union]. Moscow, 1943, pp. 184–185.

ANDREY N. MOISEEV – Candidate of Military Sciences, Deputy Head of the Branch for Training and Research, Military Training and Research Center of the Air Force "Air Force Academy" in Syzran, Russia, Syzran (vertolet_k27tb@mail.ru).

TATYANA A. MOISEEVA – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Social and Economic Disciplines, Syzran Branch of the Samara State University of Economics, Russia, Syzran (t-nekst@mail.ru).

Формат цитирования: Моисеев А.Н., Моисеева Т.А. Становление военно-социального направления деятельности военных комиссариатов в Поволжье // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 25–31.

УДК [94:612.391(470.344)"1921/1923"]:364.3
ББК ТЗ(2Рос.Чув)613-209.2

И.Ю. СЕМЕНОВА

**РАБОТА ЧУВАШСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ
С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ГОЛОДА И ЕЕ УЕЗДНЫХ ЯЧЕЕК
В ГОДЫ МАССОВОГО ГОЛОДА В ПОВОЛЖЬЕ
(1921–1923 годы)**

Ключевые слова: голод в Поволжье, смерть от голода и мора, голодный фронт, Центральная комиссия помощи голодающим, социальная помощь голодающим, рабоче-крестьянские семьи чувашей, Областная комиссия по борьбе с последствиями голода при Областном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области (1921–1923), уездные комиссии помощи голодающим, Всероссийский Комитет содействия сельскому хозяйству (КССХ).

Разразившееся бедствие в Советской Республике (конец 1920 – начало лета 1923 г.) было огромным как по своей территориальной распространённости, так и по разрушительности. По разным данным, массовый голод в Поволжье унес жизни более 22 млн человек (по официальным данным советской власти – 5 млн). Каждый отдельный регион страны по-разному пытался преодолеть голодную ситуацию. Чувашский край (ныне территория современной Чувашской Республики (ЧР)) оказался в числе регионов, неспособных справиться самостоятельно с нависшей угрозой вымирания населения от голода и мора. Советское правительство в сложившихся условиях принимает беспрецедентные меры для разрешения ситуации с голодом, впервые обращаясь за помощью за рубеж.

На основе неопубликованных ранее архивных данных автором показана работа органов власти Чувашской автономии совместно с Чувашской комиссией по борьбе с последствиями голода и ее уездными ячейками по решению проблем голодной ситуации в национальном регионе страны.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что Чувашская автономная область (ЧАО), несмотря на то, что относилась по степени тяжести к регионам Советской Республики, наиболее пострадавшим от неурожая и голода, все же смогла эффективно использовать ресурсы, поступавшие из хлебобродных губерний РСФСР, ЦК Помгола, Комитета американской помощи, для своего восстановления.

*Товарищ, окажи посильную помощь голодающим
и умирающим в Поволжье!*

Поволжье гибнет! Бейте тревогу!

Удесятерите вашу борьбу против нагрянувшего голода!

*Голод и смерть делают свое страшное дело!
Товарищи, поможем Поволжью!*

*Голод сделал голодных почти австралийцами:
упростился язык; из оскаленных ртов
кроме «есть» – вы не услышите слов...*

*Для победы на военном фронте нужны: знание, опыт, снаряды!
Для победы на голодном фронте нужны: отзывчивость,
чуткость и еще раз чуткость!
(информация из листовок ЦК Помгол
о помощи голодающим)*

Первая мировая и Гражданская войны, революционные события 1917 г., политика военного коммунизма, отсталость сельского хозяйства, проводимая продразверстка и ее необоснованно завышенные размеры в 1919–1920 гг., уничтожение крупных помещичьих и крестьянских хозяйств, хлебная монополия, жестокая засуха и неурожай 1921–1922 гг. стали ключевыми причинами жестокого голода на территории Советской Республики.

Особо сложная обстановка сложилась в Поволжье (более 22 млн жителей находились на стадии вымирания). Ситуация обострялась и тем, что к началу 1921 г. в печати стали появляться ужасающие сведения о масштабах голода по губерниям. Население паниковало, сознавая неизбежность смерти от голода и заразных болезней (тифа, холеры и т.д.). Прием суррогатной пищи (соломы, разных насекомых, глины, падали) также негативно сказывался на жизни и здоровье местных жителей. В январе 1921 г. большевики огласили информацию о численности голодавших детей в возрасте от 3 до 15 лет: в Астраханской губернии и Калмыцкой области – 100 тыс. человек; в Башкирской Республике – 155 тыс., Вотской области – 362 тыс., Вятской губернии – 344 тыс., Киргизской АССР – 570 тыс., Марийской области – 45 тыс., Самарской губернии и Немецкой коммуне – 786 тыс., Саратовской губернии – 1 млн 35 тыс., Симбирской губернии – 520 тыс., Ставропольской губернии – 190 тыс., Татарской АССР – 875 тыс., Уфимской губернии – 419 тыс., Царицинской губернии – 197 тыс., Чувашской области – 200 тыс., намеченных к эвакуации – 120 тыс., что итого составляло 5 млн 918 тыс. человек [З. Д. 1. Л. 21].

Осенью 1921 г. – весной 1922 г. голод в Поволжье приобрел катастрофические масштабы, в связи с чем решением ВЦИК РСФСР пораженные голодом регионы были прикреплены к хлеботородным губерниям (Чувашская АО – к Енисейской и Иркутской, Вятская – к Вологодской и Северо-Двинской, Астраханская – к Северному Кавказу и Донской губернии, Саратовская – к Тверской и Гомельской губерниям Белоруссии и т.д.). Для спасения жителей от голода и мора правительство обязало все учреждения и предприятия страны оказывать посильную помощь голодавшим (быстрыми темпами шел сбор пожертвований, увеличивались процентные отчисления с дохода, выделялась продовольственная помощь и др.).

Вся эта работа в виде согласованных действий всех советских учреждений по борьбе с голодом проходила под контролем специально образованной Декретом ВЦИК РСФСР от 18 июля 1921 г. Центральной комиссии помощи всем голодающим (ЦК Помгол) при ВЦИК. Руководил ею М.И. Калинин. В функции комиссии входила организация государственной и общественной помощи голодавшим по всей стране. Помощь, получаемая из капиталистических стран (из Международного комитета рабочей помощи (Межрабпома) и Американской администрации помощи (АРА)), также была строго подотчетна ЦК Помгол.

Видные советские деятели были небезучастны к возникшей социальной проблеме. Один из известнейших в мире писателей и мыслителей Максим Горький (5 раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе) 13 июля 1921 г. с ведома Советского правительства обратился к американской общественности с призывом о помощи голодавшим больным жителям страны Советов, в особенности детям. Через несколько дней 23 июля 1921 г. с одобрения советских властей в газете «The New York Times» было опубликовано воззвание Святейшего Патриарха Тихона к Епископу Нью-Йоркскому с прось-

бой об оказании посильной помощи голодавшему населению России. Аналогичные призывы им были обращены к главам Римско-католической и Англиканской церквей, а также – к православным восточным патриархам. Американский народ по гуманитарным побуждениям отреагировал на воззвания и предложил оказать помощь в питании одного миллиона детей через добровольную американскую благотворительную организацию, именуемую Американской администрацией помощи (по-английски «АРА» под председательством господина Герберта Гувера). По условиям Рижского договора (подписан в Риге 20 августа 1921 г.) России стала оказываться продовольственная, материальная, лекарственная помощь в борьбе с голодом; в частности, уездные Американские комитеты помощи повсеместно стали организовывать бесплатные столовые для общественного питания голодавших детей и взрослых.

Большевистское правительство 2 августа 1921 г. обратилось к мировому сообществу с просьбой о содействии в борьбе с голодом; оно впервые приняло помощь от капиталистических стран (ранее, в голодный для России 1891 г., масштабы голода были в разы меньше и к помощи извне не прибегали). Советское правительство не ограничило обращениями к мировым державам. В скором порядке начинается законодательная работа, на основании которой изыскивались средства на содержание голодавших путем изъятия церковного, музейного, приходского и монастырского имущества, невзирая на их историко-художественную и культурно-историческую ценность. Так, были обнародованы Декрет ВЦИК РСФСР от 27 декабря 1921 г. «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» [16], Постановление Президиума ВЦИК РСФСР от 2 января 1922 г. «О ликвидации церковного имущества» [1. Д. 85. Л. 2]. Принятые документы были дополнены 16 февраля 1922 г. Постановлением ВЦИК РСФСР «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим» [2. Д. 86. Л. 482], а к 23 февраля 1922 г. вышло Постановление ВЦИК РСФСР «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» [15].

Впоследствии законодательная работа в данном направлении была продолжена, что подтверждается принятием законоположений, предусматривающих изъятие музейного имущества. В соответствии с нормативно-правовыми актами советская власть должна была в ускоренном порядке изыскивать средства, направлявшиеся на решение единой общегосударственной задачи – ликвидацию голода и его последствий. Речь шла о добровольной экспроприации. Хотя документы оговаривали «лишь предметы, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа» [15] (наблюдается формальная защита прав верующих), в жизни эти правила часто нарушались, и изымалось все подряд. Суммарная стоимость экспроприированного составила около 5 млн золотых руб. (включая золото, бриллианты, серебро). Указанные меры, а также инициирование судебных процессов и работа революционных трибуналов серьезно осложнили взаимоотношения между Советским правительством и Русской Православной Церковью.

Для донесения в народные массы реальной картины происходящего советская власть проводила активную пропагандистскую работу. Изданные ЦК Помгол агитационные материалы содержали информацию с призывом помочь голодавшим, указывали на факты голода по всем регионам Советской Республики. Темпы голода нарастали, хотя на первых порах ситуация не казалась столь угрожающей (люди верили и ждали помощи от государства).

Например, на листовках можно было прочесть о фактах голодания учителей, которые пытались своими пайками спасти жизни воспитанников, а сами просто умирали на рабочих местах: «Уфа. Положение работников просвещения отчаянное; голодают»; «Козьмодемьянск (Марийская обл.): полная голодовка работников просвещения»; «Чебоксары (Чувашская обл.): положение учительства критическое; голодают» [З. Д. 2. Л. 115]. Несмотря на мизерный размер пайка (72 фунта муки в месяц), учителя не покидали рабочего места [З. Д. 1. Л. 123об.]. Бескорыстный подвиг чувашского учительства, продолжавшего свою почетную работу в голодные годы, останется в вечной памяти как учеников, так и их родителей, а также потомков. Однако уже к весне 1921 г. населению стало абсолютно понятно, что всех ждет голодная смерть, если помощь не поспеет вовремя.

ЦК Помгол для эффективной работы по всему голодному фронту организовывала на территории Советской Республики свои ячейки. Областная комиссия по борьбе с последствиями голода на территории Чувашии при Областном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее – Чувашская Облпоследгол) была образована 6 августа 1921 г. решением Облсполкома Чувашской АО в соответствии с постановлением ЦК Помгол от 28 июля 1921 г. Приказом Облпомгола от 19 октября 1922 г. на основании решения Президиума ВЦИК от 7 сентября 1922 г. и Постановления Президиума Облсполкома ЧАО от 17 октября 1922 г. [З. Д. 1. Л. 21]. Облпомгол был расформирован 15 октября 1922 г. [З. Д. 1. Л. 21]. В соответствии с Положением «О местных комиссиях по борьбе с последствием голода», утвержденным на заседании пленума ЦК Помгол от 27 сентября 1922 г., была вновь организована комиссия по борьбе с последствиями голода (Облпоследгол). В состав чувашской Облпоследгол входили: председатель – председатель Облсполкома тов. Коричев, члены – Обпродкомиссар тов. Орлова, Продобкомтруда – тов. Христофорова, от Обсовнархоза – тов. Ефремов, от Обземотдела – тов. Ятманов, от Обздрава – отв. Лукоянов, от Обсобеза – тов. Краснов, от Обсоюза – тов. Егоров, Уполномоченный комиссии по улучшению жизни детей (Чувашдеткомиссии) – тов. Яштайкина, представитель от крестьян – тов. Ангукова, от Обвоенкомата – тов. Ефимов, от Обапрофсовета – тов. Рафаилов; секретарь – тов. Тихонов. В технический аппарат вошли четыре инструктора, делопроизводитель, машинистка, переписчик, рассыльный и два курьера для связи с ЦК Помгол [З. Д. 1. Л. 1об.]. Комиссия работала на износ за мизерную плату, пытаясь планомерно решать продовольственные проблемы жителей Чувашии. Вопросы голода в Поволжье, в частности, на территории ЧАО, были предметом исследования ряда ученых [11, 13, 14].

Для усиления борьбы с голодом и более эффективной работы созданной комиссии по всей территории области руководство автономии приняло решение об организации ее уездных структурных единиц (были образованы постановлением Чувашской Облпоследгол от 10 августа 1921 г. в соответствии с решением облсполкома Чувашской АО от 6 августа 1921 г. и Постановлением ЦК Последгол от 28 июля 1921 г. (все упразднены 1 августа 1923 г.). Были образованы: Алатырская уездкомпоследгол (Симбирская губерния, г. Алатырь, 1921–1923) [4]; Батыревская уездкомпоследгол (станция Ибреси Московско-Казанской железной дороги, 1921–1923) [5]; Цивильская уездкомпоследгол (г. Цивильск, 1921–1923) [6]; Чебоксарская уездкомпоследгол (г. Мариинский Посад, 1921–1923) [7]; Ядринская уездкомпоследгол (г. Ядрин,

1921–1923) [8]. В помощь деятельности уездных комиссий были сформированы предприятия помощи голодавшим: Вурнарская база Областного комитета помощи голодавшим Чувашской АО на станции Вурнары Московско-Казанской железной дороги [9] и Канашское поселковое бюро Областной комиссии помощи голодавшим Чувашской АО в поселке Канаш [10]. Кроме уездных советская власть организовала 62 волостные, 1 районную комиссии в селе Шихраны. Также по республике было создано 1500 комитетов крестьянской взаимопомощи (Батыревский уездный, Ибресинский районный, Алатырский уездный, Цивильский уездный, Муратовский волостной, Чувашско-Сорминский волостной, Татарскасинский районный и др.).

К основным функциям Чувашской Облпоследгол и ее уездных ячеек относились: сбор пожертвований, отчислений от заработка, изыскивание других источников в помощь голодавшим; обеспечение засевов полей; продовольственная помощь, в первую очередь детям; сохранение сельскохозяйственного инвентаря и скота; организация общественных работ; переселение голодавших в хлебородные губернии.

Работа по разным направлениям кипела на территории всего национального региона. В первом своем отчете в Президиум ВЦИК Чувашоблпоследгол сообщала, что за прошедшие три месяца деятельности помощи от зарубежных организаций не поступило. Но она была оказана Московским Губпомголом в виде 1 вагона детского питания и медикаментов; от Наркомпрода прибыло по железной дороге 500 пудов риса; от ЦК Помгол – 2 вагона картофеля и 500 млн руб. деньгами; эвакуировано 2 тыс. детей в хлебородные губернии [3. Д. 1. Л. 60–60об.]. Однако поступившая помощь не сразу стала ощутимой: по Чувашской АО на начало 1921 г. голодало 380 тыс. взрослого населения и 300 тыс. детей [3. Л. 21об.]. Для описания реальной ситуации в регионе председателем Чувашоблпоследгол тов. Коричевым в отчете описывались факты острой нужды жителей Чувашии (в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (Фонд 161) сохранились первоисточники в виде записок и фотоснимков). Эти ужасающие достоверные сведения (фотоснимки гибели целых семейств; матерей с младенцами; еды детьми сырых внутренностей животных; смертей от суррогатной пищи и т.д.) напрямую свидетельствовали о масштабах голода и мора.

Необходимая помощь активно поступала в национальный регион. На 1 ноября 1921 г. Чувашоблпоследгол получила от ЦК Помгол 30 млн руб., что сразу нашло свое отражение в финансировании озимой и посевной кампании, подготовке фуража, в продовольственной помощи населению (началась выдача голодных пайков по составленным в зависимости от степени голодания спискам) и в улучшении быта детей (выдача 200 тыс. пар сапог и 3026 пар постельного белья) [3. Д. 1. Л. 2]. Разумеется, пришедшие ресурсы в сравнении с реальной ситуацией были мизерными, но очень своевременными. По данным доклада о состоянии голодного фронта в Чувашской АО и работе Чувашоблпоследгола за январь–июль 1921 г. (на 1921 г.), засев озимых выражался в 174 700 десятинах. Общая картина посевной кампании выглядела следующим образом: для засева озимого клина было потрачено 1 863 286 пудов семян; яровой клин был засеян на 182 455 десятинах с затратой семян в 2 155 193 пуда. Валовой сбор ржи, считая 4,8 пуда с десятины, выразился в 830 530 пудах по всему региону. Докладчик отметил, что декабрьские морозы погубили яровые, в связи с чем ожидался «лютый голод» [3. Д. 5. Л. 57].

Для выхода из голодной ситуации в 1922 г. всего по ЧАО для обсеменения озимого клина из ЦК Помгол было получено 848 715 пудов семян, при этом по уездам в зависимости от численности населения цифры были следующие: отпущено Чебоксарскому уезду 143 919 пудов, Цивильскому – 194 075, Ядринскому – 139 916, Ибресинскому – 70 327 [З. Д. 5. Л. 57].

Чтобы понять масштаб голода в автономии, можно оценить конкретные данные. На осень 1921 г. силами крестьян было засеяно лишь 174 859 десятин, что составило 70% от общего объема площади посевов. Это стало возможным благодаря пришедшей из Московской губернии помощи в объеме 22 000 пудов семезерна [З. Д. 5. Л. 57об.]. Запоздавшая посевная кампания 1921 г. по ЧАО выразилась следующими цифрами: овсом было засеяно 81 586 десятин, что составляло 5% от нормы высева по региону в объеме 896 791 пуд; полбой – 27 175, т.е. 15% от 326 106 пудов семян; пшеницы по факту засеяли 18 137 десятин, а это 10% от необходимых 181 170 пудов в объеме по региону; просо засеяли на 18 117 десятинах, что составило 10% от необходимых 181 170 пудов по всей Чувашии; ячменя на 9058 десятинах, т.е. 5% от нужных по региону 90 585 пудов; греча была засеяна на 7346 десятинах, что составило всего 4% от требовавшихся 43 480 пудов; гороха засеяли 5435, или 3% от необходимых 326 106 пудов по региону; картофеля и того меньше – всего 3923 десятины, что составило 2% от желательных для жизни 326 206 пудов; льна засеяли на 3633 десятинах, что также составило 2% от необходимых 21 175 пудов; чечевицы всего 3623 десятины, и это вновь только 2% от необходимых 181 170 пудов; конопли засеяли 1811 десятин, т.е. 1% от требовавшихся 17 175 пудов и вики – 1811 десятин, что также составило 1% от нормы высева по ЧАО в объеме 14 495 пудов. Всего было использовано для засева 181 170 десятин, а требовалось для нормальной жизнедеятельности в автономии 1 701 186 003 пуда зерна и 326 106 пудов картофеля [З. Д. 5. Л. 57об.].

По данным областного статбюро ЧАО, из площади посевов не дали осенью всходов ввиду позднего сева: по Чебоксарскому уезду – 11 841 десятина, Цивильскому – 5217, Ядринскому – 6630, Батыревскому – 3818 десятин, что итого по ЧАО составило 28 830 десятин. За исключением недосева и посева, не давшего всходов, осталось на 1922 г. в озимом поле по разным причинам: по Чебоксарскому уезду – 20 216 десятин, Цивильскому – 32 556, Батыревскому – 28 108, Ядринскому – 31 137, что в итоге по автономии насчитывало 112 017 десятин [З. Д. 8. Л. 46]. На 1923 г. в ЧАО подлежало засеву по Чебоксарскому уезду 42 716 десятин, Цивильскому – 52 487, Батыревскому – 47 126, Ядринскому – 50 994, всего по ЧАО – 193 273 десятины [З. Д. 8. Л. 46об.]. Цифровые показатели свидетельствуют о том, что ситуация в будущем году должна была быть более благоприятной.

Из Московского Помгола 10 сентября 1921 г. по наряду за № 339 на территорию ЧАО вновь поступила жертвенная помощь, которая сразу же была распределена по уездам: макароны – 11 ящиков, сгущенное молоко – 6 ящиков, мед – 1 ящик, рис – 6 мешков, мука ржаная – 44 мешка, заготовки детских ботинок – 396 пар и мужские сапоги – 1430 пар [З. Д. 5. Л. 58]. В ноябре 1921 г. Наркомпрос отпустил всего 18 тыс. пайков, остальные жители Чувашии в основном питались суррогатами. В докладе за отчетный период было сказано, что от питания суррогатами умерло уже 70 тыс. человек, в том числе от голода – 5 100 человек. Скупые данные о том, что только в одной Шибулгинской волости имелось 16 семейств, поголовно вымерших от голода, свидетельствуют о страшной трагедии, нависшей над автономией [З. Д. 1. Л. 60об.].

Уже 1 декабря в Чувашскую АО снова прибыли грузы с материальной помощью: хлебные продукты из ЦК Помгол – 1000 пудов, Минской Компомгол – 7450, Московской Компомгол – 21 000, Рыбинской – 2953, Северного Кавказа – 4000, Орловской губернии – 3000, овощей из Орловского Губсоюза – 382 пуда, Тамбовской Компомгол – 2000, Тамбовского Наркомпрода – 6000, ЦК Помгол – 3000, а также из Центросоюза клюквы – 2500 пудов [3. Л. 21]. До нового урожая 1922 г. число голодавших по региону составило 810 тыс. человек (взрослых – 510 тыс., детей – 300 тыс.: от 0 до 3 лет – 47 тыс., от 3 до 7 – 109 тыс., от 7 до 12 лет – 102 тыс., от 12 до 18 лет – 42 тыс.). Месячная норма пайка была одинаковой для всех и составляла 20 фунтов в месяц [3. Д. 1. Л. 21].

По степени голодаемости территория ЧАО была разделена на четыре группы. Бесплатные общественные столовые, в первую очередь, организовывались в волостях 1-й группы, наиболее пострадавших от неурожая. К таким относились: Сундырская волость Чебоксарского уезда (64 селения с численностью жителей 13 472 человека, по одной бесплатной столовой в каждом селении; открыты в первую очередь); Шихазанская волость Цивильского уезда (количество селений – 26, число жителей – 16 785 человек, 26 столовых; открыты вторыми по очереди); Акрамовская волость Чебоксарского уезда (количество селений – 52, число жителей – 20 053 человека, 53 столовых; открыты в третью очередь); Аликовская волость Ядринского уезда (количество селений – 59, число жителей – 16 176 человек, 59 столовых; открыты четвертыми по очередности); Тораевская волость Ядринского уезда (количество селений 33, число жителей – 10 575 человек, 33 столовых; открыты в пятую очередь); Шуматовская волость Ядринского уезда (49 селений, число жителей – 10 556 человек, столовых – 49; шестые по очереди) и т.п. Далее столовые были открыты во всех 62 волостях Чувашской АО (охвачено 1726 селений с общей численностью едоков в 750 738 человек; в каждом из них ежедневно работал пункт общественного питания, итого 1726 столовых по всему национальному региону) [3. Д. 5. Л. 59–59об.].

Жители Чувашии в голодные годы умирали не только из-за отсутствия пищи или питания суррогатами. Высока была смертность и от различных заболеваний. Так, с января по июль 1921 г. органами власти было зафиксировано 73 умерших из 1903 человек, заболевших сыпным тифом; возвратным тифом заболело 1819 человек, из которых умерло 42; из заболевших брюшным тифом 524 человек вскоре умерло 7; дизентерией заболело 1329, умерло 70; число холерных больных – 428, из которых умерло 311. В этот же отчетный период случаи голодной смерти были выражены следующими цифрами: по Цивильскому узду – 225, Ибресинскому – 32, Ядринскому – 185, Чебоксарскому – 11 человек. К сожалению, как зафиксировано в документах, к осени 1921 г. ситуация резко ухудшилась; население умирало целыми семьями [3. Д. 5. Л. 59об.]. Состояние животноводства не только ухудшилось к осени 1921 г., но к весне 1922 г. приобрело катастрофический размах, что выразилось в уничтожении 87% овец, свиней же – более 90% всего запаса ЧАО [3. Д. 5. Л. 60–60об.].

Имея в области тяжелейшую голодную ситуацию, Чувашоблпоследгол вновь обращается в ЦК Помгол с письмом о помощи. Отклик в очередной раз автономия получает 31 декабря 1922 г. в виде объемных грузов, прибывших в вагонах на Канашскую железную дорогу: ржи поступило 925 пудов, свеклы –

82 пуда, репы – 69, моркови – 30, капусты – 188, картофеля – 825, муки ржаной – 930, лука – 152, гречи – 146 пудов; деньгами – 400 000 [З. Д. 8. Л. 18–18об.]. Помощь была своевременной; небывалое недоедание и мор создавали панику среди жителей. Выдача продовольствия и организованное в волостях горячее питание вызывали чувство надежды на скорейшее кардинальное улучшение голодной ситуации.

Итоговые финансовые поступления от ЦК Помгол в Чувашоблпоследгол за 1921 г. выразились в сумме 23 350 830 руб. Отчеты о расходовании средств указывают на закупку продовольствия и фуража на сумму 1 000 000 руб., на перевозку продовольствия и фуража – на 780 510 руб., на содержание чувашской Помгола – 1 530 500 руб. и разного рода командировки членов комиссии в размере 571 069 руб. [З. Д. 1. Л. 24–24об.].

Отчетные данные о работе комиссии за 1921 г. явно свидетельствуют о том, что организованная ею эвакуация 3150 детей в хлебобродные губернии прошла успешно. Планировалось переселить на будущий год еще 14 199 человек, временно поместили в приемники 140 сирот и полусирот. В 1922 г. данная работа была продолжена, но удалось отправить лишь 5890 несовершеннолетних [З. Д. 1. Л. 24об.]. Таким образом, часть беспризорных детей уводилась с улиц. Исследователи отмечают, что «борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью как сложнейшим социальным явлением» рассматривалась в качестве первостепенной задачи [12. С. 98].

Согласованная деятельность ЦК Помгол с руководством области и чувашской ячейкой позволила в определенной степени стабилизировать ситуацию, остановить вымирание жителей ЧАО (осенью – зимой 1922 г. умирали от голода эпизодически, а к лету 1923 г. голодные смерти прекратились). Областная комиссия по борьбе с последствиями голода при облисполкоме Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской АО была упразднена с 1 августа 1923 г. в связи с выполнением возложенных на нее задач; имущество комиссии и функции теперь были возложены на Всероссийский Комитет содействия сельскому хозяйству (КССХ).

Анализ архивных материалов подтверждает, что масштаб голодной трагедии на территории национального региона был ужасающим. Документы свидетельствуют о том, что население ЧАО даже к 1924 г. не освободилось полностью от голода, тем более от его последствий. Тем не менее работа Чувашоблпоследгола и ее уездных ячеек в 1921–1923 гг. была целенаправленной, достаточно последовательной и эффективной. Комиссия полностью выполнила возложенные на нее обязанности в сложнейших социально-экономических условиях, что доказывает целесообразность и высокую результативность работы органов власти в только что образовавшейся автономии по реализации трудноразрешимой задачи преодоления последствий голода и вымирания людей.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 39.
2. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 39.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 161. Оп 1.
4. ГИА ЧР. Ф. 195.
5. ГИА ЧР. Ф. 1584.
6. ГИА ЧР. Ф. 262.

7. ГИА ЧР. Ф. 4.
8. ГИА ЧР. Ф. 145.
9. ГИА ЧР. Ф. 787.
10. ГИА ЧР. Ф. 100.

11. *Димитриев В.Д.* Помощь Советского государства и русского народа трудящимся Чувашии в борьбе с голодом в 1921–1922 годов // Записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1950. Вып. 4. С. 3–42.

12. *Минеева Е. К., Морозов В. А., Янцева А. С.* Пути преодоления детской безпризорности в советской России в 1920 – 1930-е гг. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (74). С. 97–101.

13. *Минеева Е. К.* Голод в Чувашской автономии в 1921–1923 гг. // Актуальные проблемы истории России XX века: материалы регион. науч.-практ. конф. (13 ноября 2008 года, Чебоксары). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 14–24.

14. *Орлов В. В.* Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия // Отечественная история. 2008. №1. С. 106–117.

15. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 19. С. 217.

16. Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 19. С. 215.

СЕМЕНОВА ИННА ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iysemenova@mail.ru).

Inna Yu. SEMENOVA

FUNCTIONING OF THE CHUVASH REGIONAL COMMISSION TO COMBAT THE CONSEQUENCES OF FAMINE AND ITS UYEZD UNITS DURING THE YEARS OF MASS FAMINE IN THE VOLGA REGION (1921–1923)

***Key words:** famine in the Volga region, death from starvation and pestilence, famine front, the Central Commission for famine relief, social assistance to the starving people, Chuvash workers' and peasants' families, Regional Commission for combating the consequences of famine under the Regional Executive Committee of the Council of workers', peasants' and Red Army deputies of the Chuvash Autonomous region (1921–1923), uyezd commissions for famine relief, the All-Russian Committee for agricultural assistance (CACAA).*

The disaster that broke out in the Soviet Republic (late 1920 – early summer of 1923) was enormous both in its territorial extent and in its destructiveness. According to various sources, mass famine in the Volga region took away the lives of more than 22 million people (according to official data of the Soviet government – 5 million). Each separate region of the country tried to overcome the famine situation in different ways. The Chuvash region (now the territory of the modern Chuvash Republic (ChR)) was among the regions which failed to cope independently with the looming threat of population extinction from famine and pestilence. The Soviet government, in existing circumstances, took unprecedented measures to resolve the situation of famine, for the first time applying for help abroad.

Based on previously unpublished archival data, the author shows the work of the Chuvash autonomy authorities together with the Chuvash Commission for combating the consequences of famine and its uyezd units to solve the problems of famine situation in the national region of the country.

The study performed suggests that the Chuvash Autonomous Oblast (ChAO), despite the fact that it was one of the most severely affected regions of the Soviet Republic by crop failure and famine, was still able to effectively use the resources coming from the grain-producing provinces of the RSFSR, the Central Committee of Pomgol, the Committee of American aid, for its recovery.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 1235.Opis 39. Delo 85. List 2* [The State Archive of the Russian Federation. Archives 1235.Anagraph 39. Document 85. Page 2].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 1235.Opis 39. Delo 86. List 482* [The State Archive of the Russian Federation. Archives 1235. Anagraph 39. Document 86. Page 482].
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 161.Opis 1. Delo 1* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives161. Anagraph 1. Document 1].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 195* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 195].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 1584* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 1584].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 262* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 262].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 4* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 4].
8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 145* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 145].
9. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 787* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 787].
10. *Gosudarstvennyi istoricheski iarkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 100* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 100].
11. Dimitriev V.D. *Pomoshch Sovetskogo gosudarstva i russkogo naroda trudyashchimsya Chuvashii v bor'be s golodom v 1921–1922 godov* [Assistance of the Soviet state and the Russian people to the workers of Chuvashia in the fight against famine in 1921-1922]. In: *Zapiski ChNII* [CHNII notes]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1950, iss. 4, pp. 3–42.
12. Mineeva E.K., Morozov V.A., Yantseva A.S. *Puti preodoleniya detskoj bespri-zornosti v sovetskoj Rossii v 1920-1930-e gody* [Ways to overcome child neglect in Soviet Russia in the 1920s–1930s]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 2(74), pp. 97–101.
13. Mineeva E.K. *Golod v Chuvashskoi avtonomii v 1921–1923 gg.* [Famine in the Chuvash autonomy in 1921–1923]. In: *Aktual'nye problemy istorii Rossii XX veka: materialy region. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «Actual problems of the history of Russia of the XX century»]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2008, pp. 14–24.
14. Orlov V.V. *Golod 1920-kh godov v Chuvashii: prichiny i posledstviya* [Famine of the 1920s in Chuvashia: causes and consequences]. *Otechestvennaya istoriya*, 2008, no. 1, pp. 106–117.
15. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1922, no. 19, Article 217.
16. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1921, no. 19, article 215.

INNA Yu. SEMENOVA – Post-Graduate Student of Historical Sciences, Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (iysemenova@mail.ru).

Формат цитирования: Семенова И.Ю. Работа Чувашской Областной комиссии по борьбе с последствиями голода и ее уездных ячеек в годы массового голода в Поволжье (1921–1923 годы) // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 32–41.

УДК 654.19(470.40) «1945/1965»

ББК 76.031+63.3(235.54)Пенза)

И.Н. СИМОНОВА

РАЗВИТИЕ РАДИОВЕЩАНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1965 ГОДАХ

Ключевые слова: Пензенское радиовещание, радио, радиостроительство.

В статье рассматривается развитие регионального радиовещания в Пензенской области в 1945–1965 гг. Радио исследуемого периода, отражая особенности общественно-политического строя с перегибами цензуры, идеологическими тенденциями в государстве, обществе, объединяло усилия и стремления людей в решении общей задачи: восстановлении народного хозяйства. Затронуло Пензенское радио и «сплошная радиофикация», которая прошла в виде социалистических соревнований по всей стране в 1960 г. Несмотря на быстрые темпы развития радиовещания в Пензенской области, план радиофикации не был выполнен и на 1 января 1961 г. в области из 2349 населенных пунктов были радиофицированы 2298. Достижением изучаемого периода стало основание в Пензе Дома радио в 1963 г., который действует и в настоящее время. К 1965 г. городской радиоузел обслуживал 53 200 радиоточек, число радиостанций по области было 2, количество радиоузлов – 162, радиоточек – 280 800, что, несомненно, было достижением в развитии радиовещания региона. В 1945–1965 гг. радио было востребованным средством массовой информации. Радиовещание изучаемого периода в Пензенской области играло огромную культурную, просветительскую роль и было первостепенным агитационным средством к восстановлению народного хозяйства области.

Развитие радиовещания в Пензенской области – актуальная тема, но в настоящее время изучена недостаточно, поэтому требует дальнейших исследований. Данный вопрос затрагивали в своих работах Д.Н. Жаткин, Б.А. Дорошин [6], Х.М. Курочкина [7. С. 92–93], Е.И. Мануйлов [8. С. 251–253] и др. Определенная информация по теме исследования содержится в «Пензенской энциклопедии» [10], «Очерках истории Пензенской организации КПСС» [9].

Цель данного исследования заключается в изучении процесса развития радиовещания в Пензенской области в период 1945–1965 гг. и его роли как средства массовой информации в общественно-политической жизни региона.

Методологической основой работы является системный исторический метод, позволяющий рассмотреть процесс развития радиовещания в регионе в соответствии с временным этапом; статистический метод дает возможность наглядно проследить динамику изменения радиотехники и появления радиоточек в Пензенской области в исследуемый период. В работе применен историко-генетический метод, позволяющий выявить причины развития радио, обобщить факты и исторические данные по этому вопросу.

Радиовещание в Пензенской области развивалось поэтапно, отражая политическую ситуацию, перегибы цензуры, идеологические тенденции в государстве и обществе. В феврале 1939 г. была образована Пензенская область, которая ранее являлась административной частью Средневолжского края. В связи с изменением административной единицы и согласно приказу Народного комиссариата связи СССР № 88 от 19 февраля 1939 г. в Пензе было организовано Пензенское областное управление связи, которое руково-

дило всеми видами связи, в том числе и радиовещанием [5]. В этом же году была создана редакция радиовещания при исполкоме Пензенской области, которую контролировал Всесоюзный радиокомитет.

В послевоенные годы все силы страны были брошены на выполнение программы сталинской пятилетки по восстановлению народного хозяйства, и перед работниками радиовещания была поставлена задача объяснить людям, что трудности восстановления потребуют от граждан СССР сил и терпения, но это необходимо сделать, чтобы поднять страну на новый уровень развития.

В 1945 г. правительство СССР постановило признать 7 мая ежегодным Днем радио и праздновать его в этот день ежегодно [11].

С 1946 г. усиленно контролировались подбор кадров радиовещания и содержание текстов, поступающих в эфир, поэтому почти все радиопередачи заранее фиксировались на пленке и только потом доходили до слушателей.

Период 1945–1970 гг. именуется А.А. Шерелем как радио тоталитарного государства с преобладанием общегосударственной идеологии [12].

Радиовещание этого периода стало отражением общественно-политического строя и выполняло поставленные партией задачи: объясняло народу, что все важные изобретения впервые появились в СССР, освещало достижения только отечественной науки, искусства, литературы. Таким образом, страна с помощью радио опускала «железный занавес».

В этот период возрастает роль радиовещания как оперативного средства массовой информации, способного не только воспитывать и повышать культурный уровень населения страны, но и нести слово партии в массы с единой целью: объединить усилия и стремления людей в решении общей задачи: развитие народного хозяйства.

Радиовещание проникало во все уголки СССР, однако в Пензенской области ситуация оставалась непростой. Несмотря на определенный прогресс, не все населенные пункты области обеспечивались радиосвязью [2. Д. 246. Л. 11].

Уполномоченный по Лопатинскому району Пензенской области товарищ Власов на Совещании при начальнике обллита 23 октября 1947 г. в своем отчете утверждает: «Радиовещания в районе нет» [2. Д. 246. Л. 11–12].

С целью развития радиовещания при Областном радиокомитете был организован «радиоактив», который должен был выезжать в районы для организации местного вещания [1. Д. 1432. Л. 3, 70].

Основной деятельностью радиовещания все еще оставалась ретрансляция Центральных передач местными радиостанциями. В деревнях и селах продолжали слушать радио через репродукторы, так как в домах радиовещание было невозможным из-за отсутствия радиотехники [1. Д. 1468. Л. 3–4].

С возрастанием роли радиовещания наблюдалось и усиление цензуры. Ежемесячно вторые секретари райкомов должны были присылать в обком отчеты о работе радиовещания на местах [1. Д. 1468. Л. 17].

К 1950 г. Камешкирский район выбился в лидеры по развитию местного радиовещания. Там была создана своя студия, работниками которой стали 33 организатора коллективного радиослушания и 3 внештатных диктора. Местные передачи выходили в эфир два раза в день, центральные программы ретранслировались три раза в день [1. Д. 2003. Л. 47].

В 1948 г. было закончено строительство радиоузлов в селах Беково, Даниловка, Малая Сердоба, Поим. В Головинщино, Нечаевке, Салтыково, Свищевке

произведена реконструкция, направленная на увеличение мощности радиоузлов. Переоборудованы и переоснащены более современной техникой радиоузлы в Вадинске, Башмаково, Иссе, Сосновоборске, Телегино [1. Д. 2003. Л. 44].

В 1949 г. в регионе крупные поселки и рабочие центры были радиофицированы, но в отдаленных колхозах области еще не было радио. Исключением являлся только Кузнецкий район, в котором действовало 9 колхозных радиоузлов.

Радиофикация колхозов в этот период стала необходимостью, но радиостроительство требовало значительных материальных затрат. К выполнению поставленной задачи привлекались шефствующие промышленные предприятия Пензы и Кузнецка, которые изготавливали для радиолиний изоляторы и крючья.

Развитие радиовещания шло активными темпами: мощность с 1940 по 1950 г. увеличилась в 3,8 раза, количество радиоточек возросло в 1,8 раза [3. Д. 126. Л. 29]. Такие показатели стали возможными благодаря проведению работ по реконструкции станций радиоузлов и строительству линий радиофикации.

В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 декабря 1957 г. № 1299 и приказом Госкомитета по радиовещанию и телевидению от 21 декабря 1957 г. № 426 отдел радиоинформации управления культуры Пензенского облисполкома упразднили, и была образована редакция радиовещания и телевидения при облсовете депутатов трудящихся, на которую возлагали организацию радиовещания и телевидения для населения; руководство деятельностью городских и районных редакций радиовещания; осуществление записи на пленку; ретрансляцию радиопередач Центрального вещания и телевидения.

Пензенская областная редакция радиовещания и телевидения являлась местным органом Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. Редакция радиовещания и телевидения имела структуру: канцелярия, бухгалтерия, студия радиовещания.

В 1956 г. в Пензе насчитывалось 29 607 радиоточек общей мощностью 23 900 Вт, протяженностью линий 266 км [3. Д. 81. Л. 82–83]. Во второй половине 1950-х гг. были проведены работы по переоборудованию радиосети с двухзвенной на трехзвенную схему. В радиосети появились магистральные фидерные линии напряжением 1000 В, распределительные – 240 В и абонентные радиолинии напряжением – 30 В.

На основании решения Исполнительного Комитета Пензенского областного Совета депутатов трудящихся № 266 от 25 июня 1958 г. в соответствии с письмом Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР за № 51-285 от 21 июня 1958 г. в Пензе была организована Пензенская студия телевидения для подготовки и проведения собственных телевизионных передач. 20 февраля 1960 г. на основании распоряжения Госкомитета за № 481 от 9 декабря 1959 г. студия телевидения вошла в состав Пензенской редакции радиовещания и телевидения.

В 1959 г. начальник Пензенского областного управления связи В.И. Богданов внес предложение Обкому КПСС и Облисполкому о проведении «сплошной радиофикации» в Пензенской области в 1960 г. Это предложение было поддержано, но ситуация осложнялась тем, что колхозы находились в бедственном состоянии и средств на радиофикацию у них не было. Вырубка леса, пригодного для столбов, к этому времени в области производилась в очень малых масштабах, а снабжение линейными материалами, согласно плану радиофикации, выполнялось всего на 70% [3. Д. 187. Л. 99].

Для того чтобы план по сплошной радиофикации выполнялся в срок, была создана комиссия по радиофикации, председателем которой был назначен Н.В. Христофоров. Данная комиссия систематически рассматривала ход работы по радиофикации области и принимала меры по их ускорению.

Вопрос о финансировании данного мероприятия решался путем выделения колхозам ссуд Сельхозбанка для радиофикации, а Министерство связи снабжало аппаратурой и другими необходимыми линейными материалами.

С целью экономии средств на оплату работы по проведению сплошной радиофикации было принято решение о «народной стройке», т.е. за счет энтузиастов. С этой целью в области развернулось глобальное движение «за радиофикацию». Все предпринятые меры дали хороший результат, и в 1960 г. при активном участии партийных и Советских органов, колхозников, работников, связистов был построен 51 радиоузел, радиофицировано 626 населенных пунктов, установлено 44 радиотрансляционных точки.

С поставленной задачей отлично справились такие районы, как Башмаковский, Беднодемьяновский, Белинский, Бековский, Городищенский, Иссинский, Каменский, Камешкирский, Колышлейский, Кондольский, Кузнецкий, Лопатинский, Малосердобинский, Наровчатский, Тамалинский, Сердобский, Пачелмский, Шемышейский.

Мощность Пензенского городского радиоузла неуклонно росла и в 1960 г. составила 46100 Вт, радиоузел обслуживал 43606 радиоточек, при наличии 8 оконечных усилителей, 3 подстанций, из них 2 – дистанционного управления [3. Д. 187. Л. 98].

Несмотря на такие успехи, план радиофикации 1960 г. не был выполнен и по состоянию на 1 января 1961 г. в области было 2349 населенных пунктов, а радиофицировано 2298. Это был очень хороший результат, так как такими темпами еще никогда ранее в регионе не проходило радиостроительство.

В соответствии с решением Пензенского горисполкома от 19 января 1960 г. № 21 редакции по радиовещанию и телевидению Пензенским облисполкомом отведен земельный участок площадью 0,12 га в районе телецентра на строительство радиодома. В 1962 г. было начато строительство двухэтажного административного здания Дома радио, в 1963 г. он был сдан в эксплуатацию.

В сетку радиовещания этого периода были включены передачи новостные, сельскохозяйственные, детские и юношеские, сатирические, молодежные, музыкальные, пропагандистские, литературные и т.д.

В 1964 г. был разработан технический проект первой очереди реконструкции радиосети г. Пенза на 1965–1969 гг. Внедрение его в жизнь дало возможность организовать трехпрограммное вещание. Оно позволяло передавать по проводам три программы одновременно, что, несомненно, было прорывом технических возможностей.

Такое трехпрограммное вещание в 1969 г. появилось в Пензе лишь на участке, ограниченном улицами Карпинского, Коммунистическая, Дзержинского, Суворова.

В 1965 г. только городской радиоузел обслуживал 53 200 радиоточек. Число радиостанций по Пензенской области на этот период было 2, количество радиоузлов – 162, насчитывалось 280800 радиоточек. В связи с активизацией радиопроизводства росло количество радиоприемников и на 1965 г. в регионе оно составило 75 600 штук [4].

Радиовещание как в России, так и в Пензенской области в 1945–1965 гг. было доминирующим средством массовой информации, которое отражало

особенности политического строя, общественных процессов, злободневных проблем в разных областях народного хозяйства.

Радиовещание в Пензенской области 1945–1965 гг. имело огромное значение, вовлекая все большее количество слушателей в важнейшие политические, экономические и культурные сферы общества. Радио в регионе стало безграничным, так как пришло в самые удаленные уголки области и позволило людям получать актуальные новости о событиях в стране и регионе «по проводам». Важность рассматриваемого периода в том, что темпы радиостроительства были настолько высоки, что позволили радиофицировать почти все населенные пункты области. Теперь радиовещание стало круглосуточным, трехпрограммным и смогло расширить рамки получаемой информации, разнообразить программную сетку и, тем самым, увеличить и привлечь разносторонний и многочисленный круг слушателей. Радио данного периода стало еще более привлекательным средством массовой информации для руководства партии и, конечно же, несло в себе агитационную направленность политического толка, которая помогала руководству страны регулировать общественно-политическое мышление населения.

Литература

1. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 148. Оп 1.
2. ГАПО. Ф. 1733. Оп 1.
3. ГАПО. Ф. 2132. Оп 1.
4. ГАПО. Ф. 2474. Оп 1.
5. ГАПО. Ф. 2477. Оп. 2.
6. *Жаткин Д.Н., Дорошин Б.А.* История средств массовой информации Пензенского края. Пенза, 1998.
7. *Курочкина Х.М.* 70 лет радиофикации в Пензе // Краеведение. 1997. № 2. С. 92–94.
8. *Мануйлов Е.И.* Из истории радиофикации: проблемы изучения на примере Пензенского областного радио// Медиаальманах. 2004. № 4-5. С. 251–253.
9. Очерки истории Пензенской организации КПСС. Саратов, 1983.
10. Пензенская энциклопедия. Пенза М.: Большая Российская энциклопедия, 2001.
11. Радио. 1947. № 5, май.
12. Радиожурналистика / под ред. А.А. Шереля. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 480 с.

СИМОНОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры истории и философии, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Россия, Пенза (irina.simonova.79@mail.ru).

Irina N. SIMONOVA

DEVELOPMENT OF RADIO BROADCASTING IN PENZA REGION IN 1945–1965

Key words: *Penza radio broadcasting, radio, radio construction.*

The article deals with the development of regional radio broadcasting in Penza region in 1945–1965. Radio of the studied period, reflecting the peculiarities of the socio-political system with overzealous censorship, ideological tendencies in the state and the society, united efforts and aspirations of people in solving their common task: restoration of the national economy. Penza Radio was touched upon by “complete and utter installation of wired radio units”, which was held in the form of socialist competitions all over the country in 1960. Despite the rapid

pace of radio broadcasting development in Penza region, the plan for wired radio units installation was not implemented and on January 1, 1961 out of 2349 settlements in the region 2298 were equipped with radio units. The achievement of the study period was foundation of the Radio House in Penza in 1963, which still functions nowadays. By 1965, the city wire broadcasting centre served 53,200 receiving stations, the number of radio stations in the region was 2, the number of wire broadcasting centres – 162, receiving stations – 280,800, which was undoubtedly an achievement in the development of radio broadcasting of the region. In 1945–1965, radio was a sought-after media. Radio broadcasting of the studied period in Penza region played a huge cultural, educational role and was the primary campaigning means for the restoration of the national economy in the region.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti. Fond 148. Opis' 1 [State Archives of the Penza Region. Archives 148. Anagraph 1].
2. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti. Fond 1733. Opis' 1 [State Archives of the Penza Region. Archives 1733. Anagraph 1].
3. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti. Fond 2132. Opis' 1 [State Archives of the Penza Region. Archives 2132. Anagraph 1].
4. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti. Fond 2474. Opis' 1 [State Archives of the Penza Region. Archives 2474. Anagraph 1].
5. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti. Fond 2477. Opis' 2 [State Archives of the Penza Region. Archives 2477. Anagraph 2].
6. Zhatkin D.N., Doroshin B.A. *Istoriya sredstv massovoi informatsii Penzenskogo kraia* [History of mass media of the Penza Region]. Penza, 1998.
7. Kurochkina Kh.M. *70 let radiofikatsii v Penze* [70 years of radio in Penza]. *Kraevedenie*, 1997, no. 2, pp. 92–94.
8. Manuilov E.I. *Iz istorii radiofikatsii: problemy izucheniya na primere Penzenskogo oblastnogo radio* [From the history of radio communication: problems of studying the example of Penza regional radio]. *Mediaal'manakh*, 2004, no. 4-5, pp. 251–253.
9. *Ocherki istorii Penzenskoi organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Penza organization of the CPSS]. Saratov, 1983.
10. *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza encyclopedia. Penza]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 2001.
11. *Radio*, 1947, no. 5, May.
12. Sherelya A.A., ed. *Radiozhurnalistsika* [Radiojournalism]. Moscow, Moscow University Publ., 2000, 480 p.

IRINA N. SIMONOVA – Post-Graduate Student, Department of History and Philosophy, Penza State University of Architecture and Construction, Russia, Penza (irina.simonova.79@mail.ru).

Формат цитирования: *Симонова И.Н.* Развитие радиовещания в Пензенской области в 1945–1965 годах // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 42–47.

УДК 94(470.344)"1941/1945"

ББК 63.3(2Рос.Чув)

Н.Ю. ТОЛСТОВА, Е.К. МИНЕЕВА

**РАЗМЕЩЕНИЕ И ТРУДОУСТРОЙСТВО ГРАЖДАН,
ЭВАКУИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИЮ ЧУВАШИИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на 1 июня 1942 года)**

Ключевые слова: Чувашская АССР, Великая Отечественная война, эвакуация, эвакуированные граждане, трудоустройство.

В статье на основе архивных документов из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики характеризуется половозрастной состав граждан, эвакуированных в Чувашию в 1941 г. – первой половине 1942 г. Отмечаются неточности в ранее опубликованных документах по учету граждан, эвакуированных на территорию Чувашии. Выявляются особенности размещения прибывшего населения по городам и районам республики. Делается вывод о резких территориальных различиях по степени трудоустройства, поскольку, по подсчетам авторов, в южных районах Чувашии, наиболее удаленных от столицы автономии, нетрудоустроенным оставалось более половины трудоспособного эвакуированного населения, что вдвое превышало средний уровень трудоустройства эвакуированных по республике. Авторами дается объяснение данному явлению. С опорой на статический материал выделяются три главные сферы приложения труда размещенного в Чувашии эвакуированного населения: в колхозах, на промышленных предприятиях, в учреждениях и организациях.

Эвакуация населения в начальный период Великой Отечественной войны стала одним из тяжелейших испытаний, выпавших в то время на долю советского народа. Прием, учет и размещение, трудоустройство, материальное обеспечение прибывших людей были сложной задачей. На территории Чувашии этими вопросами в первую очередь занимался уполномоченный Управления по эвакуации населения по Чувашской АССР, а затем сотрудники переселенческого отдела хозяйственного устройства эвакуированных Совнаркома Чувашской АССР, организованный 10 марта 1942 г. [3. С. 57–59; 4. С. 35]. Несмотря на то, что историография размещения и жизни эвакуированного населения в Чувашии насчитывает десятки работ, многие вопросы остаются еще слабо изученными. В настоящей статье ставится цель охарактеризовать демографический состав размещенного на территории Чувашии эвакуированного населения и уровень трудоустройства эвакуированных граждан по состоянию на 1 июня 1942 г. Хронологические рамки данного исследования определяются двумя обстоятельствами. Во-первых, переучет эвакуированных граждан был завершён в Чувашии лишь в начале 1942 г. Поскольку выяснилось, что многие квалифицированные рабочие не использовались по специальности, отдел хозяйственного устройства эвакуированных приступил к размещению их по предприятиям республики, трудоустроив в течение трех месяцев несколько тысяч человек [1. Л. 35]. Во-вторых, в фонде Переселенческого отдела Совета Министров Чувашской АССР (Ф. Р-1263) Государственного исторического архива Чувашской Республики сохранился документ

«Справка о состоянии работы среди эвакуированного населения в Чувашской АССР» на 1 июня 1942 г. При этом в данном фонде отложился более полный вариант справки [2. Л. 10–16], чем тот, который был опубликован в сборнике документов «Под грифом “секретно”: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны» [6. С. 69–77], что позволяет точнее охарактеризовать демографический состав эвакуированного населения. Следует отметить, что в этом документе, чрезвычайно важном для построения целостной картины размещения и жизни эвакуированного населения в Чувашии, в расчетах и при печатании допущены многочисленные ошибки, в том числе принципиальные опечатки: например, процент нетрудоустроенных граждан по Ишлейскому району указан 15,4, тогда как в действительности не были устроены на работу всего 1,5% человек, т.е. в десять раз меньше; часто встречаются неправильные округления при вычислении относительных показателей и др. Все нижеприведенные расчеты относительных показателей демографического состава эвакуированного населения и его трудоустройства произведены на основе этой справки.

По состоянию на 1 июня 1942 г. Чувашская АССР приняла 64 429 эвакуированных граждан, которые были размещены во всех 28 существовавших районах, отдельно давалась также статистика по городам Чебоксары, Алатырь и Канаш. При анализе размещения населения следует иметь в виду, что наряду с современными районами Чувашии (Алатырский, Аликовский, Вурнарский, Ибресинский, Канашский, Козловский, Комсомольский, Красночетайский, Красноармейский, Марпосадский, Порецкий, Урмарский, Цивильский, Чебоксарский, Шемуршинский, Ядринский, Яльчикский, Янтиковский) административно-территориальное деление республики включало в 1942 г. также следующие районы: Ишлейский (существовал на территории главным образом современного Моргаушского района), Калининский (большая часть вошла в дальнейшем в состав Вурнарского района), Кувакинский (на территории современных Алатырского и Порецкого районов), Октябрьский (позже его территория была разделена между Мариинско-Посадским, Козловским, Цивильским и Урмарским районами), Первомайский (на территории современных Батыревского и Комсомольского районов), Советский (большая часть вошла в дальнейшем в состав Ядринского района), Сундырский (позже его территория была разделена между Чебоксарским и Ядринским районами), Чкаловский (переименован в Батыревский район), Шихазанский (большая часть затем вошла в состав Канашского района) [5. С. 53–64].

В количественном отношении больше всего эвакуированных граждан среди населенных пунктов и районов Чувашии приняли наиболее крупные города автономии – Чебоксары (6216 человек), Алатырь (5209) и Канаш (3772). Суммарно в трех городах было размещено около четверти эвакуированного населения (23,6%). Среди сельских районов больше всего эвакуированных было размещено в Шумерлинском (3472) и Козловском (3031) районах, что объяснялось наличием здесь крупных промышленных предприятий. Менее тысячи человек были размещены в Калининском, Советском и Шемуршинском районах.

Примерно треть эвакуированных составляли мужчины (34,3%) и две трети – женщины (65,7%). По районам половозрастная структура почти не различалась: чуть больше мужчин было направлено по сравнению с их количеством в других городах и районах, в Канаш (40,2%), Шумерлинский и Чкаловский районы (примерно 37,0%) [2. Л. 10–10об.].

Около половины приезжих (31 758 человек, или 49,3%) относились к трудоспособному населению. Согласно документам, к последнему причислялись мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины в возрасте от 16 до 54 лет. При этом заметно более высокий удельный вес трудоспособных среди эвакуированных граждан приходился на крупные города Чувашии – в Чебоксарах более 60,0% принятого контингента являлось трудоспособным, в Алатыре и Канаше – более 55,0%. Среди сельских районов наибольшим удельным весом трудоспособных граждан отличались Калининский (56,5%) и Шумерлинский (53,0%). В подавляющем же большинстве районов (21 из 28) трудоспособные составляли менее половины населения, в том числе в Октябрьском (35,5%), Красночетайском (36,3%) и Красноармейском (38,1%) районах они лишь немного превышали треть эвакуированных граждан.

Говоря об эвакуации гражданского населения, следует отметить, что в первую очередь эвакуировались дети и трудоспособное население, поэтому удельный вес пожилых был небольшим: четверть эвакуированных на территории Чувашии граждан (25,1%) составляли дети до 7 лет, примерно пятую часть (18,5%) – дети в возрасте от 7 до 15 лет; лишь 6,5% населения относилось к числу граждан старше трудоспособного возраста [2. Л. 10–10об.].

Одной из наиболее первоочередных задач, стоявших перед Переселенческим отделом Совета Министров Чувашской АССР, было осуществление контроля за трудоустройством эвакуированного населения, поскольку это выступало в качестве определенной гарантии от нищеты и голода. На 1 июня 1942 г. всего было трудоустроено 23 485 эвакуированных граждан, или 73,9%. В силу аграрного характера экономики Чувашии половина из них (11 855 человек, или 50,5%) были трудоустроены в колхозах республики. Более четверти трудоустроенного населения (6604 человек, или 28,1%) работало на промышленных предприятиях, причем подавляющая часть из них (свыше 90,0%) приходилась на пять городов и районов: Чебоксары (1521 человек), Алатырь (955 человек), Канашский район (включая г. Канаш, 2033 человек), Шумерлинский (940 человек) и Козловский (551 человек) районы [2. Л. 12–12об.], где находились крупнейшие на то время промышленные предприятия Чувашии – завод № 320 (в последующем – Чебоксарское производственное объединение имени В.И. Чапаева), завод № 471 (бывший Шумерлинский деревообрабатывающий комбинат), завод № 494 (на базе Козловского комбината строительных деталей и эвакуированного из г. Москва со всем оборудованием и кадрами авиационного завода № 494), завод № 654 (на базе эвакуированных в г. Чебоксары Харьковского электромеханического завода и Ленинградского завода «Электрик», будущий Чебоксарский электроаппаратный завод), Канашский вагоноремонтный завод, Алатырский паровозоремонтный завод, Алатырская махорочная фабрика, Шумерлинский дубильно-экстрактный завод «Большевик» и др. [6. С. 414–457].

Третьей популярной сферой приложения труда стали различного рода учреждения и организации – здесь работало 17,8% трудоустроенных граждан (4178 человек). При этом в городах процент трудоустроенных на работу в учреждения и организации граждан был заметно выше, чем по сельским районам: в Чебоксарах в них были трудоустроены 39,2% от числа всех трудоустроенных граждан, в Алатыре – 28,0%. 580 человек (2,5%) работали в промысловых артелях, в основном в Чебоксарах (на столицу автономии приходилось 19,1% занятых в этой сфере) и Шумерлинском и Канашском (включая

г. Канаш) районах. 175 граждан работали на железнодорожном транспорте (из них подавляющая часть – в Канаше), 70 – в машинно-тракторных станциях и 23 человека – в совхозах [2. Л. 12–12об.].

При анализе степени трудоустройства эвакуированных граждан бросаются в глаза резкие различия между районами. Если в целом по Чувашии не был трудоустроен каждый четвертый из прибывших в нее (26,1%), то в южных районах республики, наиболее удаленных от столицы, нетрудоустроенным оставалось более половины трудоспособного эвакуированного населения: в Алатырском районе процент неработающих граждан составлял 63,1%, в Чкаловском – 58,9%, в Порецком – 54,3%, в Комсомольском – 53,4%; даже в г. Алатырь не были трудоустроены 48,8% эвакуированных сюда граждан. Существенно более высокий удельный вес нетрудоустроенных эвакуированных граждан, по сравнению со средним по республике показателем, наблюдался также в Калининском (43,0%), Яльчикском (39,7%), Советском (38,1%), Шемуршинском (37,7%), Марпосадском (36,2%), Аликовском (35,7%), Урмарском (33,1%) районах. Подавляющая часть эвакуированных граждан была трудоустроена в Ишлейском (1,5%), Красноармейском (5,2%), Октябрьском (6,6%), Канашском (8,1%), Сундырском (9,7%), Шумерлинском (10,0%), Чебоксарском (10,6%), Кувакинском (10,5%). В абсолютных цифрах больше всего нетрудоустроенных граждан было в Алатыре (более 1,5 тыс. человек) и Чебоксарах (более 1,0 тыс. человек) [2. Л. 12–12об.].

С точки зрения республиканских властей, такие различия в уровне трудоустройства эвакуированных по районам объяснялись чисто субъективными причинами – неудовлетворительной работой районных исполкомов Советов и правлений колхозов по выполнению директив партии и правительства. На самом деле здесь было множество причин и субъективного, и объективного плана, о чем уже писалось в историографии [7. С. 88–91]. Главная же причина в существовании острой проблемы трудоустройства эвакуированных была связана с тем, что к началу Великой Отечественной войны Чувашия являлась преимущественно аграрной республикой со слабым развитием промышленности и небольшим количеством городов, тогда как в республику эвакуировалось в основном население городских населенных пунктов.

Очевидно, что подобное положение с трудоустройством эвакуированных граждан не могло устроить руководство республики, поэтому в дальнейшем будут приниматься серьезные меры для исправления ситуации, и к середине октября 1943 г. удастся трудоустроить 92,2% эвакуированных граждан (27 837 человек из 30 188) [3. С. 71]. Тем самым эвакуированное население внесет свою лепту в Великую Победу.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 66.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 29.
3. *Григорьев А.Д.* Материальное положение и быт населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш ун-та, 2008. 168 с.
4. *Кузнецова Н.Ю., Минеева Е.К.* Помощь эвакуированным в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 34–39.
5. *Нестеров В.А.* Населенные пункты Чувашской АССР, 1917–1981 гг.: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 352 с.

6. Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сборник документов / сост. Д.А. Захаров, Е.В. Касимов; ЧГИГН. Чебоксары, 2016. 556 с.

7. Толстова Н.Ю. Трудоустройство эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Чувашской АССР) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. № 2(91). С. 84–92.

ТОЛСТОВА НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nykuznetcova@yandex.ru).

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru).

Natalia Yu. TOLSTOVA, Elena K. MINEEVA

ACCOMMODATION AND EMPLOYMENT OF CITIZENS EVACUATED TO THE TERRITORY OF CHUVASHIA DURING THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (as of June 1, 1942)

Key words: *the Chuvash ASSR, the Great Patriotic war, evacuation, evacuated citizens, employment assistance.*

On the basis of archival documents from the funds of the State Historical Archive of the Chuvash Republic the article characterizes the age and gender composition of citizens evacuated to Chuvashia in 1941 – the first half of 1942. Inaccuracies in previously published documents on the registration of citizens evacuated to the territory of Chuvashia are noted. Peculiarities of accommodation of the arrived population in towns and regions of the republic are identified. It is concluded that there were sharp territorial differences in the degree of employment assistance, since, according to the authors' calculations, in the southern districts of Chuvashia, which are the furthest from the capital of autonomy, more than half of the able-bodied evacuated population remained unemployed, which was twice the average employment rate of the evacuees in the Republic. The authors give an explanation to this phenomenon. With the support of statistical material, three main fields for applying the labor of the evacuated population located in Chuvashia are distinguished: in collective farms, on industrial enterprises, at institutions and organizations.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-203. Op. 11. D. 66 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-203. Anagraph 11. Document 66].

2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-1263. Op. 1. D. 29 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-1263. Anagraph 1. Document 29].

3. Grigor'ev A.D. *Material'noe polozhenie i byt naseleniya Chuvashskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [The material situation and life of the population of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2008, 168 p.

4. Mineeva E.K., Kuznetsova N.Yu. *Pomoshch' evakuirovannym v Chuvashskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [The help to evacuees in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 1, pp. 34–39.

5. Nesterov V.A. *Naselennye punkty Chuvashskoi ASSR, 1917–1981 gg.: spravochnik ob administrativno-territorial'nom delenii* [Settlements Chuvash ASSR, 1917–1981: the reference book about administrative-territorial division]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1981, 352 p.

6. Zakharov D.A., Kasimov E.V., comp. *Pod grifom «sekretno»: Neizvestnye i maloizvestnye stranitsy istorii Chuvashii vremen Velikoi Otechestvennoi voiny: sbornik dokumentov* [Under the signature «secret»: Unknown and little-known pages of the history of Chuvashia during the Great Patriotic War: a collection of documents]. Cheboksary, 2016, 556 p.

7. Tolstova N.Yu. *Trudoustroistvo evakuirovannogo naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Chuvashskoi ASSR)* [Employment of the evacuated population in the years the Great Patriotic War (on the example of Chuvash ASSR)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2018, no. 2 (91), pp. 84–92.

NATALIA Yu. TOLSTOVA – Post-Graduate Student of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nykuznetcova@yandex.ru).

ELENA K. MINEEVA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mineevaek21@mail.ru).

Формат цитирования: Толстова Н.Ю., Минеева Е.К. Размещение и трудоустройство граждан, эвакуированных на территорию Чувашии в начальный период Великой Отечественной войны (на 1 июня 1942 года) // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 48–53.

УДК 94(470.51)"18/19"
ББК 63.3(2Рос.Удм)

А.В. УШАКОВ

**СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МещАН УДМУРТИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(на примере г. Сарапул)**

Ключевые слова: мещанское сословие, предпринимательство, профессиональная деятельность, город, Удмуртия, Сарапул.

Мещане являлись вторым по численности сословием Российской империи, внося существенный вклад в социально-экономическое развитие как государства в целом, так и его регионов. В статье проведен анализ структуры профессиональной и предпринимательской деятельности мещан города Сарапул как крупнейшего торгово-промышленного центра дореволюционной Удмуртии, позволяющий более точно очертить потенциал мещан в сфере экономических процессов. Выделены основные направления активности представителей сословия, рассмотрены основные наименования профессий мещан-ремесленников. Освещена значимость факторов пола, грамотности, а также административной приписки при выборе сферы профессиональной и предпринимательской деятельности. В результате выявлено преобладание мещан в сфере материального производства и оказания услуг, сделан вывод о важном значении мещан-мигрантов в экономике г. Сарапул.

Важнейшим инструментом адаптации мещанского сословия Удмуртии к условиям пореформенного городского пространства стала профессиональная и предпринимательская деятельность. Освещение означенных инициатив требует предварительного обращения к понятийному аппарату данных явлений. Так, Большой толковый словарь русского языка определяет «профессию» как «род трудовой деятельности, занятий, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования» [1. С. 1035]. Предпринимательство трактуется как «инициативная, самостоятельная деятельность граждан без образования юридического лица, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность или от имени чьего-то и под чью-то имущественную ответственность» [1. С. 960].

Обширную информацию о профессиональной и предпринимательской деятельности мещан содержат данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Анализируя ее материалы, исследователь может почерпнуть ценные сведения о половозрастном, сословном статусе опрошенного лица, а также найти указания на его основные и побочные виды занятий. Несмотря на упомянутые достоинства названного вида источников, необходимо отметить и недостатки, характерные для опубликованной его части. Традиционные представления служащих статистического ведомства о вкладе женщин в процесс общественного производства не позволяли в полной мере осветить особенности их профессиональной и предпринимательской деятельности: чаще всего положение замужней женщины принимало формат нахождения «при муже» [4. С. 73; 5. С. 273].

Кроме того, недостаточно подробно оказался рассмотрен вопрос о производственной роли отдельно взятого лица. Во-первых, при обработке и публикации материалов особым образом не выделялись предприниматели («самодельные лица»), на основе собственной инициативы создававшие спрос на рабочую силу («несамодельное население»), обеспечивая тем самым удовлетворение общественных и личных нужд. Во-вторых, более пристального освещения требует положение человека в иерархии организации производственного процессе (хозяин, служащий, рабочий) [3; 6. С. 175.].

В силу названных обстоятельств воссоздание структуры профессиональной и предпринимательской деятельности мещан Удмуртии требует преимущественного обращения не к опубликованным данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., а к ее первичным материалам – заполненным со слов самих опрошенных переписным листам. При решении исследовательских задач мы сочли необходимым ориентироваться на такие направления экономической активности, как:

- 1) промышленное производство;
- 2) торговля и сфера материальных услуг;
- 3) образование, медицина и нематериальное производство;
- 4) служба в органах государственной власти и общественного управления.

Среди наиболее репрезентативных, на наш взгляд, следует назвать данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. по Сарапулу как крупнейшему населенному пункту и торгово-промышленному центру Удмуртии.

Таблица 1

**Отрасли профессиональной и предпринимательской деятельности
в основных занятиях мещан г. Сарапул (1897 г.) [7]**

Отрасли занятий	Пол, человек			Грамотность, человек		Приписка, человек		
	муж.	жен.	всего	да	нет	Сарапул	Вятская губ.	другие
Промышленное производство	1879	466	2345	1337	1008	2043	109	193
Торговля и сфера услуг	613	419	1032	596	436	805	89	138
Образование и медицина	43	39	82	59	23	57	15	10
Общественное управление	56	0	56	53	3	39	10	7
Итого	2591	924	3515	2045	1470	2944	223	348

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что на 1897 г. в г. Сарапул профессиональной и предпринимательской деятельностью было занято 3515 человек, что составляло 40% от числа мещан города. Наиболее широко среди мещан представлена категория «Промышленное производство» (66,7%), на втором месте находились «Сфера услуг и торговля» (16,9%).

Особый интерес вызывают сведения, отражающие роль и присутствие в экономике г. Сарапул не только приписанных к городу мещан, но и тех, кто, разделяя с ними сословный статус, имел оседлость в иных городах Вятской губернии, а также прибывал из-за ее пределов. Суммарная численность представителей названной категории лиц к концу XIX в. в г. Сарапул составляла 571 человек, или 16,2% из общего количества учтенных мещан. Детальное рассмотрение подобной подгруппы позволяет выделить ряд свойственных ей качеств. Так, в материальном производстве и сфере услуг присутствие мигрантов из-за пределов Вятской губернии ощущалось более суще-

ственно по сравнению с мещанами, приписанными к ее уездным городам. В частности, опираясь на данные источника, их количественное соотношение в сфере материального производства, можно обозначить как 193 к 109. Сходное преобладание прослеживается в сфере услуг: 138 к 89. Выявленные диспропорции спровоцированы главным образом отличием в масштабе учетных категорий: города Вятской губернии были представлены мещанами десяти населенных пунктов (исключая г. Сарапул), в то время как мигранты могли прибывать из 40 городов ряда регионов Российской империи.

Долевой вес последних в отраслях «Промышленное производство» и «Торговля и материальные услуги» составил 12,9% и 22%, соответственно. Подобные показатели могут свидетельствовать об существовании устойчивого спроса на предоставление услуг широкому слою городского населения. В то же время г. Сарапул имел возможность самостоятельно, без ориентации на внешние источники воспроизводить рабочую силу, необходимую для развития промышленности.

Профессиональная деятельность в рамках таких отраслей, как общественное управление, образование или медицина, требовала от мещан приобретения соответствующей квалификации. В то же время выработка необходимых умений обыкновенно сопровождалась повышением социального статуса человека и утратой членства в «первобытном» сословном обществе. В силу названных обстоятельств количественные показатели присутствия мещан среди специалистов категории «Образование и медицина» нельзя назвать сколько-нибудь высокими по сравнению с другими направлениями их деятельности. Нужно отметить важное значение оседлости для занятий, связанных с упомянутыми отраслями социальной инфраструктуры. Знакомство со спецификой демографической структуры, а также понимание наиболее значимых задач, стоявших перед городским населением, давало мещанам городов Вятской губернии преимущество относительно мигрантов, прибывавших из регионов Российской империи. Примечательно, однако, и то, что в структуре органов общественного самоуправления мещане, как правило, занимали посты писмоводителей и канцеляристов. В данном случае основным критерием отбора становились грамотность человека, навыки чтения и письма. Несмотря на указанные выше потенциальные преимущества, свойственные коренным жителям, мещане г. Сарапул могли испытывать ощутимую конкуренцию со стороны мигрантов не только в сфере документооборота. Так, 30,5% мещан, занятых в отрасли «Образование и медицина», и 30,4% – по направлению «Общественное управление» были представлены выходцами из Вятской губернии и из-за ее пределов.

Важное место в системе побочных занятий мещан г. Сарапул занимала *сфера услуг*. Подобное положение главным образом обусловлено существенной ролью сдачи внаем жилплощади постояльцам, прибывавшим в город в поисках работы, но не имевшим собственного жилья. На втором по популярности месте находились занятия, связанные с материальным производством. Сапожное ремесло следует по праву считать одной из отличительных черт местного промышленного ареала, а потому поиск дополнительных источников дохода в выполнении несложных производственных функций оказывался для мещан очевидным решением. Занятия в сфере образования и медицины, общественного управления требовали специальной подготовки и не были доступны широким кругам городского населения (табл. 2).

Таблица 2

**Отрасли профессиональной и предпринимательской деятельности
в побочных занятиях мещан г. Сарапул (1897 г.) [7]**

Отрасли занятий	Пол, человек			Грамотность, человек		Приписка, человек		
	муж.	жен.	всего	да	нет	Сарапул	Вятская губ.	другие
Промышленное производство	31	47	78	41	37	63	6	9
Торговля и сфера услуг	237	46	283	137	146	264	11	8
Образование и медицина	14	7	21	15	6	14	3	4
Общественное управление	4	0	4	3	1	4	0	0
Другое	0	9	9	4	5	5	1	3
Итого	286	109	395	200	195	350	21	24

Обращаясь к численным показателям представителей мещанского сословия в целом по отраслям, особенно подробно необходимо осветить *промышленное производство* Сарапула (табл. 3–4). Наибольшую известность принести городу его ремесленники, и в особенности мастера сапожного дела. Вариации в наименовании профессий позволяют сделать вывод о развитии инфраструктуры города, его торгово-промышленной сферы. Необходимость оптимизации производственного цикла, расширения товарного ассортимента и перехода к более совершенным формам производства требовала более глубокого разделения труда, а потому в среде мастеров выделяются более узкие категории специалистов. Так, обрабатывающая промышленность представлена следующими отраслями и профессиями: выплавка металлов («мастер чугунолитейного завода»), обработка волоконистых веществ («ткач», «прядильщик», «канатный мастер», «красильщик»), обработка животных продуктов («мыловар», «шегренищик», «щеточный мастер», «вытягивальщик кож», «кожевенник», «посадчик на кожевенной мастерской», «скорняк», «шорный мастер»), обработка дерева («столяр», «плотник», «паркетчик», «резчик по дереву», «пробойщик», «коробочник», «корзинщик», «бондарь», «гробовщик», «экипажный мастер», «пильщик», «обойщик»), обработка металлов («кузнец», «слесарь», «жестянщик», «паяльщик»), обработка минеральных веществ («кирпичник»), винокурение, пиво- и медоварение («винокур», «аппаратчик на спирторектификационном заводе», «очистной мастер винокурного завода»), обработка растительных и животных питательных продуктов («ускусница», «булочник», «пряничный мастер», «крендельщик», «пирожник», «просвирня», «рабочий мельницы», «мастер-кондитер», «мастер в лимонадно-фруктовом заведении»), полиграфическое производство («литовщик», «гравер в типографии», «переплетчик»), изготовление часов, игрушек, физических, оптических, хирургических инструментов («ситовщик», «часовых дел мастер»), ювелирное дело и живопись, изготовление предметов культа и роскоши («позолотчик по иконописной части», «позолотчик», «золотых и серебряных дел мастер», «медных дел мастер», «гармонщик»), изготовление одежды и обуви («валенщик», «сапожный мастер», «сапожник-вытягивальщик», «колодочный мастер», «ботиночный мастер», «туфельный мастер», «башмачный мастер», «заготовщик одежды и обуви», «закройщик», «дамский портной», «портной мастер», «швея», «модистка», «мастер-чулочник», «шляпник», «перчаточник», «шапочник», «овчинник»), устройство, ремонт, содержание жилищ и строительные работы («каменщик», «кровельщик», «маляр», «стекольщик», «печник», «штукатур», «ремонтник»).

Таблица 3

**Промышленное производство и земледельческие промыслы мещан
г. Сарапул (1897 г.) [7]**

Отрасли занятий	Пол, человек			Грамотность, человек		Приписка, человек		
	муж.	жен.	всего	да	нет	Сарапул	Вятская губ.	другие
Хозяева промыслов и заведений	91	8	99	63	36	88	4	7
Приказчики и управляющие	18	3	21	18	3	11	3	7
Мастера и ремесленники	1415	327	1742	987	755	1532	78	132
Огородничество и рыболовство	8	5	13	4	9	12	1	0
Рабочие фабрик и др. заведений	102	4	106	75	31	77	10	19
Подмастерья и ученики	245	119	264	190	174	323	13	28
Итого	1879	466	2345	1337	1008	2043	109	193

Таблица 4

**Промышленное производство и земледельческие промыслы
в побочных занятиях мещан г. Сарапул (1897 г.) [7]**

Отрасли занятий	Пол, человек			Грамотность, человек		Приписка, человек		
	муж.	жен.	всего	да	нет	Сарапул	Вятская губ.	другие
Хозяева промыслов и заведений	0	0	0	0	0	0	0	0
Приказчики и управляющие	0	0	0	0	0	0	0	0
Мастера и ремесленники	27	37	64	34	30	52	4	8
Огородничество и рыболовство	3	3	6	4	2	5	1	0
Рабочие фабрик и др. заведений	1	2	3	1	1	2	1	0
Подмастерья и ученики	0	5	5	2	4	4	0	1
Итого	31	47	78	41	37	63	6	9

Подавляющее большинство мещан г. Сарапул к концу XIX – началу XX в. было вовлечено в процесс курируемого купечеством мануфактурного производства рассеянного типа в качестве кустарей-надомников. Созданные непосредственно мещанами заведения главным образом являлись ремесленными мастерскими, функционировавшими в русле мелкотоварного производства. Чаще всего они оформлялись под крышей жилища мещанина и могли задействовать от 1 до 4 работников, включая хозяина. Оперативное планирование в таких предприятиях зависело, прежде всего, от наличия заказов, а потому не было обозначен сколько-нибудь четко. В то же время распорядок дня в стенах заведения, принявшего на себя производственные обязательства, предполагал начало работы в 5 или 6 часов утра вплоть до ее окончания в 7–9 часов вечера. Более крупные мастерские, достававшиеся мещанам в наследство от их отцов, могли включать в себя уже от 5 до 25 человек, что сближало их с купеческими промышленными предприятиями идентичного профиля. По подсчетам Н.П. Лигенко, доля мещанских предприятий в промышленности региона на протяжении второй половины XIX – начале XX в. составляла от 22 до 25% [2. С. 79–80].

Данные табл. 4 свидетельствуют о том, что владельцы промышленных заведений, приказчики и управляющие были полностью поглощены своей работой, которая обеспечивала им необходимые средства к существованию. Источником дополнительного заработка для мещан служили огородничество, рыболовство, надомные работы и ремесленные занятия.

Таким образом, структура профессиональной и предпринимательской деятельности мещан Удмуртии второй половины XIX – начала XX в. может быть представлена в качестве комплексной системы, важнейшее значение в которой имеет промышленное производство. Уровень развития данной сферы городской экономики во многом обуславливал усложнение нематериального производства и общественной жизни региона в целом. В названном смысле Сарапул и Елабуга определенно превосходили такие менее крупные и экономически самостоятельные города, как Глазов и Малмыж.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000. 1536 с.
2. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2001. 432 с.
3. Лосицкий А.Е. Этюды о населении России по переписи 1897 г. // Мир Божий. 1905. № 8. С. 224–244.
4. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
5. Пюриййнен Д.М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2013. 352 с.
6. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. 216 с.
7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 236. Оп. 1. Д. 152–194.

УШАКОВ АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат исторических наук, преподаватель, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Россия, Ижевск (ushakovantvlad@gmail.com).

Anton V. USHAKOV

STRUCTURE OF PROFESSIONAL AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE BOURGEOIS IN UDMURTIA OF THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY (on the Example of the Town of Sarapul)

Key words: *the bourgeois class, entrepreneurship, professional activity, town, Udmurtia, Sarapul.*

The bourgeois were the second largest class of the Russian Empire, making a significant contribution to the socio-economic development of both the state as a whole and its regions. The article analyzes the structure of professional and entrepreneurial activity of the bourgeois of the town of Sarapul as the largest trade and industrial center of pre-revolutionary Udmurtia, making it possible to outline more precisely the potential of the bourgeois in the sphere of economic processes. The main directions in the activities carried out by representatives of the class are marked out; the main names of professions of bourgeois-artisans are considered. The article offers insight into the importance of such factors as gender, literacy, as well as administrative registration in selecting professional and entrepreneurial activities. As a result, the author reveals predominance of the bourgeois in the sphere of material production and providing services, and he makes the conclusion about the importance of the bourgeois in the economy of the town of Sarapul.

References

1. Kuznetsov S.A., ed. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large lexicon of Russian language]. St. Petersburg, 2000, 1536 p.
2. Ligenko N.P. *Kupechestvo Udmurtii* [Kupechestvo estate of Udmurtia]. Izhevsk, 2001, 432 p.
3. Lositskii A.E. *Etyudy o naselenii Rossii po perepisi 1897 g.* [Etudes on Russia's population based on 1897 census' data]. *Mir Bozhii*, 1905, no. 8, pp. 224–244.
4. Mironov B.N. *Russkii gorod v 1740–1860-e gg.: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [Russian town through 1740–1860s: demographic, social and economic development]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 272 p.
5. Pyuriyainen D.M. *Naselenie uezdного города Sarapula vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: sotsiokul'turnyi aspekt* [People of Sarapul uyezd town through second half of 19th – early 20th: sociocultural aspects]. Izhevsk, 2013, 352 p.
6. Rubakin N.A. *Rossiya v tsifrakh. Strana. Narod. Sosloviya. Klassy* [Russia in numbers: the state, people, estates, social classes]. St. Petersburg, 1912, 216 p.
7. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki. Fond 236. Opis' 1. Documents 152–194* [Central state archive of the Udmurt republic. Archives 236. Anagraph 1. Documents 152–194].

ANTON V. USHAKOV – Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Russia, Izhevsk (ushakovantvlad@gmail.com).

Формат цитирования: Ушаков А.В. Структура профессиональной и хозяйственной деятельности мещан Удмуртии второй половины XIX – начала XX века (на примере г. Сарапул) // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 54–60.

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 94 (470)
ББК 63.52

А.К. ИДИАТУЛЛОВ

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ПРЕДМЕТ НОВЕЙШИХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

***Ключевые слова:** христиане, мусульмане, взаимодействие, толерантность, диалог, религиозный синкретизм, исследования.*

В статье представлены результаты анализа публикаций, посвящённых взаимодействию ислама и христианства, изданных за последние 10 лет. Изучение важнейших публикаций, рассмотревших вышеобозначенную проблему, показало многообразие подходов, методологических позиций и оценок сущности взаимодействия между конфессиями. Первый подход связан с исследованием межконфессионального взаимодействия с позиции толерантности и интолерантности. Вторым подходом рассматривается христианско-мусульманское взаимодействие на примере конкретных этнических групп, а также локальных поликонфессиональных поселений и групп поселений. Третий подход заключается в изучении взаимодействия христианства и ислама в контексте проблемы религиозного синкретизма.

Христианско-мусульманское взаимодействие – важнейший предмет современной этнографической науки, в рамках которого решаются проблемы коммуникации религиозных общин, вопросы соотношения религиозной, конфессиональной и этнической идентичности, исследуются факты синкретичного сознания в поликультурных регионах. Целью статьи является анализ отечественных исследований, посвящённых взаимодействию христианской и мусульманской социокультурных систем, опубликованных в период с 2009 по 2019 г.

Изучение важнейших публикаций, рассмотревших вышеобозначенную проблему, показало многообразие подходов, методологических позиций и оценок сущности взаимодействия между конфессиями. Часть исследователей исходят из факта неуклонного возрастания роли религии в обществе, которое, согласно официальным документам и законам, является светским. Чрезмерное и стремительное изменение «баланса сил» может привести к противостоянию религиозно настроенных граждан с людьми, придерживающимися секулярных воззрений [14]. На возможное развитие данного сценария накладывает то обстоятельство, что постсоветское общество ещё не успело в полной мере выработать чётких установок принятия «других». Исходя из этой позиции, можно сделать вывод о некотором «сближении» верующих людей, независимо от их религиозной и конфессиональной принадлежности. Такая точка зрения позволяет рассматривать систему Христианство–

Ислам в российских условиях как сложную и противоречивую целостность, в которой, несмотря на конкуренцию и возможное противостояние, более вероятны сценарии сотрудничества и солидарности. Солидаризуются с мнением М.А. Халиля и другие исследователи. Например, А. Буттаева в качестве объединительного фактора традиционных религий России видит упрямство западной цивилизации в навязывании своих ценностей [1. С. 93]. Наиболее остро о роли религий в борьбе с «разлагающими» ценностями западного мира высказался А.А. Мишучков, отметив, что «религиозные дискурсы, отстаивающие сакральное ядро ценностей цивилизации, вступают с дискурсами глобализации в идеологическое противоречие» [8. С. 67]. Российский ислам вместе с российским христианством стали в известном смысле идеологической основой лидерства России как главного противника «нового либерализма» [7. С. 111]. Интересно, что анализ публикаций, посвящённых исламу на территории Поволжья и Приуралья, проведённый А.М. Субботиной, также показывает тенденцию смещения акцентов в сторону двойственной роли ислама в регионе. И если классические исследования нередко подчёркивали противостояние мусульманской социокультурной системы и главной культурной линии Российского государства [10. С. 169], то в современных реалиях ислам чаще анализируется как подвижная, меняющаяся система, открытая к диалогу и интеграции. Чтобы картина не показалась слишком благостной, напомним, что ислам и христианство полицентричны. Многочисленность течений, школ, церквей, деноминаций, сект, общин и прочих отклонений и ветвей внутри данных социокультурных систем всегда будет своеобразным камнем преткновения на пути объективного диалога [15. С. 40].

Исследование вопросов взаимодействия христианства и ислама невозможно и без осознания проблемы толерантности, которая служит залогом гармоничных отношений между последователями различных конфессий. Результаты проведённых опросов обнадеживают: значительное количество респондентов относится к гражданам иных религиозных течений положительно, без неприязни [12. С. 83]. Часто консолидирующими факторами для них выступают близость ценностей и принадлежность к одному поколению [13. С. 117]. Особенно замечательны полученные данные на фоне социокультурных угроз современного мира, среди которых более всех выделяются радикальные, экстремистские и откровенно террористические религиозные течения, такие, например, как запрещённое в России ИГИЛ. В этой связи следует разграничивать автохтонный, так называемый российский ислам, который интегрировался в российское культурное пространство достаточно успешно, особенно в Поволжье и Приуралье, и ислам глобальный, международный, в рамках которого процессы протекают более турбулентно и представляют собой систему со многими неизвестными. Достаточно вспомнить, например, что ислам в Западной Европе заявил себя как новый религиозный фактор лишь в 60–70-е гг. XX в., ворвавшись сюда вместе с потоком мигрантов [16. С. 23]. Российский ислам гораздо более предсказуем, в известном смысле устойчив по отношению ко всевозможным внешним влияниям, что показали события последних 30 лет, и его вполне успешно можно рассматривать в русле традиционных «государственных институтов».

Важнейшими регионами России в плане взаимодействия ислама и христианства, как уже было отмечено выше, являются Поволжье и Приуралье. Местные культуры неоднократно демонстрировали поразительную терпи-

мость к религиозным воззрениям друг друга. Например, даже система Н.И. Ильминского, несмотря на свою откровенную антимусульманскую направленность, оказала положительное влияние на развитие исламского образования татар [11. С. 84]. Процессы взаимодействия христианства и ислама в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья стали предметом исследования Р.Р. Садикова, на этнографических материалах показавшего, что в современных условиях конфликты на религиозной почве независимо от этнической и конфессиональной принадлежности не фиксируются. Более того, в смешанных по национальному и конфессиональному признаку населённых пунктах наблюдается взаимная адаптация представителей христианства и ислама друг к другу. Например, большое распространение получили смешанные браки. «Люди разных вероисповеданий посещают обрядовые праздники друг друга, осведомлены о традициях своих соседей, выказывают уважение к религиозным чувствам представителей других конфессий». [9. С. 20]. Сходные результаты независимо друг от друга получили исследователи, изучавшие контакты христиан и мусульман на материалах русских и башкир, татар и чувашей. В частности Ф.Г. Галиева отмечает, что коммуникации башкир, русских и других народов Башкортостана сформировали единое культурное поле, в результате чего башкирские традиции стали восприниматься русскими как свои и наоборот [2]. О конфессиональном синкретизме с характерным для него использованием молитвенных формул других религий в смешанных селениях Урало-Поволжья пишет и Е.С. Данилко [3]. Сложная картина переплетения православных и исламских религиозных практик наблюдается и среди чувашей-мусульман региона [17]. Подобные сюжеты вокруг христианско-мусульманского взаимодействия дают основание полагать, что существуют региональные и узколокальные варианты коммуникаций как на уровне общин, так и на уровне межличностных отношений, что чрезвычайно важно учитывать в такой разнообразной стране, как Россия.

Большим эвристическим потенциалом обладают исследования, анализирующие христианско-мусульманское «пограничье» в контексте проблемы религиозного синкретизма. В рамках данного проблемного поля раскрыты интереснейшие факты взаимовлияния и взаимопроникновения христианских идей, имеющие массовый характер. Например, в публикациях А.К. Идиатуллова изучены взаимовлияния христианских и мусульманских идей в массовом сознании русских [5] и татар [4] Среднего Поволжья и Приуралья. В частности, очень оригинально воспринимают Иисуса респонденты русской национальности. Каждый седьмой из опрошенных нами в Ульяновской области считает Иисуса пророком [6. С. 137], что соответствует исламским представлениям, а не христианским.

Таким образом, исследование показало, что христианско-исламское взаимодействие, оставаясь важнейшим предметом гуманитарных исследований, изучается в рамках следующих подходов:

1. Первый подход связан с рассмотрением межконфессионального взаимодействия с позиции толерантности и интолерантности. В фокусе внимания таких работ находятся факты конкуренции, соперничества, конфронтации, солидарности, диалога и единства религий.

2. Второй подход рассматривает христианско-мусульманское взаимодействие на примере конкретных этнических групп, а также локальных поликон-

фессиональных поселений и групп поселений. Наиболее успешно проявили себя подобные этнографические исследования в Волго-Уралье.

3. Третий подход исходит из взаимодействия христианства и ислама не только на уровне организаций, поликонфессиональных поселений и семей, но и на уровне массового сознания. Крайней формой такого взаимовлияния является синкретизм религиозного сознания.

Литература

1. *Буттаева А.* Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Вып. 1, т. 15. С. 79–92.

2. *Галиева Ф.Г.* Общее и локальное в современной семейно-обрядовой культуре башкир и русских Башкортостана // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 1. С. 35.

3. *Данилко Е.С.* Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 54–65.

4. *Идиатуллов А.К.* Религиозный синкретизм татар-мишарей Ульяновской области: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010. 252 с.

5. *Идиатуллов А.К.* Трансформация традиционной духовной культуры в полиэтничном регионе (на примере русских и татар Ульяновской области). Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2014. 75 с.

6. *Идиатуллов А.К.* Религиозность русского населения г. Ульяновска в начале XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-4 (61). С. 135–138.

7. *Лункин Р.Н., Филатов С.Б.* Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. 2018. № 3. С. 102–114.

8. *Мишучков А.А.* Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3(178). С. 65–71.

9. *Садиков Р.Р.* Процессы межконфессионального взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 9–22.

10. *Субботина А.М.* Ислам и этнокультурные взаимодействия на территории Поволжья и Приуралья в XIX – начале XX века в современной исторической литературе // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 163–172.

11. *Таймасов Л.А., Исхаков Р.Р.* Миссионерско-просветительская система Н.И. Ильминского и народы Волго-Уралья // Научный Татарстан. 2012. № 3. С. 75–86.

12. *Тарасова Т.Т.* Религиозность студенческой молодёжи крупного поликонфессионального города // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10, № 4. С. 80–84.

13. *Тарасова Т.Т.* Православная и мусульманская молодёжь в этнокультурном пространстве крупного южного города // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 5(42). С. 114–117.

14. *Халиль М.А.* Религиозная ситуация в России. Социологический анализ христианско-мусульманского взаимодействия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 2. С. 94–108.

15. *Хохлов А.Х.* Из истории диалога Русской Православной церкви с шиитским духовенством Ирана: векторы сотрудничества и специфика взаимодействия // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 37–49.

16. *Шуралёв А.* Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. М.: «Книга по требованию», 2017. 272 с.

17. *Ягафова Е.А.* Религиозные практики этноконфессиональных групп чувашей // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 3–18.

ИДИАТУЛЛОВ АЗАТ КОРБАНГАЛИЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет, Россия, Ульяновск (AzKoldiat@yandex.ru).

Azat K. IDIATULLOV

**CHRISTIAN AND MUSLIM INTERACTION
AS THE SUBJECT OF THE LATEST RUSSIAN RESEARCH**

Key words: *Christians, Muslims, interaction, tolerance, dialogue, religious syncretism, research.*

The article presents the results of analyzing publications devoted to the interaction of Islam and Christianity, published in the last 10 years. The study of the most important publications that addressed the above-mentioned problem showed a variety of approaches, methodological positions and assessments concerning the essence of interaction between religious denominations. The first approach involves the study of interconfessional interaction from the position of tolerance and intolerance. The second approach examines Christian-Muslim interaction using the example of specific ethnic groups, as well as local polyconfessional settlements and settlement groups. The third approach is to examine the interaction between Christianity and Islam in the context of religious syncretism problem.

References

1. Buttaeva A. *Islam v polikonfessional'nom prostranstve sovremennogo Dagestana* [Islam in the multi-confessional space of modern Dagestan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2012, issue 1, vol. 1, pp. 79–92.
2. Galieva F.G. *Obshchee i lokal'noe v sovremennoi semeino-obryadovoi kul'ture bashkir i russkikh Bashkortostana* [General and local in the modern family-ritual culture of the Bashkirs and Russians of Bashkortostan]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, 2013, no. 1, p. 35.
3. Danilko E.S. *Tatary v etnicheski smeshannykh poseleniyakh Uralo-Povolzh'ya: osobennosti mezhkul'turnykh vzaimodeistvii* [Tatars in ethnically mixed settlements of the Ural-Volga region: features of intercultural interactions]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 6. pp. 54–65.
4. Idiatullov A.K. *Religioznyi sinkretizm tatar-misharei Ul'yanovskoi oblasti: dis. ... kand. ist. nauk* [Religious syncretism of the Tatars-Mishars of the Ulyanovsk region. Cand. Diss.]. Cheboksary, 2010, 252 p.
5. Idiatullov A.K. *Transformatsiya traditsionnoi dukhovnoi kul'tury v polietnichnom regione (na primere russkikh i tatar Ul'yanovskoi oblasti)* [Transformation of traditional spiritual culture in a multi-ethnic region (on the example of Russians and Tatars of the Ulyanovsk region)]. Ulyanovsk, 2014, 75 p.
6. Idiatullov A.K. *Religioznost' russkogo naseleniya g. Ul'yanovska v nachale XXI v.* [Religiosity of the Russian population in Ulyanovsk at the beginning of the XXI century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 1–4(61), pp. 135–138.
7. Lunkin R.N., Filatov S.B. *Mezhkonfessional'nye razlichiya v Evrope i novye ideologicheskie protivostoyaniya* [Interfaith differences in Europe and new ideological confrontations]. *Sovremennaya Evropa*, 2018, no. 3, pp. 102–114.
8. Mishuchkov A.A. *Traditsionnye tsennosti v globaliziruyushchemsya mire* [Traditional values in a globalizing world]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3(178), pp. 65–71.
9. Sadikov R.R. *Protsessy mezhkonfessional'nogo vzaimodeistviya v etnicheski smeshannykh seleniyakh Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya* [The processes of interfaith interaction in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region: history and modern development trends]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 6, pp. 9–22.
10. Subbotina A.M. *Islam i etnokul'turnye vzaimodeistviya na territorii Povolzh'ya i Priural'ya v XIX – nachale XX veka v sovremennoi istoricheskoi literature* [Islam and ethnocultural interactions in the Volga and Ural regions in the 19th – early 20th centuries in modern historical literature]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2016, no. 6, pp. 163–172.

11. Taimasov L.A., Iskhakov R.R. *Missionersko-prosvetitel'skaya sistema N.I. Il'minskogo i narody Volgo-Ural'ya* [The missionary-educational system of N.I. Il'minsky and the peoples of the Volga-Ural region]. *Nauchnyi Tatarstan*, 2012, no. 3, pp. 75–86.

12. Tarasova T.T. *Religioznost' studencheskoi molodezhi krupnogo polikonfessional'nogo goroda* [Religiosity of students of a large multi-religious city]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra*, 2014, vol. 10, no. 4, pp. 80–84.

13. Tarasova T.T. *Pravoslavnaya i musul'manskaya molodezh' v etnokul'turnom prostranstve krupnogo yuzhnogo goroda* [Orthodox and Muslim youth in the ethnocultural space of a large southern city]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki*, 2018, no. 5(42), pp. 114–117.

14. Khalil' M.A. *Religioznaya situatsiya v Rossii. Sotsiologicheskii analiz khristiansko-musul'manskogo vzaimodeistviya* [Religious situation in Russia. Sociological analysis of Christian-Muslim interaction]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya*, 2009, no. 2, pp. 94–108.

15. Khokhlov A. Kh. *Iz istorii dialoga Russkoi Pravoslavnoi tserkvi s shiitskim dukhovenstvom Irana: vektory sotrudnichestva i spetsifika vzaimodeistviya* [From the history of the dialogue between the Russian Orthodox Church and the Shiite clergy of Iran: vectors of cooperation and the specifics of interaction]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*, 2018, no. 71 pp. 37–49.

16. Shuralev A. *Religioznye obshchiny i mezhreligioznye otnosheniya v sovremennoi Zapadnoi Evrope* [Religious communities and interreligious relations in modern Western Europe]. Moscow, *Kniga po trebovaniyu Publ.*, 2017, 272 p.

17. Yagafova E.A. *Religioznye praktiki etnokonfessional'nykh grupp chuvashei* [Religious practices of ethno-confessional groups of the Chuvash]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 5, pp. 3–18.

AZAT K. IDIATULLOV – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State Pedagogical University, Russia, Ulyanovsk (AzKoldiat@yandex.ru).

Формат цитирования: *Идиатуллов А.К.* Христианско-мусульманское взаимодействие как предмет новейших российских исследований // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 61–66.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)5

А.Н. КЕЖУТИН

**ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ И ХАРАССМЕНТА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(по материалам современной американской историографии)**

Ключевые слова: харассмент, домашнее насилие, убийство, изнасилование, детоубийство, социальные болезни, историография.

Статья раскрывает особенности освещения в современной американской историографии проблем домашнего насилия и харассмента в российских реалиях дореволюционного периода. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью данной темы в отечественной историографии, а также трудностями правового регулирования гендерных и семейных отношений на современном этапе, попытками реформирования трудового и семейного законодательства в Российской Федерации. Рассматриваются взгляды американских ученых по проблеме за последние два десятилетия. Исследование вопроса связано с анализом зарубежными историками эволюции семейных отношений в России в период XVIII – начала XX в. во взаимосвязи с процессами социально-экономического развития общества. Автором выявлены основные подходы зарубежных ученых к проблемам домашнего насилия и харассмента, выраженного в форме супружеского насилия, убийства, изнасилования, а также притеснения по половому признаку на рабочем месте. Вводятся в научный оборот историографические данные о проблемных подходах в зарубежной историографии к анализу феномена «харассмент» (sexual harassment) в контексте исторического опыта.

Домашнее насилие и харассмент являются одними из важнейших социальных проблем в современном мире, особенно остро стоящих перед обществами в переходные моменты развития, наряду с нестабильностью, преступностью, социальными болезнями [1. С. 217–227]. В Российской Федерации, в отличие от ряда западных стран, этим вопросам уделено незаслуженно мало внимания, однако данные проблемы все же периодически актуализируются через средства массовой информации, выступления в медийном пространстве политиков либерального направления и представителей правозащитных организаций. Непрерывающаяся широкая общественная дискуссия по поводу систематически вносимых с 2016 г. в Государственную Думу России проектов законодательного регулирования семейной сферы, направленных на декриминализацию ряда проявлений домашнего насилия (отчасти уже легализованных), показывает необходимость обращения к историческому опыту.

Во многом этиология данной проблемы имеет западноевропейские истоки, являясь одним из современных вариантов реализации концепции естественных прав человека. Ее историко-философская разработка была начата на Западе еще в первой половине прошлого века в рамках гендерных исследований [6. Р. 1–2]. В этот период исторические реалии повседневности Российской империи, как одной из величайших стран с достаточно крепкими патриархальными традициями, впервые попали в поле зрения зарубежных исследователей. Однако настоящий всплеск интереса к социальной истории

России дореволюционного периода приходится на последние двадцать лет, что связано с ослаблением влияния политического фактора на историческую науку, с одной стороны, и с поиском историками новых ниш исследования, ранее не попадавших в их поле зрения – с другой. Данную тему можно рассматривать в более широком контексте исследования общественных институтов гражданского общества [3].

На современном этапе развития англоязычной историографии проблема исторического развития института семьи и внутрисемейных отношений является одной из наиболее востребованных, что отчасти обусловлено кризисом традиционных семейных отношений в современном мире. История Российской империи в данном случае дает богатый материал для анализа трансформации одного из ведущих социальных институтов (семьи) в процессе перехода от традиционного общества к модерному.

Анализ комплекса исторических работ, посвященных проблеме трансформации российской дореволюционной семьи, позволяет выделить магистральные направления научного поиска: женская история, детская история, история обрядовых брачных практик, история государственной политики регулирования семейных отношений и др. Одним из малоисследованных аспектов в данном ракурсе является история семейного насилия, которое выступает неотъемлемым компонентом во многих работах данной проблематики, хотя и не выделяется в качестве самостоятельной проблемы.

Феномен семейного насилия в дореволюционной России зарубежными историками трактуется в достаточно широком диапазоне – от психологического притеснения по половому признаку (sexual harassment) [6. Р. 96, 174] до супружеского насилия, связанного в крайних своих проявлениях с убийством (spousal abuse and homicide) [5. Р. 28]. Примечательно, что вне поля зрения историков при рассмотрении семейного насилия остается собственно изнасилование, которое отождествляется чаще всего с половыми связями вне брака, часто в экстремальных условиях, например, в периоды военного времени [6. Р. 212, 221–222]. С одной стороны, данный подход объективно обусловлен почти полным отсутствием достоверных источников. Но, с другой стороны, таким образом происходит негласное закрепление в истории конкретных периодов «права» мужчин на такие деяния, их легитимация.

Одной из наиболее характерных черт зарубежной историографии является ориентация исследователей на поиск причин роста домашнего насилия в новой истории России. Большинство авторов сходится во мнении о ведущей роли социально-экономических факторов в процессе трансформации российской семьи в период XVIII – начала XX в., но по-разному оценивается их влияние на рост семейного насилия.

С одной стороны, ясно просматривается фактор абсолютизации государственного влияния, в первую очередь в плане контроля над рождаемостью. Наиболее яркое воплощение данная позиция нашла в работе профессора истории и директора Института России и Восточной Европы Индианского университета Дэвида Рансела, указавшего, что в эпоху европеизации и модернизации российское государство, будучи лично заинтересовано в рождаемости в браке, жестоко наказывало женщин, которые использовали детоубийство как средство контроля над рождаемостью: женщины подвергались длительной и мучительной казни [8. Р. 20]. Как справедливо указывает известный специалист по истории женского движения в России нью-йоркский

профессор истории Барбара Энжел, крепостное право усиливало патриархальную модель семьи – основной экономической единицы крестьянского общества. Действительно, вместо того, чтобы самим вмешиваться в крестьянскую жизнь, большинство состоятельных помещиков и их приставов полагалось на контроль, осуществляемый главой хозяйства, известным как «большак» или «большой». В некотором смысле он стал их агентом, хотя и стремился защитить домохозяев от пристава и своего помещика. Распределяя обязанности между способными и наказывая провинившихся, он заставлял членов семьи вести себя правильно и упорно трудиться, обеспечивая тем самым продуктивность сельского хозяйства и стабильность общины. С этой целью «большак» был наделен почти абсолютной властью над всеми остальными членами своей семьи, что создавало благоприятную почву для домашнего насилия [6. Р. 53].

Одним из последствий такого положения в экономической сфере стало еще большее усиление некоторыми помещиками своей власти, выразившееся в создании ими целых крестьянских гаремов. В частности, помещик А.П. Кошкарев разделил свой дом на мужскую и женскую половины и содержал гарем из двенадцати-пятнадцати крепостных женщин. Молодые женщины были одеты в европейскую одежду, получили приданое, зарплату и образование. Помимо сексуальных услуг положение этих женщин обязывало их читать книги своему хозяину и играть с ним в карты. Хотя их статус предписывал им подвергаться пощечинам и порке за предполагаемые проступки, большинство из них, по-видимому, предпочитали это тяжелому труду, который был обычным уделом крестьянки [6. Р. 58].

С другой стороны, как отмечает Б. Энжел, реакцией на такое положение дел со стороны крестьян, чье чувство чести основывалось, отчасти, на их способности поддерживать целомудрие своих жен и дочерей, стало обращение в судебные инстанции. Так, в 1828 г. крестьяне, принадлежавшие помещику Иосифу Чесновскому, единогласно осудили его за «совершение насильственного блуда со своими женами и за развращение девственности своих малолетних дочерей» по делу, возбужденному местным священнослужителем перед Синодом, который постановил лишить Чесновского управления своими крестьянами [6. Р. 58].

Впрочем, в современной американской историографии образ такого российского помещика в силу европейской традиции XIX в. часто огульно проецируется на самых высоких лиц Российской империи. Так, для характеристики Николая I американский профессор истории Нью-Йоркского университета Авраам Ашер приводит выдержку из британской прессы 1840-х гг. о российском императоре: «The master of noble slaves, the ravisher of women, the destroyer of domestic happiness, the assassin of children ... [and] a monster in human form» [2. Р. 107]¹.

Вторую тенденцию роста семейного насилия обозначил профессор истории Иллинойского университета в Чикаго Джонатан Дейли, опиравшийся на исследования Марианны Муравьевой. Он отметил, что в России не только фактически (на основе патриархальных традиций), но и законодательно со времен судебной реформы Екатерины II было закреплено правовое неравен-

¹ «Господин благородных рабов, растлитель женщин, разрушитель домашнего счастья, убийца детей... и чудовище в человеческом обличье» (перевод авт. статьи. – А.К.).

ство в уголовном праве в отношении преступлений, жертвами которых становились члены семьи [5. Р. 28]. Как известно из данных уголовной статистики XVIII в., среди случаев, связанных с насилием в семье, супружеские убийства были более частыми, чем другие внутрисемейные убийства. Мужчины убивали своих жен гораздо чаще, чем наоборот. Однако женщины, убившие своих мужей, как правило, в целях самообороны, наказывались более сурово, чем мужчины, убившие своих супругов, как правило, не в целях самообороны [7. Р. 312–314]. Автор приходит к выводу, что высокий уровень бытового насилия в России отражал «приватизацию» насилия в частной сфере по мере того, как государство становилось все более способным пресекать его в общественных пространствах. Историческое развитие России в данном отношении происходило аналогично таковому в Европе [5. Р. 28].

Третьей особенностью восприятия семейного насилия в дореволюционной российской семье в рамках американской русистики стало признание эволюции данного феномена вместе с эволюцией производственных отношений. Как справедливо обобщила Б. Энжел, миграция значительной части сельского населения, в том числе женского, в города в поисках работы привела к тому, что женщины-мигранты сталкивались с мужским женоненавистничеством, в чем-то напоминающим стереотип деревенского образа жизни, но, возможно, даже еще более интенсивным из-за относительной свободы женщин от патриархального контроля. Чувствуя объективную конкуренцию со стороны женщин, мужчины пытались компенсировать свою ограниченность в капиталистических условиях свободного рынка созданием «маскулинизированной культуры» на работе, элементами которой становились нецензурная лексика, непристойные анекдоты, уничижительное отношение к работницам женского пола, а также психологические и физические притеснения по половому признаку, направленные на недопущение женщин в мужскую производственную среду [6. Р. 96].

По мнению американских историков, окончательный поворот в сторону законодательного пресечения семейного насилия справедливо связывается с событиями 1917 г., приведшими к коренному перелому в политике «женского вопроса». В качестве одного из примеров приводятся новые советские суды начала 1920-х гг., особенно благосклонно относившиеся к женщинам и выносившие, как правило, решения в их пользу в судебных процессах против других членов семьи [5. Р. 93]. Еще одним подтверждением данного «поворота» в сторону женщин является уголовная статистика следующего десятилетия. Так, профессор истории Акронского университета Барбара Клементс подсчитала, что в 1930-е гг. женщины составляли 11% тех, кто официально преследовался по закону, а в 1940 г. – только 8 % тюремного населения [4. Р. 280].

Таким образом, в современной американской историографии получили распространение взгляды на семейное насилие в дореволюционной России как на закономерное историческое явление, вызванное, с одной стороны, особенностями патриархального порядка, а с другой – особенностями правового регулирования, направленного на сохранение существовавших экономического уклада, политической системы и комплекса нравственных ценностей. Американскими историками отмечается, что по мере перехода российского общества от традиционализма к современности прежние установки в семейном вопросе сменялись новыми взглядами, вместе с которыми изменялся и характер семейного насилия и харассмента – из патриархального средства

поддержания «порядка» они превращались в элементы охранительной системы противодействия проникновению женщин в мир «мужских профессий», в мужскую среду.

Литература

1. *Кежутин А.Н.* Социальные болезни и пути их преодоления аналитическая деятельность профессиональных сообществ // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели: кол. монография / Е.В. Агарин, Э.В. Баркова, А.В. Богомолов и др.; под общ. ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. М.: Аквилон, 2019. С. 217–227.

2. *Ascher A.* Russia: a short history. Oxford, Oneworld, 2017, 320 p.

3. *Bradley J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 2009, 384 p.

4. *Clements B.E.* Bolshevik Women. New York, Cambridge University Press, 1997, 338 p.

5. *Daly J.W.* Crime and Punishment in Russia. A Comparative History from Peter the Great to Vladimir Putin. Oxford, Bloomsbury Academic, 2018, 236 p.

6. *Engel B.A.* Women in Russia, 1700–2000. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 275 p.

7. *Muravyeva M.* Till Death Us Do Part!: Spousal Homicide in Early Modern Russia. *The History of the Family*, 2013, vol. 18, no. 3, pp. 306–330.

8. *Ransel D.* Village Mothers : Three Generations of Change in Russia and Tataria. Bloomington, Ind., Indiana University Press, 2000, 314 p.

КЕЖУТИН АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Россия, Нижний Новгород (kezhutin@rambler.ru).

Andrei N. KEZHUTIN

THE PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE AND HARASSMENT IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

(Based on Modern American Historiography)

Key words: *harassment, domestic violence, murder, rape, infanticide, social diseases, historiography.*

The article reveals peculiarities of covering the problems of domestic violence and harassment in the Russian realities of the pre-revolutionary period. The relevance of the research is due to immaturity of this topic in Russian historiography, as well as the difficulties of legal regulation of gender and family relations at the present stage, attempts to reform labor and family legislation in the Russian Federation. The article examines the views of American scientists on the problem over the past two decades. The research is related to the analysis performed by foreign historians of family relations evolution in Russia during the 18th – early 20th century which are interrelated to the processes of socio-economic development of the society. The author identifies the main approaches of foreign scientists to the problems of domestic violence and harassment, expressed in the form of spousal violence, murder, rape, as well as gender-based harassment in the workplace. Historiographical data on problematic approaches in foreign historiography to the analysis of the phenomenon of "sexual harassment" in the context of historical experience are introduced into scientific circulation.

References

1. Kezhutin A.N. *Social'nye bolezni i puti ih preodoleniya analiticheskaya deyatel'nost' professional'nyh soobshchestv* [Social diseases and ways to overcome them analytical activity of professional communities]. In: Grekhov A.V., Fatenkov A.N., eds., Agarin E.V., Barkova E.V., Bogomolov A.V. *Sotsial'no-gumanitarnoe poznanie : metodologicheskie i sodержatel'nye paralleli (kollektivnaya monografiya)* [Socio-humanitarian cognition: methodological and substantive parallels]. Moscow, Akvilon Publ., 2019, pp. 217–227.
2. Ascher A. *Russia: a short history*. Oxford, Oneworld, 2017, 320 p.
3. Bradley J. *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 2009, 384 p.
4. Clements B.E. *Bolshevik Women*. New York, Cambridge University Press, 1997, 338 p.
5. Daly J.W. *Crime and Punishment in Russia. A Comparative History from Peter the Great to Vladimir Putin*. Oxford, Bloomsbury Academic, 2018, 236 p.
6. Engel B.A. *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 275 p.
7. Muravyeva M. 'Till Death Us Do Part': Spousal Homicide in Early Modern Russia. *The History of the Family*, 2013, vol. 18, no. 3, pp. 306–330.
8. Ransel D. *Village Mothers : Three Generations of Change in Russia and Tataria*. Bloomington, Ind., Indiana University Press, 2000, 314 p.

ANDREI N. KEZHUTIN – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Russia, Nizhniy Novgorod (kezhutin@rambler.ru).

Формат цитирования: *Кежутин А.Н.* Проблема домашнего насилия и харассмента в дореволюционной России (по материалам современной американской историографии) // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 67–72.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 391.1–2.
ББК 63.5 (2Рос.Чув)

Н.И. ЗАХАРОВА-КУЛЬЕВА

ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ ЧУВАШЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: народная одежда, чувашаи, этнические группы, исследователи, этнография, чувашеведение, трансформация, унификация.

Рассмотрены проблемы накопления, анализа и научного обобщения сведений и материалов о традиционной одежде чувашского народа во второй половине XIX – начале XX в. Изучение чувашской традиционной одежды было обусловлено состоянием историко-этнографической науки в стране и регионе. Результативность научных поисков во многом зависела от квалификации авторов, целей и задач, стоявших перед ними. Установлено, что во второй половине XIX в. центрами этнографических исследований о чувашах остаются научно-образовательные учреждения Казани и Симбирска. Изучение чувашской традиционной одежды во второй половине XIX – начале XX в. стало наиболее результативным. На повышение качества этнографических исследований в этот период оказало влияние развитие науки и образования в стране и регионе. Наибольший вклад в изучение традиционной чувашской одежды внесли ученые, вышедшие из среды народа и выросшие среди чувашей: Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, Н.И. Золотницкий, В.К. Магницкий, Н.И. Ашмарин. Полученный в ходе исследования материал расширит историографию изучения традиционной чувашской одежды и станет основой для решения новых исследовательских задач в области научного чувашеведения.

Во второй половине XIX – начале XX в. изучением этнографии чувашей занимались квалифицированные специалисты, вышедшие из среды народа. В.К. Магницкий, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров заложили фундамент для дальнейшего всестороннего исследования быта и жизни чувашского народа. Они вели большую работу по сбору материалов, привлекая к этому делу студентов и учителей сельских школ. Многотомные рукописи, оставшиеся после них и хранящиеся в разных архивах Чувашии, до сих пор служат неоценимым источником для современных этнографов.

На сегодняшний день подготовлены статьи и сборники, посвященные научной деятельности вышеназванных этнографов. Жизнь и деятельность В.К. Магницкого рассмотрена в трудах Д.В. Абашевой [1, 2] и Г.Б. Матвеева [18], Н.В. Никольского – в книге В.Д. Димитриева [7] и статье Г.Б. Матвеева [19, 20].

Материал, собранный Н.В. Никольским в течение всей его жизни, является настоящим культурным достоянием народа. Систематизируя его наследие, сотрудники отдела этнографии Чувашского государственного института

гуманитарных наук, издали «Собрание сочинений» в 4 томах [27]. Для нас особенно ценны первый и четвертый тома. В первой книге собраны его труды по этнографии, опубликованные ранее. В четвертый том вошли фотографии, отражающие жизнь и быт, обычаи и обряды, одежду народов Урало-Поволжского региона (чувашей, татар, мордвы и марийцев). В исследуемый период Н.В. Никольский был «лидером казанского центра чувашеведения» [20. С. 17].

Учеником Н.В. Никольского был Г.И. Комиссаров. В годы учебы в Казанской духовной академии его пригласили работать в Комиссию по составлению этнографической и археологической карты Казанской губернии. Впоследствии, выезжая в экспедиции, он подготовил «Этнографическую карту Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского уездов Казанской губернии» [12] и собрал значительный материал о чувашах для дальнейших исследований. Благодаря этому опыту на основе отличий в языке и костюме он сумел выделить три этнографические группы. На сегодняшний день его основные труды и не опубликованные ранее документы изданы в виде собрания сочинений [13, 14].

На стыке двух наук – филологии и этнографии – работали русские ученые, выросшие среди чувашей: Н.И. Ашмарин и Н.И. Золотницкий. Анализируя труды Н.И. Золотницкого, Н.И. Егоров сделал вывод, что их следует оценивать «как этнолингвокультурологические исследования». Все эти работы позднее были включены в его «Корневой чувашско-русский словарь» [8. С. 174], считающийся первым историко-этимологическим словарем. В нем содержатся и краткие этнографические сюжеты. В 2007 г. В.Г. Родионов, собрав его публикации и другие документы разного жанра, выпустил «Избранные труды» ученого [10].

Последователем Н.И. Золотницкого стал Н.И. Ашмарин, который также хорошо знал быт чувашского народа. Для современных исследователей некоторые его словарные статьи являются единственными источниками, подтверждающими существование какого-либо предмета. В статье, посвященной автору 17-томного Словаря, П.В. Денисов писал, что «круг вопросов, который в настоящее время входит в ведение этнографии, занимал в научных интересах Н.И. Ашмарина большое и важное место» [6. С. 156]. По мнению современных этнологов, «научные силы – Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров – подняли изучение этнической истории, культуры и быта чувашского народа на новую, более высокую, ступень» [19. С. 16].

Активизации этнографических исследований во второй половине XIX – начале XX в. во многом способствовали учреждение Общества археологии, истории и этнографии (1878) и кафедры географии и этнографии (1884) при Казанском университете.

В 1875 г. в Казани был издан труд Н.И. Золотницкого «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен» [9]. В нем автор привел 76 слов, связанных с названиями одежды и украшений, а в словарных статьях разместил лексические параллели из других тюркских и отчасти марийского и русского языков, сделав к ним этимологические выводы. В 14 приложении исследования содержится статья «Головной убор и некоторые другие наряды» [9. С. 236–242], в которой рассмотрена история происхождения головных убо-

ров (*хушпу, масмак, сурпан, тухья, зёлёк*), верхней одежды (*тумтир, сӓхман*), рубахи (*кёле* и ее детали *хултӓрмач*) и украшения *тевет*.

Известным исследователем стал В.К. Магницкий, который всю жизнь собирал этнографический материал о чувашах. Он был наиболее ярким представителем казанской историко-этнографической школы, написавшим около 300 работ по вопросам традиционной культуры народов Волго-Уралья. Многие его публикации содержат информацию о народной одежде. Являясь уроженцем с. Шуматово Ядринского уезда, он уделил большое внимание костюму верховых чувашей. В этнографическом очерке «Село Шуматово и его приход» В.К. Магницкий описал покрой мужских и женских кафтанов *чапан, тӓр котлӓ чапан* и украшений разного рода *сакӓ* [15]. В статье «Из поездки в с. Шуматово» этнограф перечислил некоторые детали чувашского народного костюма, которые он передал музею Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, а именно: две *сара, пыси топры* (гребешок с кисточкой), «*хӓрэ*» (хвост–кисть), *той пос торы* (медный головной гребешок), «*хорт посси*» (ужовка, змеиная головка), две детские куклы – *поганя*. В конце статьи также привел список слов, не вошедших в словарь Н.И. Золотницкого, среди которых имеются названия деталей чувашской одежды [16. С. 178–179].

Значительный вклад в изучение этнографии народов Среднего Поволжья внес профессор Казанского университета И.Н. Смирнов. В его работах содержится материал о национальной одежде. Так, в историко-этнографическом очерке «Черемисы» [30], сравнивая детали марийской народной одежды, он пришел к выводу, что «чувашки все носят *шарпан*, а из черемисок только те, которые жили или живут в уздах, соседних с чувашами». Слова *шарпан* и *нашмак*, по его мнению, марийцы заимствовали из чувашского языка [30. С. 95]. Присутствие в марийском костюме украшений, собранных из монет, ученый также считает заимствованным элементом из чувашской культуры. В пользу такого предположения говорит то обстоятельство, что «чувашские женщины носят все те украшения, которые мы описали у черемисок, но все еще более пышном виде. Смирнов полагает, что чувашки «являются выразительницами вкусов вообще всех тюркских женщин, отличающихся страстью к металлическим, монетным украшениям, тогда как черемиски Казанской губернии по своим вкусам резко выделяются из среды других восточно-финских женщин, которые в очень скромных размерах пользуются монетами» [30. С. 96].

В 1903 г. И.Н. Смирнову было поручено подготовить статью о чувашах для многотомного энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, который вышел в Санкт-Петербурге [31. С. 936]. В статье представлена общая характеристика чувашского народа, значительное внимание уделено традиционной одежде и вышивке. Ученый заметил, что вышивки вместе с формами костюма являются вторым, после языка, отличием низовых чувашей от верховых. Главным показателем принадлежности к той или другой группе являлась женская рубашка (*кибе*). У чувашек верховой группы она украшена узкими вышивками по разрезу на груди и по плечам, а у низовых – двумя изящно вышитыми шелком фигурами по обе стороны разреза и звездой или разделенными узенькой лентой вышитыми полосами во всю длину рукава от плеча до кисти. Другое отличие И.Н. Смирнов видел в особенностях головных уборов и поясных украшений. Он отмечал, что низовые чувашки

кроме *сорбана* носят другую повязку, называемую, как и у мусульман, чалмой. «Белая чалма, белый с расшитыми кумачными концами *сорбан*, далеко ниспадающий с головы, придают низовой чувашке, сравнительно с верховой, картинный и экзотический, восточный – не то арабский, не то еврейский – вид», – писал ученый [31. С. 936]. И.Н. Смирнов занимался коллекционированием деталей одежды, украшений и вышивки народов Среднего Поволжья. Большое количество этнографических материалов, среди которых только грудных вышивок около 500, он сдал в музей Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете и в музей императора Александра III (ныне Российский этнографический музей). И.Н. Смирнов отмечал, что «главная роль в передаче азиатских, иранских мотивов на запад принадлежала чувашам, преимущественно низовым; у них эти мотивы встречаются в наибольшем разнообразии; распространяясь далее на запад и на север, они убывают; ни у мордвы, ни у черемис растительный и животный орнаменты не имеют, например, такого широкого употребления, как у чувашей» [31 С. 936]. Он рассматривал одежду двух этнографических групп: верховых и низовых. Последующие исследования показали, что некоторые детали костюма и вышивки, описываемые И.Н. Смирновым как «низовые», относятся к средненизовой этнографической группе.

В 1878 г. в Казани вышла книга Н.Н. Вечеслава «Описание костюмов русских и инородческих крестьян Казанской губернии» [5. С. 5–17], в которой автор дал краткие описания десяти предметов, относящихся к мужскому костюму и 24 – к женскому наряду. Рядом с деталями мужских наименований в скобках указаны варианты чувашских названий, что весьма ценно для этнографии, чтобы определить ареал распространения этнических групп чувашей. Ценность этих сведений заключается также в том, что в них указана стоимость описываемых предметов. В его труде впервые зафиксирован наголовник замужних женщин Цивильского и Ядринского уездов *поç сыххи*. Исследователь писал, что этот убор, состоявший из ремня в палец шириной и поларшина длиной, с нашитыми на него серебряными монетами и украшенный по краям бисером, крепился сзади около ворота рубахи двумя медными иглами. По мнению Н.Н. Вечеслава, «ни в одном из остальных уездов, с чувашским населением, сведений об этом уборе не встречается» [5. С. 15].

Во второй половине XIX в. сведения о чувашах получили отражение в работах, посвященных исследованию многонационального населения Российской империи. Например, российский военный деятель и этнограф А.Ф. Риттих в труде «Чуваши. Казанская губерния. Материалы для этнографии России» [28] посвятил чувашам особый раздел, отмечая лучшие их черты в хозяйственном, бытовом, духовном отношениях. В этом труде содержится характеристика их традиционной одежды. В частности, описаны головные уборы с приложением двух фотографий – крещеной и некрещеной чувашек. Риттих заметил, что крещеная чувашка надевает «на шею разноцветные бусы, на конце которых висит старинный медный крест» [28. С. 51], а у некрещеной «сверху и вокруг шеи надето ожерелье из бус, а на концах их, вместо креста висит большая монета, целковый или 1 1/2 рубля» [28. С. 52].

А.Ф. Риттих одним из первых обратил внимание на одевание новорожденных детей и записал, что «по истечении 4–5 месяцев, перестают пеленать, одевая ребенка в рубашонку с красным воротником» [28. С. 119]. В то время ворот рубахи просто обшивали по кругу красной плетеной на пальцах тесь-

мой. Особое чувство восхищения вызывали у автора украшения чувашских женщин, которые «отличаются не только своим числом, но и богатством и если бы чувашам была известна ценность драгоценных камней, если бы они в своей глуши имели понятие о других украшениях, то вероятно бы все это неминуемо появилось на руках, шеях, в ушах и на голове их жен» [28. С. 69–70]. Отрывочные сведения о других деталях одежды встречаются при описании разных обрядовых действий (свадьба, похороны, моления и т.д.).

Фрагментарные сведения об одежде чувашей содержатся в трехтомном издании «Волга» писателя и нефтепромышленника В.И. Рогозина [29]. При описании чувашей он охарактеризовал женские и девичьи головные уборы. Сравнивая их с черемисскими (марийскими) и татарскими, он писал: «Вот этот головной убор (имеется в виду *хушпу*) действительно отличается от головного убора черемисок, хотя опять-таки у последних также есть *нашмак* и *шарпан*; их не признают за национально-черемисские, а видят в них заимствование у чувашей. Но если бы мы затем обратились к сравнению чувашского головного убора с татарским, то нашли бы еще меньшее сходство» [29. С. 116–117].

В 1879 г. началась реализация масштабного проекта «Живописная Россия» при участии многих ведущих ученых страны, который осуществился в многотомном издании. С 1881 по 1901 г. было опубликовано 19 книг, посвященных разным регионам Российской империи. В 1899 г. вышел восьмой том под названием «Среднее Поволжье и Приуральский край», в котором содержится раздел, посвященный быту и верованиям чувашей, написанный действительным членом Русского географического общества В.Н. Майновым [17]. Автор сопровождает текст четырьмя рисунками, отражающими этнотерриториальные особенности традиционной одежды. На первой из них, озаглавленной «Чувашские женщины у колодца», изображены девушка в головном уборе *тухья* и молодая женщина в *хушпу* и *сурбане*, характерных для средненизовых чувашей. На другом рисунке под названием «Чуваши в окрестностях Цивильска» показана группа людей, представляющих по комплекту костюмов жителей разных местностей. Два других рисунка с одинаковыми названиями «Чувашки» изображают женские образы [17. С. 109, 111, 113, 115]. В 1880 г. в Санкт-Петербурге вышло многотомное издание «Народы России: Этнографические очерки», во втором томе которого имеется информация о чувашах с краткими сведениями об их одежде с изображением мужчины и женщины в национальных костюмах [32].

Во второй половине XIX в. в связи с созданием И.Я. Яковлевым новой чувашской письменности начинается планомерное изучение словесности. На рубеже XIX–XX вв. активную исследовательскую деятельность осуществляет Н.И. Ашмарин. В 1899 г. он издал «Программу для собирания сведений о чувашах» [4]. Под пунктом III приводятся очень интересные вопросы по традиционному народному костюму. Среди присылаемых материалов встречались подробные описания деталей одежды и украшений различных этнографических групп. Их значительная часть ныне хранится в рукописном фонде Н.И. Ашмарина в Чувашском государственном институте гуманитарных наук (ЧГИГН). Н.И. Ашмарин собрал уникальный лингвистический материал по материальной и духовной культуре чувашей. 17-томный «Словарь чувашских слов» является изданием, содержащим наиболее полную информацию о традиционной чувашской одежде [3]. В первый том включена статья уроженца с. Орауши Ядринского уезда Казанской губернии корреспондента П.И. Орлова,

который на основе выявления различий в языке и костюме пытался разделить чувашей Ядринского, Чебоксарского и Цивильского уездов на верховых («*вирйал*»), низовых («*анатри*») и степных («*хирти*») [3. Т. I. С. 217–226].

Информация о деталях чувашской народной одежды и украшений разбросана по всем томам словаря. В нем зафиксированы уникальные историзмы и архаизмы. Многие названия, касающиеся нашей темы, сегодня непонятны современным носителям чувашского языка, так как сами артефакты исчезли из быта людей. Например: *ам пушси*, *алпумақлат*, *кутран хăвалаканни*, *кĕле хыййи*, *кунчĕк*, *олта*, *кайчмак*, *кашкар саварĕ*, *шустанка*, *хăнтăр* и т.д. Подобный список терминов можно продолжить и далее. Ученый не ко всем словам сумел дать толкование и перевод. Этнографические термины, связанные с конкретными вещами, требуют специального исследования. В трудах Н.И. Ашмарина сохранились описания многих узколокальных этнографических и диалектных форм одежды и украшений, что само по себе имеет научную и культурную ценность. Материалы его словаря широко используются в лексикографических изданиях, этнографической, культурологической, искусствоведческой литературе.

Огромный вклад в изучение чувашской национальной одежды внесли ученые-чуваша Н.В. Никольский и Г.И. Комиссаров. Н.В. Никольский разработал «Программу для собирания сведений о чувашах» [21; 26. С. 14], в которой третий пункт содержал вопросы о традиционной одежде. Через респондентов, грамотных чувашей, преимущественно учителей, он собрал огромный этнографический материал, хранящийся в настоящее время в Научном архиве ЧГИГН. Он создал уникальный этнографический фонд на самые разные темы, в том числе и об одежде этнотерриториальных групп чувашей. Многие материалы исследователь не успел при жизни обработать и ввести в научный оборот. Только небольшая часть собранного ученым материала использовалась в его трудах. В 1909 г. Н.В. Никольский издал «Русско-чувашский словарь» [22], а через 10 лет – «Краткий чувашско-русский словарь» [23], в которых содержится около 150 названий одежды и украшений на чувашском и русском языках. Например, в учебное пособие «Краткий конспект по этнографии чуваш» включен раздел «Одежда и обувь», в котором имеется описание костюма чувашей Цивильского, Тетюшского и Ядринского уездов начала XX в. [24. С. 61–63]. Этнограф отмечает процесс унификации в одежде чувашей: «среди молодежи распространяется обыкновение одеваться на русский лад. Ей приходится покупать картуз, молескин, чулки, сапоги и проч.» [24. С. 62]. Также ученый пишет, что «чуваша, живущие совместно с татарами, носят нередко одежду татарскую; необходимой принадлежностью крестьянина является тюбейка; пояс выходит из употребления» [24. С. 63].

Другое издание, «Краткий курс этнографии чуваш», увидел свет в период утверждения советской общественно-политической системы. В этой книге этнограф шире раскрыл темы, в том числе и раздел, озаглавленный «Одежда чувашей» [25]. Этнограф старался описывать все виды одежды, прослеживал влияние городской русской культуры. К некоторым названиям деталей костюма он указал, из какого языка он заимствован или какому – имеет соответствие. Ко всем описываемым предметам автор написал чувашские названия, что весьма важно, так как бывает так, что одни и те же вещи в разных местах именуется по-разному. Иной раз наоборот: в отдаленных друг от друга местностях разные детали костюма обозначают одним словом. В данном труде как раз приведены два разных предмета, которые в исследуемых

селениях зафиксированы как *сулак*. В Курмышском уезде это небольшое поселение, которое «невеста у верховых чуваш обыкновенно дарит жениху» [25. С. 185]. В с. Ново-Тепловка Бузулукского уезда вариативным словом *сулак* называется «головное покрывало невесты» [25. С. 185]. В «Кратком курсе...» Н.В. Никольского сохранились описания многих исчезнувших к началу XX в. деталей национальной одежды [25. С. 168]. Этнографические работы Никольского сопровождаются графическими рисунками, служащими также ценным источником для изучения традиционной культуры народа.

Следующим чувашским ученым, изучавшим чувашскую традиционную одежду в начале XX в. был Г.И. Комиссаров. В 1911 г. в Известиях Общества археологии, истории и этнографии была опубликована статья «Чуваши Казанского Заволжья» [11], где на основе изучения костюмных комплексов и лингвистических материалов автор приходит к выводу, что чувашаи делятся не на две, а на три этнографические группы: «Если мы обратим внимание на ту полосу Чувашландии, где чувашаи-вирьялы должны соприкоснуться с чувашами-анатри, то мы увидим, что соприкосновение это породило третью, среднюю группу чуваш, не совпадающую по костюму и по диалекту с двумя признанными группами их» [11. С. 332]. Он охарактеризовал одежду верховых и средненизовых чувашей. По его мнению, костюм чувашской женщины «чрезвычайно сложен и состоит дорогого ввиду большого количества вышивок, монет, употребляющихся в нем. У богатых женщин одного серебра бывает на 150–200 рублей. Весь костюм, таким образом, стоит иногда 250–300 рублей. Это тем более замечательно, что костюм этот принадлежит крестьянкам. (...) Большое количество серебра, употребляемого для украшений, довольно резко отличает чуваш от других народностей. Недаром они сами считают эту черту характерною для себя особенностью» [11. С. 337].

Костюм низовых чувашей Г.И. Комиссаров описал менее подробно. Тем не менее он заметил разницу у *анатри* «живущих южнее, в сравнении с одеждой чувашей той же группы, живущих севернее». Разнообразие и изменение каких-то деталей народного костюма и способов ношения Гурий Иванович объясняет тем, что «молодая женщина, попавшая из семьи, относящейся к одной группы, в семью, члены которого относятся к представителям другой группы, не может оставаться совершенно безразличной по отношению к костюмам окружающих и подчиняется обычно их влиянию» [11. С. 346]. В указанной работе Г.И. Комиссарова затронуты почти все основные детали костюма. В конце даны приложения, одно из которых озаглавлено «Названия чувашского костюма» [11. С. 423–428]. В нем автор приводит подробный чувашско-русский словарь предметов и деталей летней, зимней, праздничной одежды по всем трем этнографическим группам.

Таким образом, изучение чувашской традиционной одежды во второй половине XIX – начале XX стало наиболее результативным. Буржуазная модернизация российского общества, рост образования, формирование национальной интеллигенции, социальные и этнокультурные трансформации и т.д. способствовали развитию научного народоведения. В исследуемый период происходило не только накопление материала о традиционной чувашской одежде, но и появились глубокие аналитические работы. Наиболее репрезентативный материал содержится в работах тех ученых, которые вышли из народной среды или тесно соприкасались с объектом своих научных исследований. В этот период фундаментальные этнографические исследования о чувашах выполнили Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, Н.И. Золотницкий, В.К. Магницкий,

Н.И. Ашмарин, Н.И. Смирнов, Н.Н. Вечеслав, В.Н. Майнов, В.И. Рогозин, А.Ф. Риттих и др. Их творческое наследие является надежной базой для дальнейшего исследования традиционной чувашской одежды.

Литература

1. *Абашева Д.В.* Василий Константинович Магницкий как фольклорист и этнограф: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1975.
2. *Абашева Д.В., Иванов В.П.* Жизнь и деятельность В.К. Магницкого // В.К. Магницкий – исследователь быта и культуры чувашей: сб. ст. Чебоксары, 1989. С. 5-28.
3. Ашмарин Н.И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки [Словарь чувашского языка]: в 17 т. Казань; Чебоксары, 1910–1950.
4. *Ашмарин Н.И.* Программа для составления чувашского словаря. Казань, 1899. 8 с.
5. *Вечеслав Н.Н.* Костюм чуваш // Описание костюмов русских и инородческих у крестьян Казанской губернии. Казань: Губернская тип., 1878. С. 5–17.
6. *Денисов П.В.* Проблемы устного народного творчества и этнографии чувашского народа в произведениях Н.И. Ашмарина // Ученые записки НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1954. Вып. 10. С. 147–182.
7. *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 104 с.
8. *Егоров Н.И.* Просветитель народов Поволжья // Ученые. Очерки. Иллюстрированное издание. Т. 4. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 164–174.
9. *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875. 279 с.
10. *Золотницкий Н.И.* Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В. Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 527 с.
11. *Комиссаров Г.И.* Чувашаи Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Т. XXVII. Вып. 5. Казань, 1911. С. 311–432.
12. *Комиссаров Г.И.* К этнографической карте Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского уездов (Объяснительная записка) // ИОАИЭ. Т. XXVIII. Казань, 1913. С. 448–455
13. *Комиссаров Г.И.* О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники. Письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 201 с.
14. *Комиссаров Г.И.* Собрание сочинений. Труды по истории чувашского народа. Чебоксары: Новое время, 2013. Кн. 1. 246 с.
15. *Магницкий В.К.* Село Шуматово и его приход // Казанские губернские ведомости. 1870. № 63, 68.
16. *Магницкий В.К.* Из поездки в с. Шуматово // ИОАИЭ. Т. III. 1880–1882. Казань, 1884. С. 160–179.
17. *Майнов В.Н.* Инородцы Среднего Поволжья. Чувашаи // Живописная Россия. М., 1899. Т. VIII, ч. I. С. 103–118.
18. *Матвеев Г.Б.* Материальная культура чувашей в трудах В.К. Магницкого // В.К. Магницкий – исследователь культуры и быта чувашей: сб. ст. / Научно-исследовательский институт языка, литературы истории и экономики. Чебоксары, 1989. С. 64–74.
19. *Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья // Никольский Н.В. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 8–28
20. *Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский и этнографическая наука // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского / ЧГИГН. Чебоксары, 2002. С. 9–20.
21. *Никольский Н.В.* Программа для собирания сведений о чувашах. Казань, 1904. 10 с.
22. *Никольский Н.В.* Русско-чувашский словарь. Казань, 1909. 640 с.
23. *Никольский Н.В.* Краткий чувашско-русский словарь. Казань, 1919. 338 с.
24. *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919. С. 61–63.
25. *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. Вып. 1. 223 с.

26. *Никольский Н.В.* Программа по изучению одежды // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Т. 344. Инв. № 6357. С. 19–30.

27. *Никольский Н.В.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Чебоксары, 2004. 527 с.; Т. 2. Чебоксары, 2006. 447 с.; Т. 3. Чебоксары, 2008. 736 с.; Т. 4. Чебоксары, 2010. 318 с.

28. *Риттих А.Ф.* Чуваши // Казанская губерния. Материалы для этнографии России. Казань, 1870. Ч. II. С. 41–120.

29. *Рогозин В.И.* Волга: в 3 т. Т. III. От Оки до Камы: о народах по Средней Волге. СПб., 1881. С. 495.

30. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк // ИОАИЭ. Казань, 1889. Т. VII. 212 с.

31. *Смирнов И.Н.* Чуваши // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 38. СПб., 1903. С. 933–938.

32. Чуваши // Народы России. Этнографические записки. СПб., 1880. Ч. II. С. 134–145.

ЗАХАРОВА-КУЛЬЕВА НАТАЛИЯ ИВАНОВНА – соискатель кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nataliya_z@mail.ru).

Nataliya I. ZAKHAROVA-KULEVA

STUDY OF TRADITIONAL CLOTHING OF THE CHUVASH IN THE SECOND HALF OF THE 19th AND EARLY 20th CENTURY

Key words: folk clothing, the Chuvash, ethnic groups, researchers, ethnography, Chuvash studies, transformation, unification.

The article considers the problems of accumulation, analysis and scientific generalization of information and materials about traditional clothing of the Chuvash people in the second half of the 19th – early 20th century. The study of the Chuvash traditional clothing was due to the state of historical and ethnographic science in the country and the region. The effectiveness of scientific search largely depended on the qualifications of the authors, on the goals and tasks facing them. It is established that in the second half of the 19th century the centers of ethnographic research about the Chuvash were scientific and educational institutions of Kazan and Simbirsk. The study of the Chuvash traditional clothing in the second half of 19th – early 20th century became the most effective. The development of science and education in the country and the region influenced the improvement in the quality of ethnographic research during this period. The greatest contribution to the study of traditional Chuvash clothing was made by scientists who came from the thick of the people and grew up among the Chuvash: N.V. Nikolsky, G.I. Komissarov, N.I. Zolotnitsky, V.K. Magnitsky, N.I. Ashmarin. The material obtained during the research expands the historiography for the study of traditional Chuvash clothing and will become the basis for solving new research problems in the field of scientific Chuvash studies.

References

1. Abasheva D.V. *Vasilii Konstantinovich Magnitskii kak fol'klorist i ehtnograf: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [Vasily Konstantinovich Magnitsky as a folklorist and ethnographer. Abstract of Cand. Diss.]. Moscow, 1975, 20 p.

2. Abasheva D.V., Ivanov V.P. *Zhizn' i deyatel'nost' V.K. Magnitskogo* [Life and work of V.K. Magnitsky]. In: *V.K. Magnitskii – issledovatel' byta i kul'tury chuvashei: sb. st.*

[V.K. Magnitsky – researcher of life and culture of the Chuvash: collection of articles]. Cheboksary, 1989, pp. 5–28.

3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: v 17 t.* [Book of Chuvash Words in 17 vols]. Kazan, Cheboksary, 1910–1950.

4. Ashmarin N.I. *Programma dlya sostavleniya chuvashskogo slovarya* [Program for compiling the Chuvash dictionary]. Kazan, 1899, 8 p.

5. Vecheslav N.N. *Kostyum chuvash* [Chuvash costume]. In: *Opisanie kostymov russkikh i inorodcheskikh u krest'yan Kazanskoj gubernii* [Description of the costumes of Russian and non-Russian peasants in Kazan province]. Kazan, 1878, pp. 5–17.

6. Denisov P.V. *Problemy ustnogo narodnogo tvorchestva i etnografii chuvashskogo naroda v proizvedeniyakh N.I. Ashmarina* [Problems of oral folk art and Ethnography of the Chuvash people in the works of N.I. Ashmarin]. In: *Uchenye zapiski NII yaz., lit. i istorii pri Sovete Ministrov Chuvash ASSR* [Proceedings of the Institute of lang., lit. and the history of the Council of Ministers of Chuvash ASSR]. Cheboksary, 1954, iss. 10, pp. 147–182.

7. Dimitriev V.D. *N.V. Nikol'skii – uchenyi, pedagog, obshchestvennyi deyatel'* [N.V. Nikolsky – scientist, teacher, public figure]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2002, 104 p.

8. Egorov N.I. *Prosvetitel' narodov Povolzh'ya* [Educator of the peoples of the Volga region]. *Uchenye. Ocherki. Illyustrirovannoe izdanie* [Scientists. Essays. Illustrated edition]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2006, vol. 4, pp. 164–174.

9. Zolotnitskii N.I. *Kornevoi chuvashsko-russkii slovar', sravnennyyi s yazykami i narechiyami raznykh narodov tyurkskogo, finskogo i drugikh plemen* [Root Chuvash-Russian dictionary, compared with the languages and dialects of different peoples of the Turkic, Finnish and other tribes]. Kazan, 1875, 279 p.

10. Rodionov V.G., comp., Zolotnitskii N.I. *Izbrannye trudy: stat'i, lingvisticheskie issledovaniya, slovari, pis'ma, otchety, raznye dokumenty* [Selected works: articles, linguistic research, dictionaries, letters, reports, various documents]. Cheboksary: Chuvash State University Publ., 2007, 527 p.

11. Komissarov G.I. *Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya* [Chuvash people of the Kazan Zavolzh'ye]. Kazan, 1911, pp. 311–432.

12. Komissarov G.I. *K etnograficheskoi karte Koz'modem'yanskogo, Tsvivil'skogo, Cheboksarskogo, Yadrinskogo uezdov (Ob'yasnitel'naya zapiska)*. [To the ethnographic map of Kozmodemyansky, Tsvivilsky, Cheboksary, Yadrinsky counties (Explanatory note)] *IOAIEh* [IOAE], vol. 28. Kazan, 1913, pp. 448–455

13. Komissarov G.I. *O chuvashakh: Issledovaniya. Vospominaniya. Dnevniki. Pis'ma. Sost. i primech. V.G. Rodionova*. [About the Chuvash: Research. Memories. Diaries. Letters. Comp. and notes by V.G. Rodionov]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2003, 201 p.

14. Komissarov G.I. *Sobranie sochinenii. Trudy po istorii chuvashskogo naroda* [Collected works. Works on the history of the Chuvash people], Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2013, book 1, 246 p.

15. Magnitskii V.K. *Selo Shumatovo i ego prikhod*. [Shumatova the village and its parish]. *Kazanskije gubernskie vedomosti* [Kazanskije Gubernskie Vedomosti], 1870, no. 63, 68.

16. Magnitskii V.K. *Iz poezdki v s. Shumatovo* [From a trip to S. Samatova]. Kazan, 1884. pp. 160–179.

17. Mainov V.N. *Inorodtsy Srednego Povolzh'ya. Chuvashi* [Foreigners of the Middle Volga Region. Chuvash]. *Zhivopisnaya Rossiya* [Picturesque Russia]. Moscow, 1899, vol. 8, part I, pp. 103–118.

18. Matveev G.B. *Material'naya kul'tura chivashei v trudakh V.K. Magnitskogo* [Material culture of the Chuvash in the works of V.K. Magnitsky]. In: *V.K. Magnitskii – issledovatel' kul'tury i byta chivashei: sb. st.* [V.K. Magnitsky – researcher of culture and life of the Chuvash: Collection of Articles.]. Cheboksary, 1989, pp. 64–74.

19. Matveev G.B. *N.V. Nikol'skii – krupnyi issledovatel' istorii i kul'tury narodov Povolzh'ya* [N.V. Nikolsky – a major researcher of the history and culture of the peoples of the Volga region]. In: *Nicol'skii N.V. Sobranie sochinenii* [Nikolsky N.V. Collected works]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2004, vol. 1, pp. 8–28.

20. Matveev G.B. *N.V. Nikol'skii i etnograficheskaya nauka* [N.V. Nikolsky and ethnographic science]. In: *Problemy izucheniya nauchnogo naslediya N.V. Nikol'skogo* [Problems of studying the scientific heritage of N.V. Nikolsky]. Cheboksary, 2002, pp. 9–20.

21. Nikol'skii N.V. *Programma dlya sobiraniya svedenii o chuvashakh* [Program for collecting information about the Chuvash people]. Kazan, 1904, 10 p.

22. Nikol'skii N.V. *Russko-chuvashskii slovar'* [Russian-Chuvash dictionary]. Kazan, 1909, 640 p.

23. Nikol'skii N.V. *Kratkii chuvashsko-russkii slovar'* [Short Chuvash-Russian dictionary]. Kazan, 1919, 338 p.

24. Nikol'skii N.V. *Kratkii konspekt po etnografii Chuvash* [Brief notes on the Ethnography of Chuvash]. Kazan, 1919, pp. 61–63.

25. Nikol'skii N.V. *Kratkii kurs etnografii Chuvash* [A short course in Ethnography of Chuvash]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1928, iss. 1, 223 p.

26. Nikol'skii N.V. *Programma po izuchenyu odezhdy* [The program for the study of clothing]. In: *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otd. I, t. 344, Inv. no 6357, pp. 19–30* [The scientific archive of the Chuvash state Institute of humanitarian Sciences].

27. Nikol'skii N.V. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.], vol. 1. Cheboksary, 2004, 527 p.; vol. 2. Cheboksary, 2006, 447 p.; vol. 3. Cheboksary, 2008, 736 p.; vol. 4. Cheboksary, 2010, 318 p.

28. Rittikh A.F. *Chuvashi* [Chuvash]. *Kazanskaya guberniya. Materialy dlya etnografii Rossii* [Kazan province. Materials for the Ethnography of Russia]. Kazan, 1870, part 2, pp. 41–120.

29. Rogozin V.I. *Volga: v 3 t. T. III. Ot Oki do Kamy: o narodakh po Srednei Volge* [Volga: in 3 vols. Vol. 3. From Oka to Kama: about the peoples of the Middle Volga]. St. Peterburg, 1881, pp. 495.

30. Smirnov I.N. *Cheremisy. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Cheremis. Historical and ethnographic essay]. Kazan, 1889, vol. VII, 212 p.

31. Smirnov I.N. *Chuvashi* [Chuvash]. *Ehntsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Encyclopedia of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. St. Peterburg, 1903, vol. 38, pp. 933–938.

32. *Chuvashi* [Chuvash]. In: *Narody Rossii. Etnograficheskie zapiski* [People of Russia. Ethnographic notes]. St. Peterburg, 1880, part 2, pp. 134–145.

NATALIYA I. ZAKHAROVA-KULEVA – Applicant for the Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nataliya_z@mail.ru).

Формат цитирования: Захарова-Кульева Н.И. Изучение традиционной одежды чувашей во второй половине XIX – начале XX века // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 73–83.

Г.А. КУРШЕВА

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ЕРОФЕЕВА Б.Н., МИНЕЕВОЙ Е.К.
«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ЧУВАШИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ. ЧЕБОКСАРЫ: НОВОЕ
ВРЕМЯ, 2017. 160 С.»**

G.A. KURSHEVA

**REVIEW OF THE MONOGRAPH BY B.N. EROFEEV AND E.K. MINEEVA
«PROFESSIONAL ACTIVITY PERFORMED BY CREATIVE INTELLIGENTSIA
OF CHUVASHIA AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES. CHEBOKSARY:
NOVOE VREMYA PUBL., 2017, 160 P.»**

На современном этапе историки все чаще прибегают к изучению кризисных периодов российского прошлого. Именно к таким этапам следует отнести распад Советского Союза и создание нового Российского государства. Движущей силой реформирования государственного устройства, а также социально-экономической сферы в это время являлись не только политики, ученые, общественные деятели, представители бизнес сообщества, но и художественная интеллигенция.

Деятельность творчески активных людей является не просто проявлением художественного мастерства, она объединяет в себе патриотический настрой современников, характеризует эпоху, определяет быт и культуру народов России. В этой связи монография Б.Н. Ерофеева и Е.К. Минеевой представляется злободневной и интересной, поднимающей немаловажные вопросы современности.

Актуальность темы исследования характеризуется и тем, что оно раскрывает малоизвестные факты по формированию и развитию творческой интеллигенции в исторической динамике с 1990-го г. по сегодняшний день. Своеобразием данного научного труда является и то, что он написан на материалах конкретной республики Российской Федерации, поэтому в нем подчеркивается национальный колорит, выявляются основные направления творчества чувашского народа. Изучение комплекса проблем, связанных с профессиональной деятельностью представителей культурного сообщества на рубеже XX–XXI вв. на примере отдельно взятого региона, представляется весьма важным и востребованным временем. Монография дает возможность воссоздать реальную картину творческой жизни на определенном хронологическом отрезке времени как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

Научная новизна исследования состоит в том, что работа является успешной попыткой анализа становления и развития творческой интеллигенции, выявления проблем в области кадрового обеспечения социальной сфе-

ры, изучения культурной политики государства в 1990–2000-е гг. В публикации проанализированы не только уже рассматривавшиеся, но и ранее не поднимавшиеся вопросы профессиональной деятельности творческой интеллигенции на базе малоизученных источников. Широко используются мало известные и неизвестные архивные документы, что повышает эффективность и значимость проведенной авторами аналитической работы. Новизна монографии заключается и в том, что впервые проведено комплексное исследование проблем развития и деятельности творческой интеллигенции Чувашии, не имевших до этого отражения в историографии.

С критических позиций в книге оцениваются реформы 1990-х гг. в области культурного строительства. На основе осмысления новых источниковых материалов, выявленных в трех региональных архивах, в монографии впервые дан анализ позитивных и негативных последствий политики государства в области формирования творческих союзов, подготовки кадров, материально-технического обеспечения социально значимых учреждений.

Публикация является исследованием, в котором концептуальное осмысление заявленной темы сочетается с высокой информационной насыщенностью. Для монографии характерны логическое построение структуры, аргументированные выводы. Обоснованность умозаключений и рекомендаций авторов обусловлены всесторонним освещением истории профессиональной деятельности творческой интеллигенции Чувашии, объективной оценкой ее участия в общественно-политической и социально-культурной жизни страны. На основе разнообразных и многочисленных фактов, примеров авторы сумели показать, как происходило развитие творческой интеллигенции республики, а также – с какими сложностями ей пришлось столкнуться и каких результатов она добилась в 1990–2000-е гг.

На наш взгляд, совершенно правильно и целесообразно отдельным разделом авторы определили обзор источников и историографию вопроса. Поскольку собранный ими комплекс документов и анализ литературы получили весьма солидными, становится понятным, что была проведена кропотливая и, главное, результативная работа. В монографии представлен весьма добротный обзор предшествующей и современной отечественной и зарубежной литературы. Мы согласны с авторами по поводу выделения двух историографических этапов. Анализ источников свидетельствует о репрезентативности источниковой базы, ей соответствует восемь групп источников. Весомый вклад в изучение проблемы внесли документы трех архивов Республики Чувашия (Государственного исторического архива и Государственного архива современной истории Чувашской Республики, Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук), многие из которых впервые вводятся авторами в научный оборот. Изученные материалы 29 фондов позволяют говорить о высокой научной проработанности темы исследования. Достоинством монографии являются и познавательные приложения, которые содержат данные интервью, проведенные с представителями творческой интеллигенции Чувашской Республики.

Второй раздел научного издания посвящен непосредственно творческой интеллигенции Чувашии в 1990-е годы. Авторами выявлены изменения и сложности в политической и социально-культурной жизни республики в постперестроечный период, проанализирована деятельность национальных объединений: Чувашского национального конгресса, Чувашского общественно-

культурного центра и др. В разделе рассмотрена следующая проблематика: изменения в деятельности писателей и поэтов, работе издательств, участие представителей художественного творчества (композиторов, художников, театральных деятелей и др.) в процессе культурных и общественных преобразований конца XX в. Выявлены особенности в законодательной сфере, касающиеся культурной политики государства, исследован процесс формирования творческих общественных объединений. Работа насыщена именами конкретных представителей художественной элиты, проанализирована их роль в культурном пространстве республики, определены основные направления, а также трудности и способы их преодоления в жизни работников культуры.

Третий раздел раскрывает кадровую политику, а также динамику профессионально-квалификационной структуры творческой интеллигенции Чувашии. Отражено своеобразие формирования и деятельности интеллигенции в 2000-е гг. Освещена государственная культурная политика в начале XXI в., которая позволила выйти на новый уровень развития представителям творческих профессий, что нашло отражение и в увеличении материально-технического обеспечения. Названы новые имена молодой и талантливой молодежи, творческие работы которых получили известность как в республике, так и за ее пределами. Проанализирована динамика по увеличению количества учреждений культуры в Чувашии. Раскрыта деятельность представителей творческой интеллигенции республики за рубежом.

Основные выводы авторы приводят в заключении. Здесь же на основе сбора и анализа значительного комплекса источников и литературы, достоверность которых не вызывает сомнений, даны рекомендации.

При всех достоинствах проведенного исследования хотелось бы обратить внимание на несколько пожеланий авторам и идей для размышления. На наш взгляд, можно было бы усилить приложения за счет создания кратких исторических справок представителей творческой интеллигенции Чувашии. Вероятно, книга имела бы еще большую привлекательность за счет расширения данных по сравнительно-сопоставительному анализу культурной жизни Чувашии и соседних регионов. Наличие фотоматериалов обогатило бы работу и придало ей иллюстративный окрас.

В целом считаю, что получилась очень интересная, познавательная, объективно написанная монография, насыщенная не опубликованным ранее историческим материалом, которая позволяет погрузиться в процесс формирования и развития культурной жизни Чувашии в непростой и противоречивый период конца XX – начала XXI столетия.

КУРШЕВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор исторических наук, профессор, директор, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, Саранск (kurcheva_galina@mail.ru).

Формат цитирования: Куршева Г.А. Рецензия на монографию Ерофеева Б.Н., Минеевой Е.К. «Профессиональная деятельность творческой интеллигенции Чувашии на рубеже XX–XXI веков. Чебоксары: Новое время, 2017. 160 с.» // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 84–86.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Исторический поиск» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *анкета авторов;*
- 3) *ходатайство научного руководителя (для авторов статей, не имеющих ученых степеней).*

3. **Оформление статьи:**

- 1) *классификационные индексы УДК и ББК;*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

4. **Рисунки.** Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

5. **Таблицы.** Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовки выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

6. **Список литературы.** Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

7. **Список References.** Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

8. **Сведения об авторах** набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

9. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

10. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Гвоздев В.А.

Правовой статус Совета Министров Чувашской АССР
в системе органов государственной власти (середина 1940-х – начало 1990-х годов) 5

Камардин И.Н.

Рабочий протест на предприятиях Поволжья в переходный период к НЭПу 16

Моисеев А.Н., Моисеева Т.А.

Становление военно-социального направления деятельности военных комиссариатов
в Поволжье 25

Семенова И.Ю.

Работа Чувашской Областной комиссии по борьбе с последствиями голода
и ее уездных ячеек в годы массового голода в Поволжье (1921–1923 годы) 32

Симонова И.Н.

Развитие радиовещания в Пензенской области в 1945–1965 годах 42

Толстова Н.Ю., Минеева Е.К.

Размещение и трудоустройство граждан, эвакуированных на территорию Чувашии
в начальный период Великой Отечественной войны (на 1 июня 1942 года) 48

Ушаков А.В.

Структура профессиональной и хозяйственной деятельности мещан Удмуртии
второй половины XIX – начала XX века (на примере г. Сарапул) 54

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Идиатуллов А.К.

Христианско-мусульманское взаимодействие
как предмет новейших российских исследований 61

Кежутин А.Н.

Проблема домашнего насилия и харассмента в дореволюционной России
(по материалам современной американской историографии) 67

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ

Захарова-Кульева Н.И.

Изучение традиционной одежды чувашей во второй половине XIX – начале XX века 73

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Куршева Г.А.

Рецензия на монографию Ерофеева Б.Н., Минеевой Е.К.
«Профессиональная деятельность творческой интеллигенции Чувашии
на рубеже XX–XXI веков. Чебоксары: Новое время, 2017. 160 с.» 84

Правила для авторов 87

CONTENTS

NATIONAL HISTORY: PEOPLE, EVENTS, FACTS

- Gvozdev V.A.**
THE LEGAL STATUS OF THE CHUVASH ASSR COUNCIL OF MINISTERS
IN THE SYSTEM OF STATE GOVERNMENT BODIES (mid 1940s – early 1990s) 5
- Kamardin I.N.**
WORKERS' PROTECT IN THE ENTERPRISES OF THE VOLGA REGION
IN THE PERIOD OF TRANSITION TO NEW ECONOMIC POLICY (NEP) 16
- Moiseev A.N., Moiseeva T.A.**
FORMATION OF THE MILITARY-SOCIAL DIRECTION IN THE ACTIVITIES
OF MILITARY COMMISSARIATS IN THE VOLGA REGION 25
- Semenova I.Yu.**
FUNCTIONING OF THE CHUVASH REGIONAL COMMISSION TO COMBAT
THE CONSEQUENCES OF FAMINE AND ITS UYEZD UNITS DURING
THE YEARS OF MASS FAMINE IN THE VOLGA REGION (1921–1923) 32
- Simonova I.N.**
DEVELOPMENT OF RADIO BROADCASTING IN PENZA REGION IN 1945–1965 42
- Tolstova N.Yu., Mineeva E.K.**
ACCOMMODATION AND EMPLOYMENT OF CITIZENS EVACUATED TO THE TERRITORY
OF CHUVASHIA DURING THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(as of June 1, 1942) 48
- Ushakov A.V.**
STRUCTURE OF PROFESSIONAL AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE BOURGEOIS IN
UDMURTIYA OF THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY
(on the Example of the Town of Sarapul) 54

A HISTORIAN'S VIEW: SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY

- Idiatullov A.K.**
CHRISTIAN AND MUSLIM INTERACTION AS THE SUBJECT
OF THE LATEST RUSSIAN RESEARCH 61
- Kezhutin A.N.**
THE PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE AND HARASSMENT
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA (Based on Modern American Historiography) 67

ETHNOGRAPHIC REVIEW OF THE PEOPLES OF RUSSIA

- Zakharova-Kuleva N.I.**
STUDY OF TRADITIONAL CLOTHING OF THE CHUVASH IN THE SECOND HALF
OF THE 19th And Early 20th CENTURY 73

REFERENCES AND REVIEWS

- Kursheva G.A.**
REVIEW OF THE MONOGRAPH BY B.N. Erofeev and E.K. Mineeva «Professional Activity
Performed by Creative Intelligentsia of Chuvashia at the Turn of the XX–XXI Centuries.
Cheboksary: Novoe Vremya Publ., 2017, 160 p.» 84
- RULES FOR THE AUTHORS** 87

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОИСК / HISTORICAL SEARCH (16+)

**Том 1 № 2
2020**

Редактор ***Н.И. Загородняя***
Технический редактор ***Н.Н. Иванова***

Сдано в набор 06.04.2020. Подписано в печать 22.06.2020. Выход в свет 30.06.2020.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 7,3. Уч.-изд. л. 7,7.

Тираж 100 экз. Заказ № 784. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15